

[Polaris]

ЭЛИКСИР

ЖИЗНИ

Книга забытой фантастики

Том I

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

СССХХІІ

Salamandra P.V.V.

ЭЛИКСИР ЖИЗНИ

Книга забытой фантастики
Том I

Составление и подготовка текстов
М. ФОМЕНКО

Salamandra P.V.V.

Эликсир жизни: Книга забытой фантастики. Том I. Сост., подг. текстов и прим. М. Фоменко. — Б. м.: Salamandra P.V.V., 2019. — 234 с., илл. — (Polaris: Путешествия, приключения, фантастика. Вып. СССXXII).

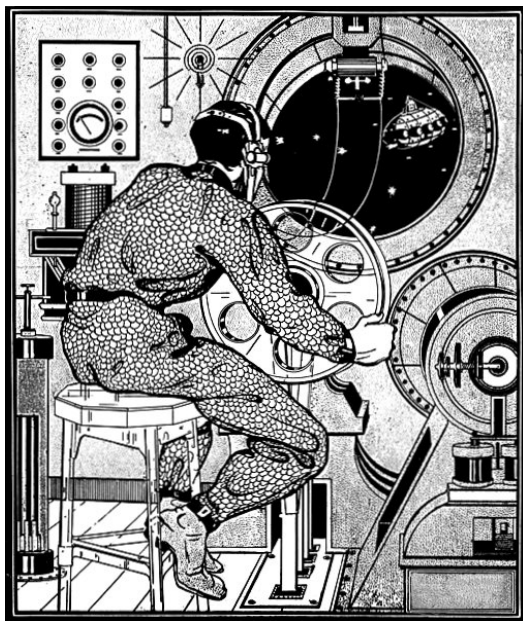
В сборник вошли раритетные научно-фантастические произведения западных писателей первых десятилетий XX века. Среди авторов читатель найдет как громкие и знаменитые, так и малоизвестные имена.

© Authors, estate, 2019

© М. Fomenko, состав, подг. текста, прим., 2019

© Salamandra P.V.V., оформление, 2019

ЭЛИКСИР

ЖИЗНИ

Джон Остен

КОНЕЦ ЗЕМЛИ

Научная фантазия

Итак, совершилось! Жизнь человеческая на земном шаре прекратилась... Нам, существам, предки которых некогда переселились с Земли сюда, на Венеру, странно сознавать, что первоначальная родина наша превратилась в безлюдную пустыню.

Как это случилось? Какие события привели к катастрофе?

Она не была внезапной. Длинный ряд тысячелетий постепенно подготовил трагический конец планеты, которая некогда была родиной предков нынешних переселенцев Венеры.

Сделаем же беглый обзор этих событий.

* * *

При своем возникновении Земля вращалась быстрее всех прочих планет солнечной системы. Сутки были в пять раз короче, нежели в то время, когда на земном шаре появились первые люди. Год насчитывал 1.800 таких укороченных суток. Прежде, чем юная Земля успела уплотниться, солнечное притяжение разделило ее на две неравные части; меньшая из них образовала спутник большей — Луну. Это было важное событие в истории Земли, событие, скрывавшее в себе зародыш грядущей гибели земного человечества. Смертельный удар населению Земли был нанесен именно Луной. Как это произошло, я и расскажу в дальнейшем.

* * *

Первоначально Луна находилась весьма близко от Земли и обращалась вокруг нее так быстро, что месяц был лишь немного длиннее суток. Могучие приливы, порождаемые на Земле столь близкой Луной, тормозили вращение Земли и замедляли его: сутки постепенно становились длиннее.

Но при этом Луна сама увлекалась приливной волной, получила большую скорость и, в силу законов небесной механики, отдалялась от Земли все больше и больше. Таким образом, одновременно с удлинением дня происходило и удлинение месяца. Это совершалось медленно, но безостановочно.

В ту отдаленную эпоху, когда на Земле возникают первые проявления жизни, Луна была уже далеко от Земли, а через тысячу миллионов лет, когда в земной природе появился человек, Луна совершала уже свой оборот вокруг Земли в 29 дней. Но замедляющее действие приливов, трение приливной волны о земную поверхность не прекратилось окончательно; оно лишь ослабело, и уменьшало продолжительность каждых суток, примерно, на одну 40-тысячную долю секунды.

Когда человечество придумало тепловые машины, оно стало сжигать в топках котлов и в двигателях внутреннего сгорания те горючие остатки ископаемых растений, которые удавалось находить в поверхностных слоях земной коры. Но этих запасов горючего хватило всего лишь на несколько столетий. Пришлось искать других источников энергии. Сначала обратились к водопадам и к текучим водам, — но здесь удалось получить лишь немного. Энергия ветра — непостоянна. Энергией солнечных лучей можно пользоваться только в тропических странах.

И вот земные люди обратились к энергии приливов и отливов, — не подозревая, к каким роковым последствиям это должно привести в отдаленном будущем. Изобретение искусственной пищи позволило человечеству беспрепятственно размножаться, не испытывая земельной тесноты, и в ту эпоху, когда вся планета объединилась в одну федеративную республику, насчитывалось уже 12 миллиардов земного населения. Приливные силовые станции развивались с неудержимой быстротой. К тому времени, когда человеческий род насчитывал миллион лет своего существования, общая мощность всех приливных установок достигала биллиона (т. е. миллиона миллионов) лошадиных сил. Следствием этого было то, что тормозящее действие при-

ливов на вращение Земли увеличилось в 50 раз. День стал удлиняться все ощутительнее.

Если бы удлинение суток протекало естественным порядком, прошло бы 50 миллиардов лет прежде, чем продолжительность суток сравнялась бы с месяцем. Но земные люди никогда не заглядывали вперед больше, чем на миллион лет. Поэтому они продолжали беспечно расточать природную энергию земного вращения. Прошло пять миллионов лет — и люди использовали уже, в виде энергии приливов, около 50 биллионов лошадиных сил.

* * *

Это была счастливая эпоха в истории земного человечества. Все инстинкты людей получили полное удовлетворение. Смерть отодвинулась далеко вглубь веков, потому что науке удалось продлить жизнь человека до 3000 лет. Лик Земли изменился под рукой человека: материки были переустроены, обширные пустыни орошены, вечные снега растоплены. Искусство достигло небывалой высоты и процветания.

Эволюция человеческого рода прекратилась: человек достиг полного равновесия с окружающей природой, и воздействие ее на него свелось к нулю. Исчезли некоторые, ставшие бесполезными, органы, — например, зубы, и, между прочим, были уничтожены всякие болевые ощущения. Люди не знали, что такое боль. Технических открытий больше не делалось: в этом не ощущалось уже никакой потребности, так как все стремления получили удовлетворение. Из наук продолжали развиваться лишь некоторые отрасли чистой математики, не имевшие прикладного значения, химия, биология; из технических знаний — садоводство.

Так безмятежно протекала жизнь земного человечества в течение трех миллионов лет, пока удвоившаяся продолжительность суток не заставила людей тревожно задуматься над грядущими судьбами их планеты. Люди поняли,

к чему это должно привести со временем: после того, когда сутки сравняются с месяцем, начнется преобладание солнечных приливов, которые будут стремиться уравнивать сутки с годом. Луна станет обращаться вокруг Земли быстрее, чем сама Земля вокруг своей оси, и это повлечет за собою постепенное приближение Луны к Земле. Неизбежен момент, когда Луна будет разрушена могучим притяжением близкой Земли и сама подвергнется разрушению...

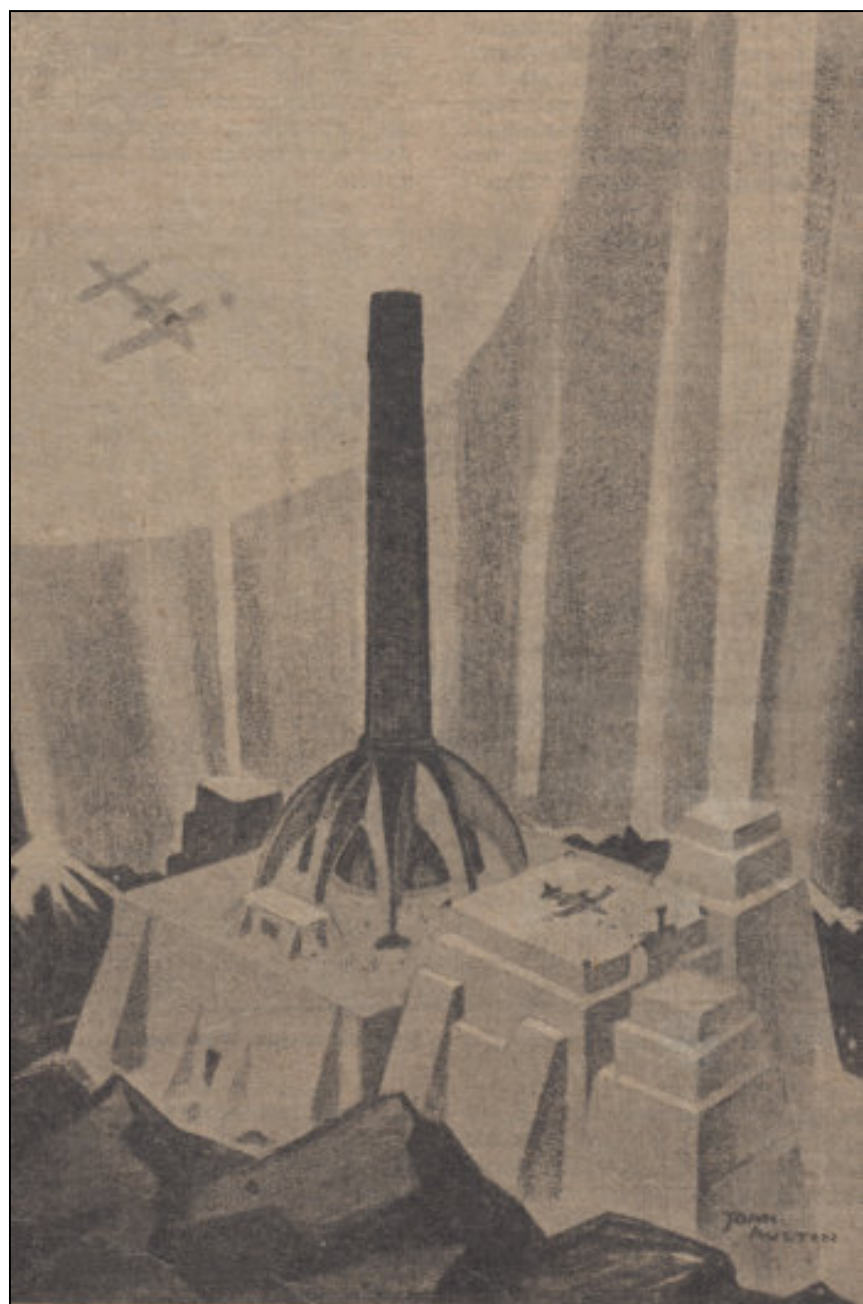
Тогда поставлен был на очередь новый в истории земного человечества лозунг:

— Колонизация других планет!

Первые смелые попытки перелететь на иные планеты окончились гибелью отважных летчиков. Посланные снаряды либо сгорели от трения об атмосферу, либо разрушились от столкновения с падающими камнями. А те, которые достигли Луны, разбились вдребезги от ударов об ее поверхность. Единственная экспедиция, которой удалось благополучно высадиться на Луне с запасом кислорода и даже сигнализировать оттуда на Землю о результатах своих разведок, не могла возвратиться на родную планету, и все члены ее умерли на Луне.

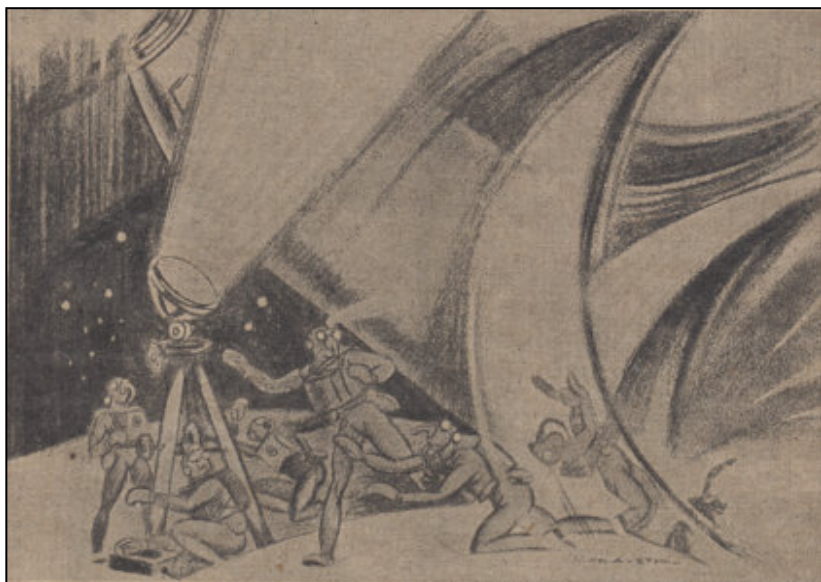
Как происходили эти небесные перелеты? Первые экспедиции пользовались огромными пушечными снарядами в 50 метров длины, внутри которых была устроена каюта. Пушкой служила исполинская труба в несколько километров, сооруженная на вершине высокой горы, чтобы вылетающее ядро встречало меньшее сопротивление воздуха. Оставив за собою атмосферу со скоростью 10 километров в секунду, снаряд двигался дальше уже по принципу ракеты. Тогда снаряды еще не снабжались, как в наши дни на Венере, обширными развертывающимися крыльями для использования светового давления. Поэтому высадка на чужую планету была крайне опасна и редко совершалась благополучно. Межпланетный перелет, в сущности, был почти самоубийством.

В 9723841-м году одной экспедиции удалось счастливо достигнуть Марса и невредимо высадиться на его поверхность. Она сигнализировала оттуда, что колонизация этой

планеты невозможна: тот вид живых существ, который господствует на Марсе, слеп к лучам, воспринимаемым нами как свет, и ничего не знает о других планетах. Это не мешает им узнавать о прибытии в их мир чужеземцев и яростно стремиться к их уничтожению.

Спустя 500.000 лет осуществлена была первая экспедиция на Венеру. Но страшный зной и недостаток кислорода в атмосфере Венеры погубил смелых участников этой первой разведки. После трагической гибели этой экспедиции, попытки совершать перелеты стали крайне редки.

Наступил критический 17846151-й год, когда беспечное использование энергии вращения земного шара привело к тому, что сутки по продолжительности сравнялись с месяцем: то и другое длилось 48 старых дней. Земля и Луна всегда были повернуты друг к другу одной и той же стороной. Ночи на Земле стали непомерно длинны и страшно холодны, так что в течение этой 24-суточной ночи успевала отми-

рать вся растительность. Напротив, долгие дни были непереносимо жарки. Многие растения приспособились к этим новым климатическим условиям, но все не домашние млекопитающие, все птицы и пресмыкающиеся постепенно вымерли. Род человеческий, однако, продолжал размножаться, потребность в энергии росла, и, за отсутствием лунных приливов, началось использование приливов, порождаемых Солнцем. Это еще более удлиняло продолжительность суток и приближало роковой конец.

Теперь месяц был уже короче новых суток; Луна восходила на западе и закатывалась на востоке. Сначала медленно, потом все стремительнее Луна приближалась к Земле, и диск ее зловеще возрастал для жителей земного шара. Было ясно, что гибель Земли — вопрос еще всего нескольких миллионов лет. Большинство людей взирали на грядущую гибель родной планеты с равнодушием, но немало было и таких, которые серьезно задумывались над путями спасения.

Тогда опять возобновились настойчивые попытки колонизовать Венеру. Целый ряд экспедиций закончился гибелью, прежде чем 285-я экспедиция высадилась благополучно и просигнализировала подробно об условиях здешней жизни. Несколько сот тысяч земных обитателей, — те, потомками которых являются нынешние человеческие существа Венеры, — твердо решили спасти человеческий род от окончательного вымирания. Если земному человечеству неизбежно суждено погибнуть, то человек должен жить вечно во вселенной. Задача состояла в том, чтобы путем искусственного отбора создать такую породу людей, которая была бы приспособлена к условиям жизни на Венере: к высокой температуре и к недостатку кислорода. Те, которые посвящали себя служению этой великой идее спасения человеческого рода, самоотверженно переносили связанные с этим лишения. Десять тысяч лет длился этот героический подвиг, прежде чем создана была раса, способная жить в атмосфере, содержащей всего 1/10 долю нормального количества кислорода, и при температуре тела, на 6° выше нормальной. Исполинские ракеты с такими пассажирами во множестве были отправлены на Венеру. Из 1734 снаря-

дов только 11 благополучно достигли Венеры и высадили своих пассажиров. Экипаж троих из них погиб, а остальные были нашими предками.

С этого момента начался новый период в жизни человеческого рода. Надо ли рассказывать историю нашего нового человечества, историю колонизации Венеры? Всем известно, каких гигантских усилий стоила первым колонизаторам борьба с природой Венеры и с природой своего собственного существа. Эволюция земных переселенцев была подчинена бдительному общественному контролю. Необычайный рост умственных способностей сопровождался и появлением новых внешних чувств. Немногие знают, что наша способность воспринимать электромагнитные волны длиной от 100 до 1200 метров — есть новое приобретение, которого люди на Земле еще не имели. Великое значение этого чувства в том, что во все моменты нашей жизни, наяву и во сне, оно ставит каждого отдельного человека под воздействие голоса общественности. Та совершенная солидарность, которая отличает сейчас нашу жизнь на Венере, едва ли возможна была бы без того чувства. На Земле не-

которым подобием благотельного влияния этого чувства было воздействие высших форм искусства, музыки и литературы, равно как правила личной и общественной морали.

Другое новое чувство, приобретенное нами здесь, на Венере — чувство магнитное. При недостаточной прозрачности здешней атмосферы, чувство это очень важно для авиации. На Земле же оно было бы почти бесполезно. Возродилось здесь и чувство боли, утраченное на Земле, — чувство, очень важное в процессе эволюции: без чувства боли человек не мог бы выжить и приспособиться к враждебным условиям.

Последние несколько миллионов лет воочию выяснили опасность, угрожавшую Земле вследствие использования человеком энергии ее вращения. Эксплуатация приливов была поэтому прекращена. В этот период Луна, постепенно приближаясь к Земле, отстояла от нее уже в пять раз ближе, чем в начальный период истории человечества. Людям она казалась огромным диском, в 25 раз больше солнечного, и четырежды в год поднимала исполинские приливные волны в 150 метров высоты.

Сказывалось и влияние земного притяжения на столь близко расположенную Луну. Притягиваемое к Земле в разных частях с различной силой, тело Луны стало распадаться на отдельные глыбы. Первые обломки покинули ее поверхность, когда она находилась всего в 9000 километрах от Земли и покрывала собою для земных обитателей пятую часть неба.

Конец этого разрушения можно было наблюдать с Венеры: внезапно раскрылась часть лунной коры, обращенная к Земле, и из недр земного спутника излился поток раскаленной лавы. В короткий срок вся масса Луны расплавилась и растеклась кольцом, окружившим земной шар наподобие колец Сатурна. Спасаясь от нестерпимой жары, уничтожавшей все живое на земной поверхности, человечество зарылось глубоко в землю.

Но ему не суждено было уцелеть. Раскаленные обломки и обрывки Луны, хаотически сталкивавшиеся в кольце, частью выбрасывались оттуда и обрушивались на Землю. Из-за облаков пара и вулканического дыма, которые покрывали Землю, мы многого не могли рассмотреть. Но позднее стало ясно, что тропические области Земли были погребены на глубине многих километров под лунными обломками, а остальные зоны погрузились в кипящий океан и в вулканические извержения, вызванные этой бомбардировкой. Невозможно допустить, чтобы на Земле сохранился хоть какой-нибудь след человеческой жизни.

Кольцо вокруг Земли, подобное кольцу Сатурна, еще не пришло в равновесие: обломки его будут падать на Землю в продолжение тридцати пяти тысяч лет. В конце этого периода Земля будет готова для обратной колонизации. Нами уже предприняты приготовления к этому событию.

Возвратившись на Землю, мы предполагаем колонизировать оттуда Юпитер. Неизвестно, удастся ли эта попытка. Большая сила притяжения, конечно, разрушит тела таких размеров, как наши; но жизнь на Юпитере будет возможна для меньших организмов. Поэтому мы воспитываем особый карликовый вид человеческой расы, в четыре раза меньше нашего, с короткими ногами, но очень широкими костями. Их внутренние органы тоже будут весьма прочны. Эти существа отбираются путем выращивания в центрифугах, заменяющих усиленную тяжесть. Приспособляемость к чрезвычайному холоду на Юпитере невозможна, но мы предполагаем посылать туда снаряды длиной в километр, которые будут заключать достаточный запас энергии, обеспечивающий их обитателей на несколько столетий. А за это время они смогут разработать доступные на этой планете источники энергии. Мы надеемся, что один из тысячи снарядов долетит благополучно. Если Юпитер будет успешно колонизован, мы предпримем завоевание и более отдаленных планет.

Через сто тридцать миллионов лет солнечная система перейдет в такую область пространства, где звезды гораздо плотнее, чем в нашем нынешнем соседстве. Хотя, по всей

вероятности, не более одной из десяти тысяч этих звезд обладает пригодными для колонизации планетами, но возможно, что мы пройдем на достаточной близости от такой звезды, чтобы предпринять попытку высадки. Время, необходимое для достижения другой звездной системы, будет измеряться сотнями или тысячами лет, и из каждого миллиона снарядов только несколько достигнут цели. Но в таких случаях гибель жизни столь же неизбежна, как и при посевах растений.

Наш Млечный Путь будет существовать приблизительно не меньше восьмидесяти миллионов лет. Необходимо, чтобы до истечения этого времени вся его материя, пригодная для жизни, была во власти потомков тех, чья родина — Земля. Если это когда-либо хоть приблизительно будет достигнуто, конец Земли, свидетелями которого мы только что были, — будет всего лишь эпизодом, почти не имеющим значения.

Ведь существуют еще и другие Млечные Пути!

Мишель Верн

ВЕЧНЫЙ АДАМ

Зартог Софр-Аи-Ср, что означало: «доктор, третий представитель по мужской линии 101-го поколения Софр», медленно шел по главной улице Базидры, столицы Арс-Итен-Шу, иначе говоря, «Империи четырех морей». Эта обширная страна с причудливыми географическими очертаниями в самом деле омывалась четырьмя морями: с севера — Тюбелонем, с юга — Эоном, с востока — Споном и с запада — Мероном. Ее крайние пределы, исчисляя в известной читателю системе координат, достигали 4° восточной и 69° западной долготы, 54° северной и 55° южной широты. Общую поверхность морей измерить можно было лишь приблизительно, ибо все воды сливались в единый Мировой океан. И если мореплаватель, отправляясь в путь от одного из берегов, все время продолжал плыть вдоль него, он непременно попадал на противоположный берег — ведь на всем земном шаре не существовало другого материка, кроме Арс-Итен-Шу.

Из-за сильной жары Софр шел очень медленно. Наступали знойные дни. Солнце, достигшее зенита, низвергало лавину палящих лучей на Базидру, стоящую на побережье Спон-Шу (Восточного моря), менее чем в 20° от экватора.

Но груз мыслей еще сильнее, чем усталость и зной, замедлял шаги Софра, ученого-зартога. То и дело машинально вытирая лоб рукой, он вспоминал только что окончившееся заседание, где столько красноречивых ораторов (а он с гордостью мог бы сказать, что был в их числе) торжественно восславляли сто девяносто пятую годовщину основания империи.

Некоторые из ученых напомнили ее историю и тем самым историю всего человечества. Они рассказали о Маарт-Итен-Шу, «Земле четырех морей», в доисторическую эпоху населенной множеством диких разобщенных племен. Именно с этими племенами связывали происхождение древнейших народных традиций страны. О более ранних событиях вообще ничего не было известно, и лишь с недавних пор ученые, опираясь на естественные науки, начали различать слабые проблески истины в непроницаемых дебрях прошлого. Во всяком случае, эти давно ушедшие времена ус-

кользали от критического взора истории, и элементарные представления о прошлом складывались из неясных сведений, относящихся к отдельным первобытным племенам.

На протяжении более чем восьми тысячелетий история Маарт-Итен-Шу, постепенно обрастая фактами, представляла собой сплошную цепь сражений и войн — сначала человек шел на человека, затем сражались между собой родовые общины, и, наконец, в войну вступали целые племена. В течение многих веков все живое преследовало одну цель — любыми путями упрочить свое превосходство над соперником и подчинить его своим законам.

И только восемьдесят столетий спустя исторические сведения становились более определенными. В начале второго из четырех периодов, на которые подразделялись летописные своды Маарт-Итен-Шу, легенда уступила место истории. Впрочем, тема повествования совершенно не меняется — все те же побоища и кровопролития, но уже не между племенами, а между народами. Так что, собственно говоря, этот второй период мало чем отличался от первого. То же можно сказать и о третьем периоде, длившемся около шести веков и закончившемся примерно два столетия назад. Этот третий период был, по-видимому, еще более жестоким, чем предыдущие: несметные армии людей с неутолимой яростью поили землю собственной кровью.

Немногим более восьми столетий назад с того дня, как Софр шел по главной улице Базидры, человечество стояло на пороге великих преобразований. К этому времени оружие, огонь и насилие частично исполнили свою необходимую миссию подчинения слабых. Все население Маарт-Итен-Шу делилось на три однородные нации, в которых время уже стерло различия между прежними победителями и побежденными. И именно тогда одна из этих наций предприняла попытку подчинить себе остальные. Андарты-А-Самгор, или «Люди с бронзовыми лицами», жившие в центре Маарт-Итен-Шу, вели яростную борьбу за расширение границ, в тисках которых они задыхались. Постепенно этот пылкий плодovitый народ в результате вековых войн победил А-Маарт-Орис, или «Людей из страны снегов», населяв-

ших южные области, и А-Митра-Псюл — «Людей с неподвижной звезды», населявших север и запад.

Почти двести лет утекло с тех пор, как последняя попытка сопротивления двух покоренных народов была потоплена в крови, и на земле, наконец, установился прочный мир. Наступил четвертый период истории. Три прежних нации сплотились в единой империи. Повсюду действовали законы Базидры, и политическая общность способствовала смешению народностей. Никто не говорил больше о «Людах с бронзовыми лицами», о «Людах из страны снегов», о «Людах с неподвижной звезды». Землю заселяла единая нация — Андарт-Итен-Шу («Люди четырех морей»), воплотившая в себе черты всех прежних племен.

И вот после двух столетий мирной жизни, казалось, наступал пятый период. Люди распространяли невесть откуда возникшие неприятные слухи. Объявились идеологи, которые стали пробуждать допотопные воспоминания. Древние родовые инстинкты возрождались в новых обличьях и выражались в недавно возникших словах: род, национальность, тотчас ставших обиходными. В зависимости от происхождения, физических свойств, духовного склада или просто географической общности начали создаваться отдельные группировки.

Мыслящих людей волновало: какую форму приобретет эта зарождающаяся эволюция? Неужели империя распадется, и Маарт-Итен-Шу будет, как в былые времена, разделена между бесчисленными враждующими племенами? Неужели, чтобы не допустить этого, снова придется прибегнуть к насилию, столько тысячелетий превращающему землю в арену кровопролитных сражений?

Софр тщетно пытался отогнать эти мысли. Ведь еще неизвестно, что ждет нас в будущем: к чему тревожить себя догадками? Да и не время предаваться этим мрачным размышлениям. Сегодня полагалось ликовать и прославлять августейшее величие Могхара-Си, двенадцатого императора Арс-Итен-Шу, чей скипетр вел планету к знаменательной судьбе. К тому же, любой зартог имел все основания радоваться. После историка, который описал пышность им-

перии Маарт-Итен-Шу, выступила целая плеяда ученых, и каждый в своей области науки подвел итог развитию человеческой мысли и достижений цивилизации, увенчавших вековые усилия разума. И если первый оратор навел на грустные размышления, описывая, каким долгим и тернистым путем человечество шло от первоначального животного состояния, то другие, напротив, возбуждали у слушателей чувство законной гордости.

Действительно, сравнение первобытного человека — го-лого и безоружного — с человеком сегодняшнего дня все-ляло веру в будущее. На протяжении долгих веков, несмотр-я на раздоры и братоубийственную ненависть, человек ни на минуту не прекращал борьбы с природой, укрепляя свои победы.

Его триумфальное шествие, сначала медленное, порази-тельно ускорилось за последние двести лет. Политическая стабилизация и всеобщий мир способствовали небывало-му подъему науки. Человечество стало жить, руководствуясь деятельностью мозга, а не только силой своих рук; оно мы-слило, а не растрчивало себя в бессмысленных войнах. По-этому два века назад оно начало постигать тайны мате-рии...

Продолжая идти под палящим солнцем по главной ули-це Базидры, Софр мысленно рисовал широкими мазками картину человеческих завоеваний.

Сначала, в незапамятные времена, человек изобрел пись-менность, чтобы запечатлеть свои мысли. Затем, примерно пять столетий назад, он нашел способ размножать напи-санное в неограниченном количестве оттисков при помощи отлитой матрицы. Это изобретение породило все последую-щие. Оно вызвало первое брожение умов, дало толчок ду-ховному развитию человека, а отсюда пошли и бесчислен-ные открытия во всех областях теории и практики.

Человек проник в недра Земли и извлек оттуда уголь, щедро отдающий заключенное в нем тепло. Человек поста-вил себе на службу скрытую силу воды. Отныне пар тащил по железным дорогам тяжелые составы и приводил в дви-жение множество громадных машин, работающих с непогре-

шимой точностью. С помощью этих механизмов человек обрабатывал растительные волокна, металлы, мрамор и камень.

Углубляясь в область абстрактного мышления, он шаг за шагом проникал в тайну чисел и постигал бесконечность математических истин. От математики человек перешел к изучению небесных светил. Он узнал, что Солнце — это огромная звезда, которая движется во вселенной и по строгим законам тяготения удерживает на огненной орбите семь планет-спутников *.

Человек познал искусство образовывать из простых веществ сложные, не имеющие ничего общего с первоначальными, и разлагать их на составные элементы. Он подверг анализу теплоту, звук, свет и начал изучать их свойства и законы. Полвека назад он овладел таинственной движущей силой, которая способна вызывать гром и молнии, и тотчас же подчинил ее себе. Сегодня эта сила передает на неизмеримые расстояния запечатленное слово, завтра она будет передавать звук, а затем, несомненно, и изображение**.

Да, человек велик! Очень скоро он станет властелином бескрайней вселенной!

Теперь предстояло овладеть абсолютной истиной, решив последнюю проблему: кто этот человек, подчинивший себе весь мир? Откуда он появился? Что будет венцом его неусланных усилий?

Именно этот важный вопрос обсуждался на конференции, которую только что покинул зартог. Разумеется, Софр лишь слегка затронул этот вопрос, поскольку он еще долго останется неразрешимым. Однако проблески догадки на-

* Следовательно, Андарт-Итен-Шу не знали Нептуна. (*Прим, авт..*) (При жизни Жюль Верна было известно восемь планет солнечной системы, девятая — Плутон — была открыта в 1930 году. *Прим, пер.*)

** К тому моменту, когда зартог Софр предавался своим размышлениям, Андарт-Итен-Шу уже изобрели телеграф, но не знали телефона и телевизора (*Прим. пер.*).

чали приоткрывать завесу этой тайны. В большой степени в том была заслуга самого зартога Софра. Собрав и систематизировав наблюдения своих предшественников и собственные исследования, он вывел закон эволюции живой материи, завоевавший всеобщее признание.

Эта теория базировалась на трех науках. Прежде всего на геологии, которая зародилась вместе с раскопками земных недр и совершенствовалась по мере развития горных разработок. Земная кора была так тщательно изучена, что стало возможным установить ее возраст — около четырехсот тысяч лет. Материку же Маарт-Итен-Шу было двадцать тысяч лет. Первоначально весь континент покоился под водой, о чем свидетельствовал толстый слой ила, полностью покрывающий подземные скалистые пласты. Каким же образом материк поднялся над водами? Скорее всего, вследствие сжатия охлажденной земной поверхности, иначе трудно было объяснить его появление. Двумя другими основаниями для теории Софра послужили биология и археология. Было установлено тесное родство как внутри растительного, так и животного мира. Софр убедительно доказал, что почти вся существующая флора происходит от одного морского растения, а вся фауна, населяющая небо и землю, — от морских животных.

По закону эволюции они приспособлялись к условиям жизни на Земле, отличным от условий их примитивного существования в водной стихии. Проходя постепенно через все стадии развития, они породили как раз те самые виды, которые населяли отныне Землю и воздух.

К сожалению, эта теория была уязвимой. Происхождение животного и растительного миров от морских предков казалось бесспорным, но существовало несколько представителей флоры и фауны, которых невозможно было отнести к происшедшим от морских организмов. Это и было одним из двух уязвимых звеньев теории Софра.

Человек — зартог не мог обманывать себя — был другим слабым звеном его теории. Не подлежало сомнению, что между человеком и животным нельзя было установить никакого сходства. При том, что основные свойства и функции —

дыхание, питание, движение — осуществлялись одинаково, между внешним обликом, числом и расположением органов существовало непреодолимое различие. Тем самым предположение о родстве человека с морским предком было абсолютно недопустимым.

Чтобы сохранить цельной теорию эволюции, необходимо было выдвинуть гипотезу — впрочем, совершенно бездоказательную, — по которой человек и водная фауна имели бы одного общего предка. Но его существование в первобытный период не подтверждалось никакими данными.

Одно время Софр надеялся найти убедительные доказательства своей теории. По его предложению и под его руководством в течение многих лет велись раскопки, но их результаты не только не подтвердили ожидания, а оказались полностью противоположными. Под тонким слоем перегноя, образованного из разложившихся остатков растений и животных, открылся толстый пласт ила совершенно иного состава. В этом иле не было и признака современной флоры и фауны, зато обнаружилось колоссальное скопление морских ископаемых, которые существовали и теперь, чаще всего в океанах, опоясывающих Маарт-Итен-Шу. Какой же следовало сделать вывод?

Да, правы были геологи, заявляя, что когда-то весь континент представлял собой дно океана, и не ошибался и Софр, установив морское происхождение современных растений и животных. Поскольку, кроме водяных и наземных форм, не было найдено почти никаких следов жизни иного происхождения, то, безусловно, последние произошли от первых.

Но, к сожалению, этот вывод никак не складывался в законченную теорию, потому что в ходе раскопок были сделаны и другие находки...

Во всей толще перегноя и в верхнем слое ила попадалось огромное количество человеческих костей. Ничего необычного в строении этих скелетов замечено не было, и Софр был вынужден отказаться от мысли найти здесь следы переходных стадий, которые могли бы подтвердить его теорию. Все эти кости были самыми обыкновенными человеческими костями. Однако очень скоро была установле-

на одна примечательная закономерность — до определенного периода, который, по приблизительным подсчетам, завершился две-три тысячи лет назад, чем древнее были кости, тем меньшего объема были черепа. Но до этого временного пласта процесс шел в обратном направлении — чем глубже заглядывали в прошлое, тем больше был объем черепов и, следовательно, размеры мозга.

Максимальная величина черепа встречалась среди довольно редких останков, найденных на поверхности илистого слоя.

Их тщательное исследование не позволило усомниться в том, что в ту далекую эпоху люди стояли на более высокой ступени умственного развития, чем их потомки, включая и самих современников Софра.

Следовательно, на протяжении шестнадцати или семнадцати тысячелетий происходил явный регресс, за которым следовал новый подъем.

Софр, взволнованный этими странными фактами, еще больше углубился в свои раскопки. Был тщательно взрыт слой ила на такой глубине, что, по самым осторожным подсчетам, найденные отложения относились к эпохе, отстоящей на пятнадцать-двадцать тысячелетий. Под этим слоем, к всеобщему удивлению, были найдены едва заметные следы перегноя, а еще глубже — известняки различных пород. Но изумлению не было границ, когда и на этой таинственной глубине были обнаружены человеческие останки, а кроме того, обломки орудий, машин, глиняные черепки, обрывки надписей на незнакомом языке, художественно обработанные камни, хорошо сохранившиеся статуи, искусно высеченные капители и многое другое.

Все найденное приводило к логическому заключению, что около сорока тысяч лет назад (то есть за двадцать тысяч лет до того момента, когда внезапно, неизвестно откуда и как, появились первые представители современной расы) на этом месте уже жили люди, достигшие очень высокого уровня цивилизации.

Таково было официальное заключение. Однако существовал один инакомыслящий. Им был не кто иной, как сам Софр.

Предположение, что древние люди, отделенные от современного человечества пропастью в двадцать тысяч лет, первыми населяли Землю, казалось просто безумием. Откуда же произошла, в таком случае, современная раса, если у нее не было никакой связи с далеким прошлым? Трудно было принять эту абсурдную гипотезу, но и не следовало приходить к выводу, что загадочные обстоятельства вообще необъяснимы. Можно не сомневаться, что они будут разгаданы, а пока лучше исходить из принципов, не противоречащих здравому смыслу.

Жизнь на планете делится на две фазы: дочеловеческая и человеческая. Вначале на Земле происходили вечные превращения, поэтому она и была необитаемой. Позже земная кора затвердела, и на этой твердой опоре возникла жизнь. Ее зарождение началось с простейших форм, которые, развиваясь, воплотились в самое позднее и совершенное произведение эволюции — человеческое существо. С появлением первого человека начинается прогресс. Медленно, но уверенно человек движется к своей цели — совершенствованию познания и владычеству во вселенной.

Глубоко задумавшись, Софр прошел мимо собственного дома. Раздосадованный, он повернул обратно. «Как, — думал он, — возможно ли, чтобы человек уже четыреста веков назад находился на равной нам, а то на еще более высокой ступени развития? Может ли быть, что все его знания и открытия бесследно исчезли, и потомки были вынуждены начать все сызнова, как если бы они первыми появились на этой необитаемой до них планете? Но думать так — значит отрицать будущее, отрицать пользу собственного труда... Возможно ли, что весь прогресс, достигнутый человеком, так же непрочен, как мыльный пузырь?»

Софр остановился у своего дома. «Упса ни! Артшок! Нет! Никогда! Андарт мир ос спа! Человек — властелин мира!» — шептал он, входя в дверь.

Немного отдохнув, зартог с аппетитом поел, затем снова прилег, чтобы, как обычно, вздремнуть после обеда. Но вопросы, над которыми он размышлял, возвращаясь домой, неотступно преследовали его, мешая уснуть.

Как ни велико было желание Софра сформулировать, наконец, свою теорию, критический ум ученого мучил неразрешимый вопрос — происхождение человека. В споре с другими Софр мог доказать правильность теории при помощи прежних гипотез, и лишь самого себя он не мог убедить. Если бы Софр был простым смертным, а не выдающимся ученым, он не был бы так обескуражен. Народ, не задумываясь, слепо верит в легенду о сотворении мира, которая с незапамятных времен передается от отца к сыну. Объясняя одно чудо другим, легенда приписывает сотворение человека вмешательству высшей силы. В один прекрасный день эта высшая сила сотворила из ничего Хидема и Хиву, мужа и жену, потомство которых населило Землю. Эта легенда очень просто объясняет сразу все загадки. «Даже слишком просто», — думал Софр. Разумеется, удобнее всего прибегнуть к вмешательству божества, когда ты не можешь ответить на трудные вопросы. Это доказывает бессцельность попыток объяснить загадки вселенной. Впрочем, в этом случае не существует и загадок. Все всегда можно приписать божеству.

Если бы это было хоть народной легендой! А то досужий вымысел, родившийся в эпоху глубокого невежества и передававшийся веками от поколения к поколению. Взять даже имя первого человека — Хидем. Откуда это странное слово с его диким звучанием, совсем отличным от слов языка Маарт-Итен-Шу? Над этой маленькой филологической трудностью бились многие ученые, но так и не нашли загадки. Хватит. Зартог не должен обращать внимания на пустяки.

В сильном волнении Софр вышел в сад. Впрочем, именно в это время он по обыкновению совершал прогулки. Заходящее солнце уже не так сильно обжигало землю, а со Спон-Шу поднимался легкий ветерок. Бродя по тенистым аллеям, где морской ветер шептался с трепещущей лист-

вой, Софр понемногу успокаивался. Он выбросил из головы навязчивые мысли и спокойно наслаждался свежим воздухом, плодами сада, цветами, яркими красками.

Случайно он вновь очутился у дома и остановился перед глубокой ямой, в которую было свалено множество старых, ненужных инструментов, применявшихся в разных отраслях науки. Здесь, рядом со зданием старой лаборатории, готовили к закладке фундамент новой. Но в этот праздничный день на строительстве никого не было — все рабочие отдыхали. Софр машинально прикинул, много ли осталось работы, и вдруг в глубине ямы заметил какую-то блестящую точку. Подстрекаемый любопытством Софр спустился на дно и извлек странный предмет.

Это был футляр из неизвестного металла зернистой структуры, серебряного цвета, потускневший от долгого пребывания в земле. Он состоял из двух половинок, плотно пригнанных одна к другой. Софр попытался их открыть, но металл, разъеденный временем, рассыпался в его руках, высвободив спрятанный в нем предмет, который, как и футляр, был сделан из незнакомого материала. Перед Софром было множество мелких листков, покрытых непонятными знаками, правильное расположение которых наводило на мысль, что это рукопись. Софр никогда не видел письменности, даже отдаленно похожей на эту.

В нетерпении зартог поспешил запереться в лаборатории. Он бережно разложил драгоценный документ и внимательно разглядел его.

Да! Он был абсолютно уверен, что это письмена. Но Софр не сомневался и в том, что никогда на Земле не было ничего подобного. Откуда этот документ? Что он означает? Эти два вопроса сами собой возникали в сознании Софра. Но, чтобы ответить на первый, необходимо было прежде найти ответ на второй... Сначала нужно прочесть и перевести рукопись, так как можно утверждать *a priori*, что язык этого документа так же неизвестен, как и письмена. Неужели нельзя расшифровать? Софр не сомневался в успехе. Немедля он лихорадочно принялся за работу.

Этот труд продолжался долгие годы. Но Софр не бросил начатое. Не теряя присутствия духа из-за неудач, медленно, шаг за шагом углублялся он в изучение таинственных знаков, мало-помалу приближаясь к постижению написанного. И вот наступил великий день, когда ключ от еще нерасшифрованного загадочного манускрипта был в руках у Софра. Вскоре он смог перевести — правда, еще с большим трудом — найденную рукопись на язык «Людей четырех морей».

Когда наступил этот день, зартог Софр-Аи-Ср прочел следующее.

* * *

Р о с а р и о, 24 мая 2... г.

Эти строки пишутся далеко от Росарио. С тех пор прошло много лет, но эту точную дату я указал не случайно, как не случайна и выбранная мною форма дневника, который ведется изо дня в день. Ведь в подобных рассказах, мне кажется, нужно придерживаться документальной точности.

На каком языке мне писать? На английском или на испанском? Я одинаково хорошо владею обоими. Нет! Я буду писать по-французски — на моем родном языке.

Я начинаю рассказ об ужасных событиях, происшедших 24 мая. Хотелось бы, чтобы написанное здесь дошло до моих потомков в назидание им. Впрочем, может ли человечество надеяться на какое-то будущее?

В тот день я пригласил в себе на виллу в Росарио нескольких друзей.

Росарио — город (вернее, это был город) в Мексике, на берегу Тихого океана, немного южнее Калифорнийского залива. Я поселился там десять лет назад для разработки серебряной руды на принадлежащем мне участке. Мои дела шли на редкость удачно — я преуспевал. Я был богат, очень

богат — сегодня это слово вызывает у меня лишь усмешку. Я предполагал в скором времени вернуться на родину, во Францию.

Моя вилла, утопающая в зелени, — одна из самых роскошных в Росарио, — стояла на вершине у холма, который спускался к морю, внезапно обрываясь острым утесом высотой более ста метров. За домом начиналось множество извилистых тропинок, которые вели к горному хребту. Его высота превосходила полторы тысячи метров. Я часто поднимался в горы на своем автомобиле — отличном фаэтоне французской марки мощностью в тридцать пять лошадиных сил. Это была приятная прогулка.

Я жил в Росарио с сыном Жаном, красивым двадцатипятилетним парнем, и приемной дочерью — двадцатилетней Элен. Пять лет назад после смерти дальних, но дорогих мне родственников я взял ее на воспитание круглой сиротой без всяких средств в существованию. В глубине души я предназначал Элен и Жана друг другу.

Нас обслуживали лакей Жермен, расторопный шофер Модест Симона, Эдит и Мари — дочери садовника Жоржа Релей — и его жена Анна.

В тот памятный день мы сидели за столом, освещенным лампами, питающимися от выстроенной в саду электростанции. Кроме нас троих, было еще пятеро гостей, трое из них англосаксы, а двое мексиканцы.

Доктор Бэсэртс принадлежал к первым, а доктор Морено — ко вторым. Это были ученые в самом широком смысле слова, что, впрочем, не мешало им постоянно спорить между собой. А в сущности, они были славные люди и лучшие в мире друзья.

Второго англосакса звали Уильямсон. Он владел крупным рыбным промыслом в Росарио. Третий — Роулинг — был смельчак, отважившийся разводить в окрестностях города разные внесезонные фрукты и овощи, которые уже начинали приносить ему крупный доход.

И наконец, последним из гостей был сеньор Мендоса — председатель городского суда, человек весьма уважаемый, просвещенный и неподкупный судья.

Обед подходил к концу без особых происшествий. Я забыл, о чем мы говорили за столом, но отлично помню весь разговор, который велся за сигарами. Не скажу, чтобы тема было особенно интересной, но внезапные события, следовавшие вскоре, послужили как бы трагической иллюстрацией к нашей беседе. Поэтому я и запомнил ее на всю жизнь. Не знаю почему, речь вдруг зашла об удивительном прогрессе, достигнутом человечеством. Вдруг доктор Бэсэртс сказал:

— Действительно, если бы сейчас Адам (конечно же, как истинный англосакс он произносил «Эдем») и Ева (он произносил, разумеется, «Ива») вернулись бы на Землю, они были бы здорово удивлены...

Эти слова вызвали спор. Морено, ярый дарвинист, убежденный сторонник теории естественного отбора, язвительно спросил Бэсэртса, верит ли он в легенду о земном рае? Бэсэртс отвечал, что он, по крайней мере, верит в Бога и что существование Адама и Евы подтверждено Библией, поэтому он не смеет это оспаривать. Морено парировал: он верит в Бога не меньше, чем его собеседник, но первый мужчина и первая женщина могли быть лишь мифом, иначе говоря, не более чем символами. Тогда вовсе не будет богохульством предположить, что Библия хотела таким образом олицетворить дыхание жизни, внесенное животворящей силой в первую клетку, из которой произошли все остальные.

Бэсэртс возразил, что такое объяснение несостоятельно и, по его мнению, человечеству куда более лестно считать себя произведением самого божества, чем происходить от него посредством каких-то обезьяноподобных приматов.

Я почувствовал, что разговор вот-вот накалится до крайности, как вдруг он неожиданно прекратился вообще — противники случайно затронули такую тему, которая тут же примирила обоих. Впрочем, их дискуссии почти всегда кончались подобным образом.

На этот раз, вернувшись к теме, с которой начался спор, оба пришли к выводу, что независимо от того, каким образом возникло человечество, нельзя не восхищаться его высокой культурой. Они с гордостью принялись перечислять до-

стижения цивилизации. Эта тема заинтересовала и остальных. Бэсэртс превозносил химию, говоря, что она дошла до такого уровня развития, при котором неизбежно должна исчезнуть как самостоятельный предмет изучения, слившись с физикой.

Морено стал восхищаться успехами медицины и, в частности, хирургии, благодаря которым удалось постичь самую сущность природы жизненных явлений. Удивительные открытия позволяли надеяться, что в недалеком будущем живые организмы обретут бессмертие. После этих тирад противники принялись наперебой расхваливать высокие достижения астрономии. Ведь уже найден способ сноситься с семью планетами солнечной системы, а на очереди уже были звезды.

Устав от собственного энтузиазма, оба защитника прогресса смолкли. Этим молчанием воспользовались остальные гости, чтобы высказать свои соображения. Разговор зашел о практических изобретениях, которые так улучшили условия человеческой жизни. Восхвалялись железные дороги и пароходы, облегчившие перевозку тяжелых, громоздких грузов, всевозможные летательные аппараты, туннели для пневматических или электрических поездов, проложенные под морями и континентами. Восхвалялись многочисленные машины, одна хитроумнее другой, заменяющие труд сотен людей, книгопечатание, фотография цвета, звука, света, теплоты и колебаний эфира. Более всего славили электричество, эту гибкую, послушную, досконально изученную силу, приводящую в движение различные механизмы, морской, подводный и воздушный транспорты; благодаря ей люди смогли переписываться, беседовать и видеть друг друга на любом расстоянии.

Я тоже, признаюсь, принял участие в этом прославлении цивилизации. Все сошлись на том, что человечество достигло уровня умственного развития, неведомого до нашей эпохи, и скоро окончательно покорит природу.

— Однако, — воспользовавшись паузой, сказал своим тоненьким голоском председатель Мендоса, — я позволю себе заметить, что подобного уровня цивилизации уже дости-

гали некоторые народы, которые исчезли с лица Земли, не оставив ни малейших следов...

— Какие народы? — хором спросили все.

— Ну, например, вавилоняне...

Последовал взрыв хохота. Сравнить вавилонян с современным человечеством!

— Египтяне, — невозмутимо продолжал Мендоса.

Раздался новый взрыв смеха.

— Также атланты, которые лишь по нашему неведению считаются обитателями мифической страны. Добавьте к этому списку другие народы, предшествовавшие атлантам. Они могли появиться, процветать и исчезнуть, тогда как мы не имеем об этом ни малейшего представления.

Дон Мендоса упорствовал, доказывая этот парадокс, и чтобы не обижать его, мы сделали вид, что согласны с ним.

— Видите ли, мой друг, — начал внушать Морено тем наставительным тоном, которым обычно дают разумные советы непослушным детям, — я думаю, вы не станете утверждать, что какой-то из этих народов смог достичь уровня развития цивилизации, равного современному. Я еще допускаю такое равенство в области духовной культуры, но в области технического прогресса...

— А почему бы и нет? — возразил дон Мендоса.

— Потому что особенность наших открытий, — старался объяснить Бэсэртс, — в том, что они мгновенно разносятся во все уголки земного шара, и гибель одного или даже многих народов не могла бы предать забвению все многочисленные изобретения. Для того, чтобы полностью исчезли все плоды человеческих усилий, нужно, по крайней мере, чтобы все население Земли вдруг перестало бы существовать. Неужели вы допускаете такую гипотезу?

Пока мы беседовали подобным образом, в бесконечной вселенной продолжали разворачиваться ужасные события, которые через минуту вполне подтвердили скептицизм Мендосы, но мы даже не подозревали об этом и продолжали мирно беседовать, одни — облокотясь на стол, другие — откинувшись в кресле, бросая сочувственные взгляды на Мендосу, который, как мы считали, был окончательно сражен реп-

ликой Бэсэртса.

— Прежде всего, — спокойно ответил судья, — следует отметить, что население Земли в древности было гораздо меньше нынешнего, значит, вполне вероятно, что только один народ владел всеми накопленными знаниями. А кроме того, я не вижу ничего абсурдного в предположении, что в одну секунду может быть уничтожена вся земная поверхность.

— Ну, это уж слишком! — вскричали мы хором.

Именно в этот момент произошла мировая катастрофа. Мы не успели еще закрыть рта, как послышался страшный шум. Земля тряслась и уходила из-под ног, дом качался на фундаменте.

Охваченные непередаваемым ужасом, все, толкаясь, бросились к дверям. Едва мы выбежали из дома, вилла рухнула, похоронив под развалинами дона Мендосу и лакея Жермена, не успевших выскочить в сад. Сначала мы словно остолбенели, потрясенные происходящим, затем хотели кинуться им на помощь, как вдруг заметили садовника Релея и его жену, которые бежали к нам на вершину холма, крича изо всех сил:

— Море! Море!..

Я повернулся к океану и застыл, оцепенев от ужаса. Я даже сразу не смог понять, что именно произошло, но ясно осознавал, что творится нечто невиданное: привычный пейзаж был неузнаваем. Однако этого было вполне достаточно, чтобы похолодело сердце. Ведь природа, сама природа, которую мы считали незыблемой, так неожиданно изменилась за какую-то секунду!

Тем не менее, ко мне вернулось прежнее хладнокровие. Истинное превосходство человека состоит не в том, чтобы властвовать, покоряя природу, а совсем в другом — для мыслителя в том, чтобы постичь ее, удерживать бесконечную вселенную в крошечных клетках мозга, для человека действия — сохранять душевное спокойствие перед бунтом материи, уметь сказать: «Меня можно уничтожить, но не взволновать!»

Придя в себя, я понял, чем картина, стоящая перед моим взором, отличалась от той, которую я наблюдал вот уже де-

сять лет. Исчезла скала, и мой сад опустился до уровня океана. Волны уже смыли дом садовника, стоявший ниже виллы...

Маловероятно, что настолько поднялся уровень воды, скорее наоборот, земля резко осела, причем больше, чем на сто метров, поскольку прежний обрыв был именно такой высоты. Понижение должно было произойти довольно плавно — мы ничего не почувствовали, и океан тоже был относительно спокоен.

Осмотревшись, я убедился, что моя догадка была правильной, но заметил, что понижение продолжалось. Море все наступало со скоростью двух метров в секунду, или семи-восемью километров в час. Прикинув расстояние, которое отделяло нас от первых волн, я понял, что мы рисковали погибнуть меньше чем через три минуты, если вода будет надвигаться с той же скоростью. Я тотчас же принял решение и крикнул:

— В машину!

Разгадав мой замысел, все кинулись к гаражу и выкатили машину. В мгновение ока она была заправлена бензином, и мы как попало разместились в ней. Шофер Симона завел мотор, вскочил в автомобиль, включил передачу, и на полной скорости мы выехали на дорогу. Открывавший ворота Релей прыгнул на ходу, уцепившись за задние рессоры.

Мы успели вовремя! Когда автомобиль выехал на дорогу, хлынувшая вслед вода замочила колеса до втулок. Да! Теперь мы могли смеяться над догонявшим нас морем! Несмотря на чрезмерную нагрузку, моя славная машина свободно уходила от преследования волн, если только это оседание земли не будет продолжаться бесконечно...

В конце концов, у нас в запасе было, по крайней мере, два часа подъема на высоту около 1500 метров. Но очень скоро я понял, что торжествовать рано... Первый рывок машины отнес нас, правда, сразу на двадцать метров от пенистого гребня волны, но напрасно Симона пытался увеличить скорость: расстояние, отделявшее нас от воды, не увеличивалось. Груз пассажиров, конечно, замедлял ход маши-

ны. Но все-таки скорость автомобиля была точно такой же, как и скорость наступления водного потока, который отставал от нас на двадцать метров.

Определив это, мы все, кроме Симона, старательно ведущего машину, обернулись назад. Дороги за нами уже не было. Повсюду пенилась вода. Мы мчались вперед, между тем, дорога, по которой мы проезжали, исчезала, поглощаемая морем. Водная поверхность стала спокойной, лишь местами замирала небольшая рябь. Это напоминало огромное гладкое озеро. Оно мерно росло, увеличивалось, разливалось... И самым страшным была та неумолимость, с которой преследовала нас спокойная водная масса. Напрасно мы убегали от нее — вода продолжала подниматься вместе с нами.

Симона, пристально смотревший на дорогу, сказал на одном из поворотов:

— Мы проехали полпути. Остался еще час подъема!

Все вздрогнули. Через час мы доберемся до вершины, и нам придется спускаться, спасаясь от погони надвигающейся лавины, которая все равно обрушится на нас, как быстро бы мы ни мчались.

Прошел час, а наше положение не изменилось. Мы уже видели перед собой вершину хребта, как вдруг машину сильно тряхнуло и так резко занесло в сторону, что, стукнувшись о придорожные скалы, она едва не разлетелась вдребезги. Тут же позади нас выросла огромная волна, она неслась вперед, затем отступила и обрушилась, наконец, на машину, покрыв ее белой пеной. Спасемся мы или погибнем? Но вода, грозно бурля, отошла, а мотор участил свое порывистое дыхание и ускорил ход автомобиля.

Почему так внезапно выросла скорость? Крик Анны Рейлей все объяснил. Бедная женщина только что заметила, что ее муж больше не держится за рессоры. Наверное, волна смыла несчастного садовника, и облегченная машина стала быстрее взбираться по склону. Вдруг она остановилась.

Впереди, меньше чем в десяти метрах от нас, дорога была отрезана, да, именно отрезана — как бы отсечена ножом. За острым гребнем, которым внезапно оканчивалась

скала, начиналась пустота, темная пропасть, дно которой разглядеть было невозможно.

Уверенные, что пробил наш последний час, мы обернулись: неумолимый океан вот-вот догонит нас...

Неожиданно все, кроме несчастной Анны и ее дочерей, которые отчаянно рыдали, радостно вскрикнули. Нет, вода больше не прибывала — или, точнее, земля перестала опускаться. Видимо, тот толчок, который мы ощутили, был последним актом этой катастрофы. Океан остановился. Его уровень был примерно метров на сто ниже той площадки, где мы столпились вокруг еще дрожащей машины, похожей на запыхавшееся животное. Удастся ли нам выбраться из этого ужасного положения? Это мы могли узнать лишь при свете дня. Оставалось только ждать. Тогда один за другим мы улеглись на земле, и, да простит мне Господь, я, кажется, даже уснул.

Н о ч ь ю.

Вздвогнув, я проснулся от страшного грохота. Который час? Неизвестно. Нас еще окружала ночная мгла. Шум исходил из той бездонной пропасти, которой обрывалась дорога. Что там творится? Можно подумать, что в бездну низвергаются лавины воды или что на дне ее яростно стелкиваются огромные волны. Да, конечно это так! До нас долетали пена и брызги! Затем мало-помалу все стихло. Воцарилась тишина. Небо посветлело. Наступило утро.

2 5 м а я.

Как это мучительно — медленное постижение реальности. Сначала мы различали лишь то, что нас окружает, затем круг расширился, увеличился, как будто наша обманутая надежда приподнимала одну за другой бесчисленное множество легких завес. И вот, наконец, яркий свет... Рассеялись последние иллюзии.

Увы! Все на редкость просто. Мы — на острове. Со всех сторон нас окружает море. Еще вчера мы видели множе-

ство горных вершин, многие из которых были выше той, где мы находились. Все эти вершины исчезли, тогда как наша, очень неприметная, по совершенно необъяснимым причинам перестала вдруг погружаться в воду и уцелела. На месте бывших гор расстилалась бесконечная водная гладь. Кругом — только море, до самого горизонта. У нас под ногами — единственный на всем этом огромном водном пространстве участок суши.

Чтобы осмотреть островок от края до края, достаточно и одного взгляда. Все-таки нам невероятно посчастливилось, что мы оказались именно здесь, на единственном уцелевшем клочке суши.

Островок очень мал — около километра в длину и полкилометра в ширину. Он приподнят над уровнем воды метров на сто и полого опускается к северу, западу и югу. А на востоке островок венчает скала, отвесно обрывающаяся в океан. Сюда и были обращены наши взоры. В этом направлении раньше поднимались ступенчатые горы, а за ними расстилалась вся Мексика. Как все изменилось за одну короткую весеннюю ночь!

Горы исчезли. Мексику поглотили воды, на их месте бескрайняя, бесплодная морская пустыня!

В ужасе глядели мы друг на друга. Без пищи, без воды, загнанные на эту голую узкую скалу, — у нас пропала последняя надежда. В полном отчаянии мы улеглись на земле, ожидая приближения смерти.

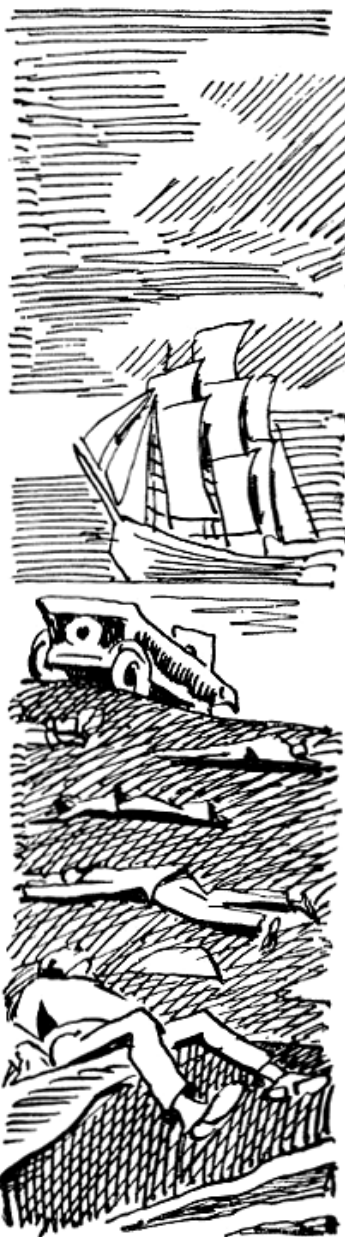
На борту «Виргинии», 4 июня.

Я плохо помню, что произошло в последующие дни. Видимо, я потерял сознание и пришел в себя лишь на борту подобравшего нас судна. Только тогда я узнал, что мы провели на островке целых десять дней, и двое из нас — Уильямсон и Роулинг — умерли от голода и жажды. Из пятнадцати человек, находившихся у меня на вилле в момент катастрофы, уцелели всего девять: мой сын Жак, воспитанница Элен, шофер Симона, тяжело переживавший гибель машины; Анна Релей с двумя дочерьми, Морено и Бэсэртс

и, наконец, я сам, в спешке пишущий эти строки в назидание потомкам, если только они появятся на свет.

«Виргиния» — одновременно паровое и парусное грузовое судно водоизмещением две тысячи тонн. Это довольно старый корабль, развивающий небольшую скорость. Капитан Моррис и его экипаж из двадцати человек — англичане.

«Виргиния» месяц назад вышла из Мельбурна и двигалась на восток к Росарио. Плавание проходило без происшествий, как вдруг в ночь с 24 на 25 мая поднялись ужасные волны огромной высоты, но, к счастью, и пропорциональной длины — это спасло судно. Несмотря на странность этих волн, капитан и не подозревал, что они были предвестниками жуткой катастрофы, происшедшей на всем земном шаре. Он был очень удивлен, увидев лишь морскую гладь в том месте, где должен был находиться Росарио. От всего побережья уцелел только островок, куда и причалила шлюпка с «Виргинии». Матросы обнаружили одиннадцать бесчувственных тел, в девяти из них еще теплилась жизнь... Так мы были спасены...

На суше. Январь или февраль.

Со дня моей последней записи прошло восемь месяцев. У меня исчезло точное представление о времени, и мне трудно сказать, какой сейчас месяц — январь или февраль...

Эти восемь месяцев были самыми ужасными за все время испытаний: мы постепенно осознавали всю трагичность нашего положения.

Подобрав нас, «Виргиния» на полном ходу продолжала двигаться на восток. Когда я очнулся, островок, где мы едва не погибли, давно уже скрылся за горизонтом. Благодаря ясному небу капитану удалось установить координаты, и оказалось, что мы плывем именно там, где должен был находиться Мехико. Но от города не осталось ни малейших следов. Так же бесследно исчез и центральный горный массив, который пытались разыскать в то время, когда я был в беспамятстве. Повсюду, куда ни бросить взгляд, было лишь бескрайнее море — ни клочка земли! В этой сплошной морской глади было что-то, наводящее ужас. Мы чувствовали, что вот-вот лишимся рассудка. Ведь вся Мексика затоплена! Мы в страхе переглядывались, спрашивая себя, какие еще опустошения нанесла эта жуткая катастрофа? Капитан тоже, видимо, хотел узнать это и изменил курс на север.

Пусть больше не существует Мексики! Но не мог же исчезнуть весь Американский континент!

Увы, он исчез! Напрасно целых двенадцать дней мы двигались к северу — нигде мы не обнаружили суши. Капитан менял курс раз за разом, в течение месяца «Виргиния» плыла на юг, но и там мы не встретили и островка земли. Как ни парадоксальна была истина, у нас хватило сил убедиться в ее очевидности — да, весь Американский материк находился под водой.

Неужели нам удалось спастись лишь затем, чтобы вторично познать смертные муки? К сожалению, были все основания для таких опасений. Не говоря уже о продовольствии, которое в один прекрасный день кончится, что будет с нами, когда из-за отсутствия угля остановится двигатель?

Так перестает биться сердце обескровленного животного...

Вот почему 14 июля (мы как раз находились на месте бывшего Буэнос-Айреса) капитан Моррис приказал потушить топку и поднять паруса. Затем он собрал экипаж и пассажиров «Виргинии» и в нескольких словах изложил ситуацию. Он попросил всех поразмыслить и предложить какой-нибудь выход из этого положения на завтрашнем совете. Не знаю, пришел ли кому-нибудь в голову хитроумный план, но что до меня, я, признаюсь, решительно ничего не мог придумать.

Но вдруг поднявшаяся ночью буря сама разрешила эту проблему. Разбушевавшийся ветер увлекал за собой судно. Нужно было спастись — как можно скорее плыть на запад, иначе каждую минуту нас могло поглотить свирепое море...

Ураган продолжался 35 дней, ни на мгновение не прекращаясь и не затихая. Мы уже начали сомневаться, кончится ли он когда-нибудь, как вдруг 19 августа хорошая погода наступила так же внезапно, как и прекратилась. Капитан этим воспользовался, чтобы определить наши координаты: мы были на месте Пекина.

Значит, во время бури мы проплыли над Полинезией и, может быть, над Австралией, даже не заметив этого. А там, где мы плыли сейчас, раньше была столица империи с четырехсотмиллионным населением. Неужели Азия подверглась той же участи, что и Америка?

Скоро мы убедились в этом. Плывя на юго-запад, «Виргиния» достигла сначала Тибетских гор, а затем Гималаев. Здесь должны были находиться высочайшие вершины земного шара. Но ни в одном направлении ничто не нарушало бескрайнюю гладь океана. Значит, видимо, не существовало другой суши, кроме того островка, на котором спаслись мы, единственные люди, пережившие эту катастрофу, последние обитатели мира, погребенного сейчас под спокойным саваном вод.

А если это так, мы тоже скоро погибнем. Несмотря на строгий рацион, продовольствие кончалось, и не было никакой надежды на пополнение запасов.

Я умышленно так кратко описываю это страшное пла-

вание, ведь, чтобы подробно рассказать обо всем, мне пришлось бы вновь мысленно пережить те дни, и, боюсь, я бы сошел с ума от воспоминаний.

Какими бы страшными и ужасными ни были события, которые предшествовали или следовали за этим плаванием, каким плачевным ни казалось бы мне будущее — будущее, которого я не увижу, — всю силу страданий мы познали во время этого адского путешествия. О, это вечное движение по нескончаемому морю! Постоянное ожидание высадки, последнего дня плавания, который все не наступал! О, эта жизнь, когда, склонившись над картой, на которой люди провели извилистые линии берегов, ты твердо знаешь, что ничего, абсолютно ничего не осталось больше от этих мест, считавшихся вечными... Как мучительно было сознавать, что Земля, которая трепетала раньше под тяжестью бесчисленных живых существ, в одно мгновение исчезла под водой, что миллионы людей и мириады животных, населявших все ее уголки, разом угасли, как угасает маленький огонек от дуновенья ветра... Напрасны были наши поиски жизни! И вот пришел тот день, когда мы до конца постигли окружающую нас пустоту, безмолвие и собственное одиночество среди безжалостной вселенной!

Не знаю, удалось ли мне найти нужные слова, чтобы передать всю владевшую нами скорбь? Мне кажется, ни на одном языке нет таких слов, которые хотя бы частично могли бы воссоздать картину событий, каких до нас не довелось испытать ни одному человеку...

Обнаружив на месте полуострова Индостан все то же море, мы в течение десяти дней двигались к северу, а затем взяли курс на запад. Ничего нового! Мы пересекли цепь Уральских гор, ставших теперь подводными, и плыли над тем, что когда-то называлось Европой. Затем мы спустились на 20° ниже экватора и, обессилив от бесплодных поисков, снова повернули на север, пройдя над водной поверхностью, скрывающей Африку и Испанию. По правде говоря, мы уже стали понемногу привыкать к нашему жуткому положению. По мере продвижения мы машинально отмечали по карте путь, говоря:

— Здесь была Москва, Варшава, Берлин, Вена, Рим, Тунис, Томбукту, Сен-Луи, Оран, Мадрид...

Но, привыкнув, мы произносили эти трагические слова все более безразлично.

И все-таки я не совсем разучился страдать! Я убедился в этом (примерно одиннадцатого декабря), когда капитан Моррис сказал мне:

— Здесь был Париж!

Я вдруг почувствовал, что от боли у меня разрывается сердце. Пусть будет затоплена вся вселенная! Но Франция, моя Франция и Париж, ее символ! Мне почудилось, что я слышу какие-то рыдания. Я обернулся — это плакал Симона.

В течение следующих четырех дней мы двигались на север, затем, достигнув уровня Эдинбурга, повернули на юго-запад в поисках Ирландии, и, наконец, был взят курс на восток. Теперь мы брели наугад, так как больше не было смысла идти в каком-то определенном направлении.

Мы прошли над Лондоном, и его подводной могиле отдал честь весь экипаж.

Пять дней спустя, когда мы были где-то в районе Данцига, капитан Моррис приказал взять курс на юго-запад. Рулевой пассивно подчинился. Что это могло изменить? Ведь кругом было одно и то же — море!

Через девять дней был съеден последний сухарь. Мы в полной безнадежности глядели друг на друга. Неожиданно капитан Моррис велел зажечь топку. Зачем? Я до сих пор не могу этого понять. Но приказ был выполнен, скорость судна возросла.

Через два дня мы уже сильно страдали от голода. На следующий день почти все упрямо отказывались подняться. Продолжали двигаться лишь капитан Моррис, Симона, несколько человек из экипажа и я — мы кое-как управляли судном.

Назавтра, то есть на пятый день голода, число добровольных рулевых и механиков уменьшилось. На следующие сутки ни у кого из нас не было сил держаться на но-

гах. Мы путешествовали более семи месяцев, бороздя море во всех направлениях.

Было восьмое января. Я не совсем уверен в точности даты: мы сбились с календаря. В тот день я стоял у штурвала, напрягая все слабеющее внимание, чтобы идти по курсу. Вдруг мне показалось, что я различаю что-то на западе. Я силился рассмотреть это, полагая, что все равно мне только мерещится... Но нет, я не ошибся! Я крикнул изо всех сил:

— Право по борту земля!!!

Какой магический эффект произвели эти слова! Все умирающие словно ожили, и их исхудалые лица показались над стрингером правого борта.

— Да, это земля! — подтвердил капитан Моррис, разглядывая туманную полосу, появившуюся на горизонте.

Через полчаса не осталось никаких сомнений. Да, после тщетных поисков земли на поверхности всех бывших континентов мы нашли ее, наконец, посреди Атлантического океана. К трем часам можно было уже разглядеть очертания побережья, преграждающего нам путь, и мы почувствовали, как вновь нас охватывает отчаяние. Ведь этот берег не походил ни на один другой, никому из нас не доводилось встречать такую абсолютную, совершенную первозданность.

На той земле, где мы жили до катастрофы, преобладал зеленый цвет. Здесь же, на этом скудном берегу, не было ни одного кустика, ни пучка травы, ни, наконец, хотя бы следов мха или лишайника. Мы различали лишь высокую темную скалу, у подножия которой были нагромождены камни. Ни деревца, ни травинки! Полная, сплошная бесплодность!

Двое суток мы шли вдоль этих обрывистых скал, не обнаружив ни малейшей расселины. И лишь вечером второго дня мы заметили просторную бухту, хорошо защищенную от всех окрестных ветров, в глубине которой и бросили якорь. Доплыв на лодках до берега, мы сразу же занялись поисками пищи. Весь берег был покрыт миллионами раковин и населен сотнями черепах. В трещинах рифов оби-

тало баснословное количество крабов, омаров и лангуст, не было недостатка и в рыбе. Нам стало ясно, что это богатое море может прокормить нас неограниченное время, если мы не найдем другого источника пищи.

Немного подкрепившись, по ущелью в скале мы добрались до плоскогорья. Нашим взорам открылось огромное пространство. Да, внешний вид берега с корабля не обманул нас. Везде и всюду — бесплодные камни, покрытые высохшими водорослями, ни травинки! Никакой жизни ни на земле, ни на небе! Местами виднелись маленькие озера, скорее пруды, блестящие под лучами солнца. Когда нам захотелось утолить жажду, мы обнаружили, что в них соленая вода.

Честно говоря, мы не были удивлены. Факты подтверждали наши догадки — этот неизвестный континент появил-

ся совсем недавно, целиком выйдя из морских глубин. Этим объясняются его бесплодность и пустынность, а также возникновение плотного слоя тины, покрывающего поверхность. Высохнув, эта тина начинала трескаться и обращаться в пыль.

На следующий день капитан Моррис определил наши координаты: 17°20' с. ш. и 23°55' з. д. Обратясь к карте, мы увидели, что эти точки расположены посреди Атлантического океана, недалеко от Зеленого Мыса. Но, однако, теперь земля — на западе и море — на востоке простирались до горизонта.

Каким бы неприветливым и негостеприимным ни был континент, где мы высадились, выбора у нас не было... Вот почему «Виргиния» была быстро разгружена. На берег перенесли все без разбора. Судно прочно закрепили на четырех якорях на глубине пятнадцати броссов. В этой спокойной бухте оно было в безопасности, и мы могли оставить его без присмотра.

Наша новая жизнь началась, как только окончилась разгрузка.

Прежде всего следовало...

* * *

Переведя эти строки, зартог Софр был вынужден остановиться. Следующие страницы были повреждены. Судя по их количеству, они содержали, видимо, важные сведения. А дальше следовали лишь отдельные отрывки в таком порядке.

* * *

...мы начали привыкать. Сколько времени прошло со дня нашей посадки? Я потерял счет дням. Я спросил у доктора Морено — он ведет календарь. Доктор ответил:

— Шесть месяцев. Возможно, я ошибаюсь на несколько дней.

Да, мы уже сбились со счета. Потребовалось всего полгода, чтобы начать сомневаться, правильно ли мы исчисляли время.

Если так пойдет и дальше, хорошие же нас ждут перспективы!

Впрочем, эта слабая ориентация во времени не удивительна. Ведь все усилия уходят лишь на заботы о самосохранении. Добывание пищи занимает весь день. Чем мы питаемся? Рыбой, когда ее удастся поймать, но это становится все труднее и труднее. Постоянная опасность просто спугнула ее. Едим еще черепашьи яйца и некоторые съедобные водоросли. К вечеру мы сыты, но настолько измучены, что думаем лишь о сне. Из парусов «Виргинии» мы соорудили самодельные палатки. Мне кажется, нужно поскорее построить более прочное жилище.

Иногда случается подстрелить птицу. Небо не так уж пустынно, как нам показалось вначале. Над этим новым континентом летает около десятка известных пород птиц, как правило, перелетных: ласточки, альбатросы, кондоры и другие. Им тоже, видимо, нелегко найти себе корм на этой скудной, лишенной растительности земле, поэтому они постоянно кружатся над лагерем, привлекаемые остатками нашей скудной трапезы. А случается, мы находим просто на земле какую-нибудь птицу, умершую от голода. Такие находки сберегают нам ружья и порох.

К счастью, все же есть надежда, что наше ужасное положение улучшится. В трюме «Виргинии» обнаружили мешок пшеницы, и мы посеяли часть зерна. Если сев удался, наша жизнь станет намного легче. Но прорастет ли зерно в почве, покрытой наносами, песчаным илом, пусть даже и удобренной водорослями (как ни скудна здешняя земля, это все-таки перегной)? Когда мы высадились на материк, вся его поверхность была пропитана солью, но проливные дожди сильно увлажнили почву, и теперь все впадины наполнены пресной водой. К сожалению, вода в реках и ручьях еще солоновата — значит, глубинные слои почвы пока

насыщены солью...

Чтобы посеять зерно и сохранить для запаса половину мешка, пришлось выдержать целое сражение. Часть экипажа «Виргинии» настаивала на немедленной выпечке хлеба. Но остальные были против, так как...

* * *

...которые были на борту «Виргинии». Эти две пары кроликов убежали куда-то в глубь материка, и больше их не было видно. Они, видимо, нашли себе пропитание. Другого объяснения нет, нежели земля способна произвести...

* * *

...прошло не меньше двух лет, как мы здесь. Посев зерна удался на славу. Хлеба у нас почти вдоволь, а поля все разрастаются, но какую войну приходится вести с птицами! Их развелось великое множество, и они летают над колосьями злаков...

* * *

Несмотря на смерти, о которых я уже писал, наше маленькое племя не уменьшается, а, наоборот, все растет! У моего сына и воспитанницы — трое детей. По трое и в остальных трех семьях. Эта детвора пышет здоровьем. Можно предположить, что человеческий род стал сильнее и жизнеспособнее с тех пор, как настолько уменьшился. Но множество причин...

* * *

...здесь уже десять лет, но до сих пор ничего не знали об этом континенте. Нам был хорошо знаком лишь район в радиусе нескольких километров от лагеря. Доктор Бэсэртс упрекнул нас в нелюбознательности, и по его настоянию мы в течение полугода снаряжали «Виргинию» и, наконец, предприняли эту научную экспедицию.

Она завершилась позавчера. Путешествие оказалось продолжительнее, чем мы предполагали. Но нам хотелось увидеть как можно больше. Мы проплыли вокруг всего материка. Этот континент и тот островок, где мы спаслись, по видимому, единственные участки суши на всем земном шаре. Побережье везде одинаковое — дикое и гористое.

Наше плавание прерывалось частыми вылазками в глубь материка. Особенно мы надеялись найти следы Азорских островов и Мадейры, которые до катастрофы находились в Атлантическом океане и должны были составлять часть нового континента. Но ничто не подтвердило это предположение. Нам лишь удалось обнаружить, что в том месте, где раньше были эти острова (центр ужасных вулканических явлений, несомненно, находился именно здесь), земля была изрыта и выстлана толстым слоем лавы.

В общем, искали мы одно, а нашли совсем другое. В районе, где должны были быть Азорские острова, мы обнаружили наполовину покрытые лавой продукты человеческого труда, причем относящиеся не к нашей эпохе, а к далекому прошлому. То были обломки колонн и глиняной посуды, каких мы никогда не встречали. Внимательно изучив находки, доктор Морено выдвинул гипотезу, что все это осталось от древней Атлантиды, а вулканический взрыв извлек эти остатки на поверхность.

Может быть, доктор Морено и был прав. Если Атлантида когда-нибудь существовала, она должна была находиться где-нибудь в районе нового континента.

Было бы весьма любопытно, если подобная смена трех цивилизаций, появившихся независимо друг от друга, произошла в одной и той же географической области. Но как бы интересна ни была эта гипотеза, признаюсь, меня она абсолютно не взволновала — у нас столько забот в настоящем,

что думать о прошлом нет времени...

Вернувшись, мы вдруг обратили внимание на расположение нашего лагеря и удивились, насколько оно удачно. Прежде всего, тут изредка попадает зеленый цвет, встречавшийся прежде в таком изобилии, тогда как на остальной части материка он полностью отсутствует. До сих пор мы как-то этого не замечали. Когда мы сюда высадились, нигде не было ни травинки, теперь же лагерь окружала зелень. Правда, ее было немного: в основном те древние виды растений, семена которых, возможно, занесли птицы. Впрочем, это не значит, что тут не было другой растительности. Природа совершила какой-то странный процесс ассимиляции, и на всем континенте стали появляться зачатки новой своеобразной флоры. Многие из них успешно развиваются и обещают устлать землю зеленым ковром.

Морские растения, покрывавшие континент, когда он выступил из воды, большей частью погибли под лучами солнца. Некоторые, однако, выжили в озерах, прудах и лужах, которые жара постепенно высушивала. Но одновре-

менно возникали новые ручьи и реки, пригодные для жизни водорослей, потому что вода была в них соленой. Когда верхние, а затем и глубинные слои земли лишились соли и вода стала пресной — большинство этих водорослей погибло. Но некоторые, приспособившись к новым условиям, могли так же хорошо существовать в пресной воде, как и в соленой. Более того, некоторые, обладавшие наибольшей приспособляемостью, сумели потом прижиться на суше — сначала по берегам, а затем распространяясь все дальше в глубь континента.

Это превращение происходило у нас на глазах, и мы убедились, что растения могут меняться как внешне, так и по своим свойствам. Некоторые стебельки уже робко тянутся к свету.

Возможно, из этих стебельков возникнет совершенно новая флора, и между только что появившимися и древними растениями завяжется яростная борьба.

То же творится и в животном мире. По берегам водоемов обитают древняя морская фауна, моллюски, ракообразные, которые постепенно превращаются в земноводных. Воздух населен летающими рыбами — впрочем, скорее птицами, чем рыбами. Их крылья неизмеримо выросли, а хвосты изогнулись таким образом, что...

* * *

Последний фрагмент являлся концом рукописи.

* * *

...совсем старые. Умер капитан Моррис. Доктору Бэсэртсу шестьдесят пять лет, Морено — шестьдесят, мне — шестьдесят восемь. Все мы скоро простимся с жизнью. Но раньше каждый, по мере сил, исполнит свой долг — мы

должны помочь будущим поколениям в борьбе, которая их ожидает. Но появятся ли они, эти будущие поколения?

Я ответил бы утвердительно, если бы исходил только из численного увеличения нашего племени — дети рождаются непрерывно, причем в этом здоровом климате, при отсутствии хищников человек долголетен.

Наша маленькая колония уже выросла втрое.

Но, несмотря на это, я вынужден дать отрицательный ответ, принимая во внимание глубокое духовное вырождение моих собратьев.

А ведь эта горсточка людей находилась в таких благоприятных условиях, что могла бы воспользоваться сокровищницей человеческих знаний.

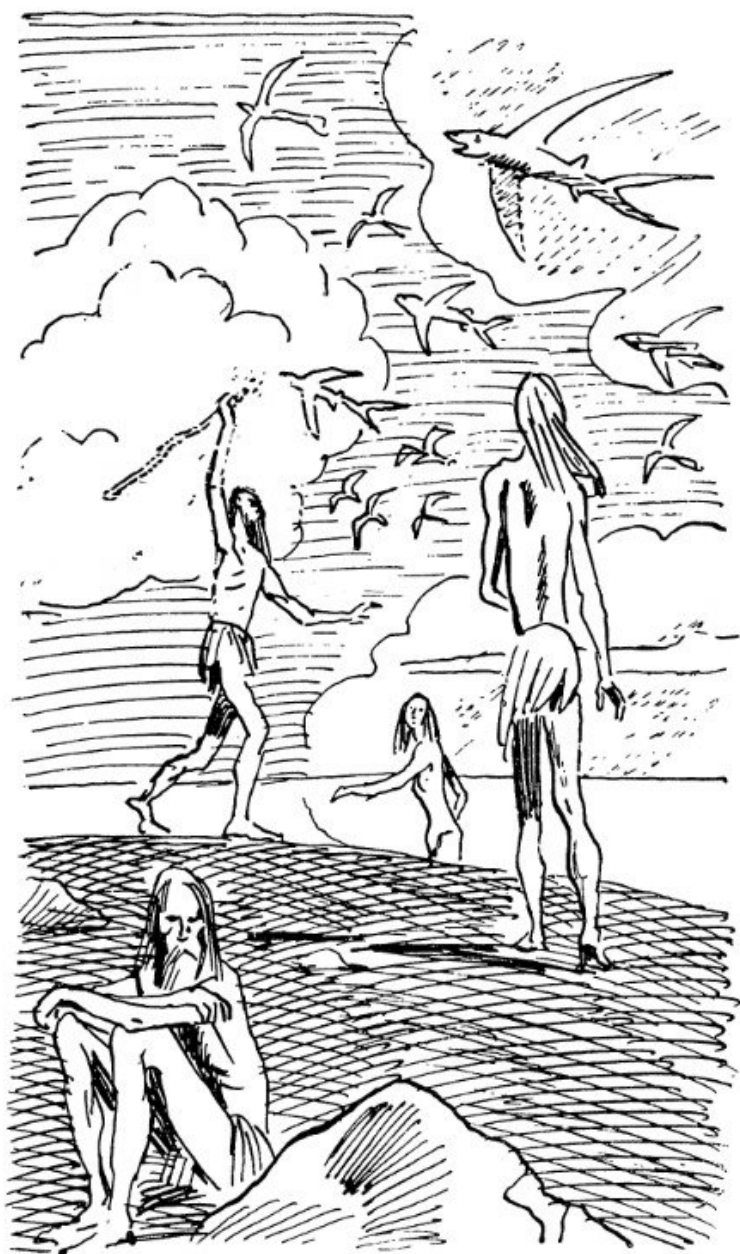
Среди нас был на редкость энергичный человек, покойный капитан Моррис, двое людей очень высокой культуры — мой сын и я сам, а также двое настоящих ученых — Бэсэртс и Морено. Такие люди, казалось, могли чего-то добиться. Но мы ничего не сделали. С первых же дней мы только заботимся о нашем самосохранении. И по сей день мы тратим все время на поиски пищи, а вечером, смертельно усталые, моментально засыпаем.

Увы! Слишком очевидно, что человечество, единственными представителями которого мы являемся, быстро регрессирует.

Наступит тот день, когда оно вернется к первоначальному животному состоянию.

Черты этой деградации заметны прежде всего у матросов «Виргинии» — людей невежественных. Но и мой сын и я забыли то, что знали. Мозг доктора Бэсэртса и доктора Морено в полном бездействии. Можно сказать, что наша умственная деятельность прекратилась. Как хорошо, что много лет назад мы совершили плавание вокруг материка! Теперь у нас не хватило бы на это мужества, а кроме того, умер капитан Моррис — руководитель экспедиции, и «Виргиния» развалилась от ветхости.

В начале пребывания кое-кто попытался соорудить себе жилища. Эти незаконченные постройки превратились сейчас в развалины.

Давно превратилась в лохмотья одежда, когда-то прикрывавшая наши тела. В течение нескольких лет мы мастерили себе костюмы из водорослей, но эти костюмы становились все более примитивными; наконец, мы отказались от них совсем — климат настолько мягок, что все ходят голыми, совсем как дикари.

Еда — вот что стало нашей постоянной целью, нашим единственным занятием.

Впрочем, еще сохранились какие-то остатки прежних понятий и былых чувств. Мой сын Жак, зрелый мужчина, уже дедушка, не утратил своей привязанности ко мне, шофер Модест Симона смутно помнит, что когда-то я был его хозяином...

Но эти слабые признаки рода человеческого, к которому мы раньше принадлежали (сейчас нас нельзя больше назвать людьми), угаснут вместе с нами. Те, кто появится здесь в будущем, не узнают иной жизни. Человечество будет представлено этими существами, не умеющими читать, считать, едва владеющими речью, их детенышами с острыми зубами — воплощением лишь ненасытного чрева. Затем появятся новые взрослые и новые дети, потом придут следующие поколения, все более похожие на животных, все более далекие от своих мыслящих предков.

Мне кажется, что я уже вижу этих будущих людей, бывших членораздельную речь, с потухшим разумом, с телом, покрытым жесткой шерстью, которые бродят в этом пустынном мире...

Впрочем, мы попытаемся что-нибудь сделать, чтобы этого не произошло. Мы примем все меры, чтобы завоевания человечества, к которому мы принадлежали, не исчезли бесследно. Доктор Морено, доктор Бэсэртс и я должны заставить уснувший мозг вспомнить то, что он знал. Разделив между собой эту работу, мы опишем все, что нам было известно, в различных областях науки. Мы воспользуемся бумагой и чернилами, найденными на «Виргинии». И если люди обесславят себя, а затем после более или менее длительного периода одичания почувствуют, как пробуждается жажда знаний, пусть им поможет этот рассказ о делах

далеких предков. Смогут ли они тогда почтить память тех, кто приложил все усилия, чтобы облегчить тягостный путь неведомым братьям, не питая надежд на то, что их труд будет по достоинству оценен...

* * *

На пороге смерти.

Прошло около пятнадцати лет с тех пор, как я сделал последнюю запись. Уже нет в живых доктора Бэсэртса и доктора Морено. Из всех, высадившихся здесь, я — самый старей. Но смерть скоро придет за мной. Мой час пробил, я чувствую, как она поднимается от холодеющих ног к сердцу, и оно начинает останавливаться...

Наш труд окончен. Я положил рукопись, содержащую краткое изложение всех знаний, накопленных человечеством, в железный ящик, выгруженный с «Виргинии», и глубоко закопал его в землю. Рядом я зарюю свои записи и спрячу их в алюминиевым футляр.

Найдет ли кто-нибудь этот клад? Да и будет ли хоть кто-нибудь искать его? Все в руках судьбы! На все воля Божья!

* * *

По мере того, как зартог Софр переводил этот странный документ, чувство, напоминающее страх, сжимало его душу. Неужели население Андарт-Итен-Шу происходило от этих людей, долгие месяцы скитавшихся в пустынном океане и высадившихся, наконец, именно в той части побережья, где возвышается сейчас Базидра?

Значит, эти несчастные существа были представителями того славного человечества, в сравнении с которым современных людей можно считать младенцами, едва начинающими говорить... Но для того, чтобы бесследно исчезла

вся вековая мудрость этих могущественных народов, было достаточно самой малости — едва заметного содрогания земной коры!

Как горестно, что рукопись, о которой упоминалось в записках, погибла вместе с железным ящиком! Нет даже надежды, что их можно разыскать, ведь, закладывая фундамент, рабочие перекопали всю землю...

Алюминиевый футляр устоял перед разрушительной работой времени, а железный ящик, видимо, просто обратился в пыль.

Всего этого было достаточно, чтобы поколебать оптимизм Софра. Если рукопись и не содержала никаких технических подробностей, то она изобиловала общими замечаниями, неопровержимо указывающими на то, что погибшее человечество стояло гораздо ближе к познанию истины, чем современное поколение.

Софру было известно все, о чем говорилось в этой рукописи, однако здесь упоминались и такие научные открытия, которые он не мог даже вообразить. Он нашел разгадку тайны этого имени — Хидем, вокруг которого велось столько бесплодных споров.

Хидем — это искаженное Эдем, а то, в свою очередь, происходит от Адама. А может быть, и имя Адам тоже лишь вариант еще более древнего имени?

Хидем, Эдем, Адам — вечный символ первого человека и объяснение его появления на Земле.

Значит, Софр ошибался, отрицая его существование — теперь оно подтвердилось рукописью. Были правы народы, рассказывавшие легенду о первых людях, похожих на них самих.

Впрочем, ни эта легенда, ни остальные притчи не были плодом воображения обитателей Маарт-Итен-Шу. Они лишь повторяли то, что уже когда-то было сказано. Возможно, современники автора записок тоже не были первопроходцами, а вновь проделали путь, проложенный другим человечеством, населявшим Землю еще до них? Ведь упоминался же в рукописи какой-то народ, названный атлантами...

Во время раскопок, произведенных Софром, под слоем

морского ила, вероятно, и были обнаружены едва сохранившиеся следы этих атлантов. Насколько близко подошла к познанию истины эта древняя нация к тому моменту, когда вторжение океана смело ее с лица Земли? Но каков бы ни был этот народ, после катастрофы не осталось никаких следов его завоеваний, и человечество должно было с самого начала совершать восхождение к знаниям.

То же может случиться с нынешними обитателями Андарт-Итен-Шу... А может быть, подобное произойдет и после них, в тот самый день...

Но наступит ли тот день, когда неутолимая человеческая любознательность будет, наконец, удовлетворена и человек, окончив свое долгое и трудное завоевание, сможет отдохнуть на покоренных высотах?

Так размышлял зартог Софр, склонившись над бесценной рукописью... Под впечатлением этого рассказа, извлеченного из загробного мира, он представил ужасную драму, постоянно происходящую во вселенной, и сердце его было переполнено состраданием.

Испытывая тягостные терзания из-за неисчислимых бедствий, которые выпали на долю живших до него, сгибаясь под тяжестью этих тщетных усилий, слившихся в бесконечности времени, зартог Софр-Аи-Ср медленно и мучительно, но вместе с тем глубоко убеждался в вечном возобновлении жизни.

Клэр Уингер Харрис

ПОСЛЕДНЯЯ БОРЬБА

Научно-фантастический рассказ

I

Сумерки одного из царств природы

После не так давно прочтенного мною доклада о состоянии сельского хозяйства в древности я, Натано, получил новое задание — сделать обзор необычайных событий, ознаменовавших собою последние два тысячелетия, т. е. тот период, в начале которого владычеству человека, этого важнейшего представителя млекопитающих, угрожал преждевременный конец.

Еще с тех пор, как началась жизнь на земле, жизнь, по-видимому, вынырнувшая в виде органической слизи из морских глубин, первенство принадлежало только двум большим группам: пресмыкающимся и млекопитающим.

Первые пользовались неограниченным владычеством в течение тысячелетий, но в конце концов должны были уступить меньшим по величине, но умственно превосходившим их млекопитающим.

Человек, этот высший образец жизнеспособности и умения покорять и подчинять своему контролю неодушевленную материю, сделался властелином мира и, по-видимому, некому теперь оспаривать его права. Но он настолько был ослеплен гордым сознанием своего непрерывного владычества над ниже его стоявшими группами млекопитающих и над почти вымершими рептилиями, что проглядел медленный, но верный рост одного из жизненных ответвлений совершенно другого порядка; правда, это был мир мелких существ, но по сравнению с ним они не были меньше, чем он сам был когда-то по сравнению с чудовищными рептилиями, бродившими по болотам мезозойской эры.

Эти новоявленные враги человека, редко, впрочем, нападавшие на него непосредственно, создавали ему угрозу уничтожением главных его средств пропитания, так что к концу двадцатого столетия в различные правительственные учреждения всего мира были внесены неслыханные до этого времени и смелые проекты полного истребления на-

секомах. Бедствие раскинулось так широко, тучи насекомых с такой быстротой множились и пожирали всякую растительность, что в ближайшее время можно было ожидать исчезновения последних продовольственных посевов. Человечество вдруг поняло, что ему угрожает та же участь, которая постигла почти вымерших пресмыкающихся. Сумеет ли род человеческий побороть засилье насекомых? Настал момент, когда человеку стало до очевидности ясно, что если не будут *немедленно* приняты самые решительные меры, верховная роль на земле перейдет к третьему обширному классу царства животных.

Я воспроизведу здесь отрывок лекции, прочтенной тогда одним американским великим ученым. Эта радиобеседа, разнесенная по всему миру, изменила ход судьбы человечества, но к лучшему или к худшему, пусть читатель сам решит по прочтении настоящего рассказа.

«Только в сравнительно недавнее время человеку удалось победить природных врагов — наводнения, бурю, суровость климата, дальность расстояния, — и вот мы теперь стоим лицом к лицу перед опасностью, угрожающей всему человечеству. Неужели мы шаг за шагом завоевали истину и законы, которым подчинена материя, только для того, чтобы покориться первой реальной опасности, грозящей нам истреблением? Конечно, какой бы то ни было ценой, вы примете участие в решении нашей общей проблемы, и я думаю, друзья, что способ решения уже найден мною.

Я знаю, многим из вас — хотя бы моему другу, профессору Фэру, — моя идея покажется крайностью, но в то же время я убежден, что пока вы не отрешитесь от некоторых устаревших и бесполезных привычек, вам нечего надеяться на преодоление создавшегося положения.

Уже в течение последних десятилетий вы убедились, насколько бесцельно обременяли мы себя разным ненужным имуществом, которое было лишено всякого признака полезности, но которое, по разным сентиментальным соображениям, вы продолжали беречь в ущерб производительности ваших жизненных сил, так как вы посвящали им часть вашего времени и внимания вместо того, чтобы целиком

отдаться практической задаче житейского совершенствования. Вы неохотно расставались с этими вещами, но я имею в виду предложить вам отказаться без проволочек от всего, что у вас еще сохранилось, — от всего, что так или иначе стоит на пути к немедленному искоренению наших врагов — насекомых».

В этом месте мой достойный предок, профессор Фэр, по-видимому, представил лектору свои возражения, указывая, что усиление продуктивности за счет каких-либо ценностей, корнящихся в чувстве, нежелательно и не ведет к счастью, которое и есть настоящая цель человека. Ученый, со своей стороны, привел тот довод, что счастье достижимо только путем полнейшей приспособляемости к обстановке и что производительность труда при отсутствии любви, сострадания и прочих нежных чувств есть ближайший путь к человеческому блаженству.

Прошло несколько лет, прежде чем этому ученому удалось осуществить свой план спасения; его успеху способствовала не столько убедительность его речей, сколько необходимость принять какое-нибудь быстрое решение. Пищи становилось недостаточно для прокормления населения земли. Фрукты и овощи все больше и больше отодвигались в область преданий. Избыток протеина в преобладавшей рыбной и мясной пище подрывал всеобщее здоровье, и наконец люди уяснили себе, что искать овощи и плоды или их питательные эквиваленты надо не на полях, а в лабораториях, что обращаться надо не к фермеру, а к химику. Открытие синтетического способа добывания продуктов питания разрешило эту проблему. Отпала надобность в посевах и уходе за продуктами сельского хозяйства, которым суждено было сделаться пищей злейшего врага человечества.

Последний посев был произведен в 2900 году, но жатву собрать не пришлось — прожорливые насекомые набрасывались на каждый зеленый росток, едва успевший показаться из-под земли, и даже деревья, до сих пор стойко выдерживавшие нападения огромных насекомых, на этот раз стояли без признака зелени.

Растительный мир вдруг прекратил свое существование.

Среди безотрадных пустырей, которые расстилались между огромными городами, человек раскладывал костры, уничтожавшие последние остатки зелени, и вскоре во всем мире не стало пищи для бича земли — насекомых.

II

Человек или насекомое?

(Отрывок из дневника Дельфэра, потомка профессора Фэра, который в предыдущей главе оппонировал смелому ученому.)

С окраины города Айовы я воочию видел гибель одного из великих царств природы — растительного царства. И я не нахожу слов, чтобы выразить печаль, которая охватывает меня при одном воспоминании об этом. Я так любил растения. Земля для многих из нас вдруг утратила свою красоту. Но если красота несла с собой смерть? Смерти мы предпочли бесплодие столиц.

Хотя мы и учли заранее остервенение лишенных пищи насекомых, однако с этим злом оказалось не так-то легко справиться. На окраинах городов жизнь наша постоянно подвержена опасности со стороны прекрасно организованных отрядов страшного врага*.

Подстрекаемые голодом, они делались настолько дерзкими, что стараются, ни с чем не считаясь, похищать на съедение даже взрослых людей, и после их удачных налетов нам приходится с ужасом подсчитывать наши потери.

Но, по крайней мере, в наши обширные лаборатории, где изготавливается синтетическая пища, и в кислородные генераторы они никогда не заберутся. Так думали мы. Опыт показал, что мы ошиблись.

* Организации, наблюдаемые теперь у муравьев, пчел и других насекомых, являются указанием на то, насколько у них может развиваться военная тактика в течение грядущих тысячелетий.

Надо вам сказать, что после истребления всей растительности, доставлявшей часть кислорода, который так важен для поддержания человеческой жизни, возникла необходимость в искусственном приготовлении этого газа для того, чтобы вливать его в атмосферу.

Я летел к месту своей работы — на кислородный завод №21; вдруг мое внимание было привлечено одним предметом на воздушной проезжей платформе вблизи продуктовой фабрики № 3439. Несмотря на ночное время, в различных этажах города-гиганта было светло, как днем. Какой-то легкой автомобиль полным ходом мчался к западу. Я был поражен. Это, очевидно, был автомобиль Эрика, моего сорудника по кислородному заводу. Я повернул свой волоплан и, пустившись в погоню, различил знакомый мне номер жестианки. Чего ради Эрик ушел с завода, не сдав мне дежурства?

Продолжая погоню, я летел над автомобилем уже за пределами городской черты. Меня крайне озадачивала эта экскурсия в страну врагов. Вот автомобиль круто остановился у края прежней земледельческой площади. На целые мили впереди меня расстилалась необъятная равнина, почерневшая и бесплодная...

Но тотчас показался и мой друг. Какое это было ужасное зрелище! Я не верил своим глазам. Он буквально был облеплен с головы до ног двухдюймовыми муравьями, которые, почти наравне с жуками, отличались своими дерзкими нападениями на людей. Испуская дикие, несвязные крики, он бежал по камням и обгорелой земле.

Опомнившись, я быстро снизился, чтобы спасти несчастного, — но было поздно. Едва мой волоплан коснулся земли, как Эрик упал, увлекаемый яростно впившимися в него мириадами врагов. Что пользы, если бы я спрыгнул на землю — я только разделил бы судьбу Эрика. Поднявшись футов на десять, я выхватил резервуар с ядовитым газом и выпустил его содержимое на рой копошившихся внизу черных тварей. Я не стал возиться с своей предохранительной маской, потому что рассчитывал тотчас же взлететь выше; действительно, нельзя было терять ни мгновения. Над чер-

ным пустырем взвилась мрачная туча, закрывшая собой звезды — прямо на меня летел рой крылатых муравьев вперемишку с другими большего размера насекомыми. Надев маску, я хотел было отразить атакующих остатками газа, но, увы! — я до последнего атома израсходовал его на бескрылых муравьев! Мне осталось только обратиться в бегство, что я и сделал, зная, что мне нетрудно будет перегнать своих преследователей.

Снял я маску уже тогда, когда они скрылись из виду. Сразу я почувствовал удушье. Мне не хватило воздуха!..

Неужели я поднялся на такую большую высоту? Перегнувшись через борт кузова, я рассчитывал увидеть город далеко-далеко внизу. Но каково было мое удивление, когда я увидел, что нахожусь на высоте в каких-нибудь триста метров!

Значит, не высота, а какая-нибудь другая причина лишила меня живительного присутствия кислорода.

Снизившись метров на сто, я разглядел лежавшие на улицах безжизненные тела. Тогда мне стало все ясно: *кислородный генератор не действовал!* В то же мгновение я надел свою запасную кислородную маску и устремился к кислородному заводу. Только тут заметил я первые признаки жизни. Люди, вооруженные предохранительными масками, пытались вскрыть запертую дверь здания. Как служащий, я знал секрет замка и быстро открыл двери, — но нас встретили полчища муравьев, дружно кинувшиеся на нас в атаку.

Пол был покрыт как бы движущимся черным ковром, один угол которого, ближайший к двери, при нашем входе откатился к нам, и через две-три секунды мы были облеплены цепкими, кусающими насекомыми, которые сражались со сверхъестественной энергией отчаяния. Двум наиболее бойким муравьям удалось забраться под мой шлем. Укусы их острых челюстей и действие ядовитой муравьиной кислоты сделались невыносимыми. Но мог ли я сбросить маску, пока воздух вокруг меня был заражен газами, выпущенными из баллонов моими соратниками? В то время, как атаки, направленные на прочие части моего тела, постепенно ослабевали и насекомые начинали окончательно изнемо-

гать от ядовитых паров, два врага, находившиеся под защитой моей маски, приходили в большее и большее остервенение. И тот и другой добрались до моих глаз и грозили слепить меня. Лучше задохнуться в ядовитых газах, чем терпеть эту муку! Обезумев, я сорвал с себя шлем и хотел поймавать этих черных, блестящих гадин. Но, как ни странно, я тотчас почувствовал, что могу еще дышать вблизи больших кислородных резервуаров, где оставалось некоторое количество живительного газа, достаточное хотя бы для временного поддержания жизни. А озлобленные насекомые, не защищаемые больше противогазовой маской, спрыгнули с меня, как крысы с тонущего корабля, и скрылись за кислородным баком.

Это нападение наших врагов, хотя и кончившееся их неудачей, было для нас зловещим предостережением, так как обнаружило беспрецедентную хитрость и сметливость. Раньше их налеты ограничивались нападениями на отдельных людей или на продуктовые лаборатории, но в этот набег они проявили такую сообразительность, которая заставляла нас ожидать нового, еще худшего бедствия. Очевидно, они разработали план задушить нас остановкой кислородной станции, зная, что сами они могут жить в атмосфере со значительно большим процентным содержанием двуокиси углерода. А дальнейшей их целью было — опустошить наши продовольственные склады.

III

Последний Люканус

(Второй отрывок из дневника Дельфэра — много лет спустя.)

Хотя и казалось очевидным, что истребление всякой растительности должно повлечь за собой полную гибель насекомых на земле, однако их исчезновение не совершилось так быстро, как можно было предполагать! Последовали дол-

гие годы беспощадной войны. Насекомые, хотя число их быстро убывало, продолжали питаться похищаемыми из лабораторий продуктами, телами людей и наконец друг другом; сначала они забирали в плен враждебные семейства и виды, потом перешли к каннибальству. Прожорливость их возрастала обратно пропорционально их численности, и в конце концов стало опасно встретить даже отдельное насекомое, если у вас не было при себе баллона с ядовитым газом, который вы в любое мгновение готовы были бы пустить в ход.

Теперь я уже старик, хотя мне еще нет двухсот лет, — и я счастлив сознанием, что мне привелось видеть живым последнее из насекомых, которое было взято в плен. Это был прекрасный экземпляр «жука-оленья» (*Lucanus*), и многолетние наблюдения подтверждали, что он был единственным уцелевшим представителем той формы жизни, которая чуть было не вытеснила человека с нашей планеты. Этот жук был пойман через несколько недель после того, как мы были очевидцами последнего, как мы предполагали, проявления жизни на земном шаре — не считая жизни человека и морских глубин. Неутомимые поиски в течение ряда лет не обнаружили больше и признака насекомых. И человек почувствовал себя полным хозяином всего, что он мог охватить своим взглядом.

Я слышал, что в давно прошедшие времена человек с каким-то жутким оцепенением смотрел в зоологических садах на вытесненных им рептилий; с таким же точно чувством смотрел он на этого последнего представителя той жизни, которая восторжествовала бы на земле, если бы человек был менее дальновиден и изобретателен.

Вот эта-то безотчетная притягательная сила и заставила меня однажды пойти посмотреть на пойманного жука. Клетка, в которой он был заключен, была выставлена на показ в 404 районе города Универсаполя. Я поразился величине этого существа — оно оказалось гораздо больше, чем представлялось мне раньше, когда я разглядывал его в телевидоскопе; вероятно, потому, что в тот раз рядом не было никаких предметов, с которыми можно было бы сравнить его

размеры. Правда, докладчик радиостанции сообщил тогда все данные о величине насекомого, но отдельно взятые цифры не могли воссоздать реальной картины этих чудовищных пропорций.

Когда я подошел к клетке, животное лежало, повернувшись ко мне своим жестким спинным покровом; на глаз оно имело дюймов четырнадцать в длину. Его гладкие роговые элитры сверкали под лучами искусственного света (клетка была на третьем этаже). Я живо представил себе картину мира, населенного биллионами подобных существ. В это время подошел сторож с порцией мучнистой синтетической пищи. Хотя эта пища не имела запаха, но жук почувствовал приближение человека: он поднялся на своих членистых ногах и подошел к нам, угрожающе пошевеливая рогами; потом, как бы вспомнив о своей неволе и о невозможности нападения, он смирился и быстро принялся есть поставленную ему в клетку пищу.

Покончив с обедом, он приподнялся на задние лапы, слегка опираясь на ящик, и повернул ко мне свои большие глаза. Мне никогда еще не приходилось видеть такого недоброжелательства во взгляде. Можно было почти осязать эту ненависть! Я невольно вздрогнул. Так же отчетливо, как если бы жук умел говорить, я понял, что он отлично создавал свое положение, и в его взгляде я прочел всю сосредоточенную ненависть побежденной расы.

Мне не хотелось упиваться его несчастьем; напротив, я ощутил в себе прилив сильного чувства сострадания. Что, если бы я сам, как последний представитель моей расы, был выставлен на посмешище перед пестрой стаей насекомых, победивших моих сородичей? Не почувствовал ли бы я, что жизнь не стоит того, чтобы жить?

Не знаю, угадал ли он мои мысли, но он продолжал смотреть на меня с таким безграничным озлоблением, как будто хотел сообщить мне, что ненависть его сильнее вечности.

Вскоре после того он умер. И мир, давно привыкший отрицать всякие церемонии, неожиданного для самого себя похоронил останки жука в золотой шкатулке, с небывалой роскошью.

Я много лет прожил после этого достопамятного события и, конечно, теперь мои дни сочтены. Но я могу умереть счастливо, с убеждением, что на земном шаре человек завоевал себе полное владычество.

IV

Максимум полезного действия

(Танор, часть дневника которого составляет настоящую главу, происходил по прямой линии от профессора Фэра и Дельфэра.)

Вот и 2928 год. Подлинный ли я сын своего века? Иногда я прихожу к убеждению, что ношу в себе безнадежно устаревшее мироощущение, что я какой-то анахронизм, которому следовало бы существовать тысячу лет назад. Иначе ничем не могу объяснить своего недовольства в мире, где полезное действие удалось, наконец, довести до максимума.

Говорят, я прямой потомок целого ряда предков, которые неохотно усваивали переменявшиеся условия. Например, я люблю красоту — и не нахожу ее. Иные видят красоту в наших величественных зданиях, возвышающихся на шестьсот или девятьсот метров над землей, но, хотя они и поражают архитектурным великолепием, они лишены той привлекательности, о которой я мечтаю. Только навещая берег моря, я могу несколько утолить свое смутное душевное стремление. Один лишь океан таит в себе силы природы. Земля же говорит о человечестве и ни о чем больше.

Перечитывая дневники моих предков, этих людей чувства, я встречаю иногда яркие описания прежнего мира — того мира, в котором насекомые еще не угрожали существованию человека. Деревья, травы, цветы вносили элемент очарования в жизнь людей, гулявших среди них по огромным, открытым пространствам, где земля была мягка под ногами и крылатые существа, так называемые «птицы», пели среди листвы. Правда, я вычитал также, что многим лю-

дям приходилось жить впроголодь и что буйные страсти владели ими, но мне кажется, что все-таки та жизнь была заманчивее нашего методического, бесстрастного существования. Никак не могу понять, почему так много было бедных: ведь, как видно из описаний, природа, проявлявшаяся в растительном царстве, была очень плодоносна — до такой степени, что из года в год огромные количества пищи сгнивали на земле без пользы. Судя по тому, что я вычитал, виновата в этом была не природа, а экономическая система человечества, которая в наши дни доведена до совершенства. Но, думается мне, даже совершенство не всем из нас приносит счастье.

Теперь ничто не выбрасывается — все превращают в пищу. Давным-давно человек научился разлагать вещество на его составные элементы, число которых доходит почти до ста, а из них составлять соединения, необходимые для пищи. Старая аксиома, что ничто не творится и не пропадает, а только одна форма вещества переходит в другую, выдержала испытание веков. Человек, как проявление природной силы, по своему произволу осуществил кажущееся чудо самопревращения, возлагавшееся в древности на другие физические силы.

Сначала человечество было приведено в ужас декретом об обязательной передаче всех мертвецов в лаборатории. В течение тысячелетий человек привык к теснейшей ассоциации представлений о теле и о душе, не понимая, что тело есть только материальный агент, посредством которого функционирует дух. Но, постигнув свойства духа, человек перестал смотреть с суеверным уважением на покинутое жизнью тело и увидел в нем те же составные части, как и в остальных окружающих предметах. Тело человека, как металл или камень, базируется на общей материальной основе: на веществе, которое можно разложить на атомические элементы, а из них — химически воссоздать любое вещество, полезное для живущего человечества.

Жутко становится от пасмурного однообразия нашей жизни. Жизнь тогда только интересна, когда есть борьба, есть цель, достижимая эволюционным путем. Но, когда цель до-

стигнута, прогресс останавливается. Огромные пресмыкающиеся доледниковой эпохи достигли первенства вследствие своих больших размеров, но не чудовищная ли величина этих тварей послужила причиной и полного их вымирания? Природа, по-видимому, избегает крайностей. Она некоторое время позволяет развиваться и фантастическому, а затем стирает все написанное ею, чтобы открыть простор новому порядку развития. Не предстояло ли человечеству изжить себя чрезмерным развитием своей нервной системы и уступить место будущей эволюции сравнительно простейшей формы жизни, каковой была, например, стадия развития насекомых в период высшего апогея человечества? Мне кажется, таково было великое предназначение природы; человек нарушил этот план и за свое вмешательство расплачивается монотонностью нашей жизни.

Население Земли быстро идет на убыль, и я боюсь, что ближайшее тысячелетие увидит безжизненную планету, несущуюся в мировом пространстве. По-видимому, ничто не спасет нас.

V

Год 3928-й

(Натано, автор первой главы, продолжает свой рассказ.)

Мой предок Танор, живший тысячу лет назад, судя по рассказам моего прадеда, был выразителем пессимистического отношения к судьбам человечества. Но в наши дни состояние общего отчаяния достигло еще большей степени. Мир понемногу умирает от добровольно взятой на себя тоски.

Перечитывая дневники своих праотцев, восходящие даже к эпохе существования насекомых, я вижу, что все мои предки с сентиментальной настойчивостью придерживались всего, что в стародавние времена составляло обаяние жизни.

Если бы мои современники догадались, какие мысли зарождаются во мне при изучении прошедших веков, они едва ли отнеслись бы ко мне снисходительно. Но мой шлем изолирует эти мысли от внешнего мира, и я часто предаюсь своим мечтам и перебираю доставшиеся мне по наследству реликвии далекого прошлого.

В одну из таких минут я сделал поразительное открытие.

Несколько месяцев назад я нашел в своей семейной коллекции золотой ящик, имеющий фута два в длину, полтора в ширину и один в глубину. Я снял крышку. Внутри ящик оказался перегороденным на множество квадратных отделений, наполненных миниатюрными частицами различной величины, цвета и строения. Песок? Нет, это что-то другое. Питательные таблетки? Но, съев несколько крупинок, я убедился, что коэффициент питательности их ничтожен по сравнению с продуктами наших лабораторий. Загадка!

Я уже готов был закрыть ящик и поставить его на место, успокоившись на мысли, что один из моих сентиментальных предков сохранил для потомства вещь, не могущую принести никакой пользы, как вдруг мой карманный радиоприемник загудел, и из крошечного прибора раздался голос моего друга Стентора, диктора междупланетной радиостанции.

— Если ты свободен и будешь дома, я прикачу сейчас к тебе, — сказал Стентор. — У меня есть интересные новости.

Я изъявил согласие, тем более, что мне хотелось поделиться своей находкой с этим другом, которого я любил больше всех на свете. Однако, до его прихода я спрятал ящик, решив сообразовать свои действия с тем оборотом, какой должен будет принять наш разговор. И хорошо, что я так сделал, потому что Стентор был настолько увлечен важностью своих новостей, что едва ли сразу обратил бы должное внимание на мое открытие,

— Ну, рассказывай, какие у тебя интересные новости? — спросил я после того, как мой приятель с удобством расположился в креслах.

— Попробуй угадать, — ответил он, подзадоривая меня своим равнодушием.

— Что-нибудь насчет Марса или Венеры? Весточка от наших соседей?

— Ты бы должен сообразить, что речь не может идти о самодовольных марсианах, — возразил мой друг. — Но венерианцам предстоит решение серьезнейшей задачи. Ты знаешь, у них все тот же тревожный вопрос, который волновал их еще сорок лет назад, когда удалось впервые установить междупланетную радиосвязь. Вероятно, ты не забыл, что во втором своем сообщении они говорили нам о непрестанной войне с насекомыми, которые у них уничтожают почти всю растительную пищу? И вот в прошедшую ночь, когда минул час радиовещания, я к немалому своему изумлению услышал голос венерианского диктора. Он предлагает нам организовать научную экспедицию на Венеру, чтобы помочь населению злополучной планеты покончить с проблемой насекомых так же, как мы разрешили этот вопрос у себя. По его словам, марсиане совершенно не хотят отзывать на их просьбы о помощи, но он рассчитывает на полное содействие и сочувствие со стороны жителей Земли, которые так еще недавно нашли выход из подобного же положения.

Новость, сообщенная мне Стентором, ошеломила меня.

— Но ведь венерианцы в деле механических достижений опередили нас, — возразил я, — хотя и отстали от нас в биологических науках. Им гораздо легче было бы осуществить междупланетный перелет, чем нам.

— Правильно, — согласился Стентор. — Но если мы хотим дать им реальную помощь в деле освобождения их мира от всеистребляющих насекомых, мы должны сами отправиться на Венеру. Последние сорок лет показали, что мы не можем вывести их из беды одними словесными инструкциями.

И вот этой ночью, — продолжал Стентор все с большим и большим воодушевлением, — Энайона, глашатай венерианской радиостанции, сообщил мне, что их ученые подошли к практическому осуществлению междупланетного телевидения. В случае успеха, это необычайно облегчит наши сно-

шения и даже может исключить необходимость в междупланетном путешествии, к которому пришлось бы приготовиться, я думаю, несколько сот лет.

— Да, телевидение, столь обычное и у нас и на Венере, — сказал я, — до сих пор казалось невозможным через междупланетную пустоту. Но если оно осуществится, то, конечно, только по инициативе венерианцев, хотя они и будут беспомощны без нашего дружественного содействия. А в благодарность за часто получаемые от них указания в области механических усовершенствований мы, по справедливости, должны всякими мерами помочь им освободиться от насекомых, угрожающих их существованию. И я думаю, что посредством радио и телевидения это будет легче сделать, чем посредством междупланетного путешествия.

— Я с тобой согласен. И надеюсь, что наша помощь будет оказана им в ближайшее время. С тех пор, как я принял должность междупланетного диктора, я полюбил венерианцев за их открытую, товарищескую душу. Впечатление, которое производит на меня их диктор Энайона, составляет резкий контраст с самодовольной кичливостью марсиан.

Наша беседа продолжалась еще некоторое время, и только когда Стентор собрался уходить, я коснулся вопроса, на котором были сосредоточены мои мысли.

— Я хочу кое что показать тебе, Стентор, — сказал я.

И я принес из соседней комнаты драгоценный ящик.

— Полюбуйся-ка на эту реликвию, когда-то принадлежавшую моему предку Дельфэру, тому самому, при жизни которого последнее насекомое — жук — было поймано и посажено в клетку. Судя по личным записям в дневнике Дельфэра, он отдавал себе полный отчет в том, что он жил в знаменательное время, на переломе двух эпох, и, в отличие от большинства своих современников, сохранил в своей душе некоторые чувства, передавшиеся, как историческое наследие, и будущим поколениям. Взгляни, друг мой, что он сберег для потомства.

И, поставив ящик на разделявший нас стол, я приподнял крышку, чтобы показать Стентору таинственные крупинки.

Лицо Стентора представило красноречивую картину изумления. Естественно, что мысли его остановились на тех же догадках, к которым раньше пришел и я, только к перечню возможностей он добавил еще «единицы атомных сил». Наконец, он в недоумении покачал головой.

— Как бы то ни было, он не стал бы хранить эти крупинки, не имея определенной цели, — сказал он. — Ты говоришь, что старик Дельфэр жил в тот век, когда были уничтожены насекомые? Но что это был за человек? Не из тех ли, что любили подстраивать разные шуточки?

— Ничуть ни бывало, — возразил я, чувствуя себя несколько обиженным. — По всему видно, что он был серьезный человек; работал он на кислородной станции и принимал активное участие в войне между людьми и насекомыми.

Вдруг Стентор нагнулся, насыпал некоторое количество крупинок себе на ладонь и — с истерическим воплем швырнул их в воздух.

— Да знаешь ли ты, что это такое? — вскричал он, дрожа всем телом.

— Нет, не знаю, — ответил я, стараясь сохранить свое достоинство.

— Зародыши насекомых! — крикнул он в ужасе и бросился к дверям.

Я поймал его на пороге и силой втянул назад в комнату.

— Слушай, — сказал я решительным тоном, — никому ни слова об этом! Понимаешь? Я всеми способами проверю твое предположение, но я не хочу огласки и общественного вмешательства.

Сначала он не соглашался, но наконец уступил.

— Я буду производить опыты, — сказал я, — и если твоя догадка оправдается, попробую устроить инкубатор под строжайшим контролем.

Наступило время вечернего радиовещания. Мой приятель ушел, дав обещание хранить тайну и заставив меня пожалеть, что я раньше времени нарушил молчание.

VI

Чудо

В течение многих дней после моего злополучного разговора со Стентором я производил опыты над таинственными тельцами, которые так испугали его. Я подвергал их всевозможным испытаниям, чтобы доискаться в них признаков жизни в какой бы то ни было стадии — яйца, личинки или куколки. Но результат всех моих опытов был один и тот же. Жизнь не проявлялась. Однако, я этим не удовлетворился, так как химический анализ показал наличие органических веществ. Вот неразрешенная загадка! Сколько раз я готов был предать огню все содержимое моего ящика! Иногда я мысленно представлял себе мир снова наводненным полчищами насекомых — и все это по неосторожности единичного человека! Я уже начал подумывать о передаче этой задачи на разрешение ученых, но вдруг на меня нашло просвещение — и ответ был найден. Ведь это не что иное, как семена — зародыши растительной жизни — и они могут расти! Но где? Увы, человек подчинил всю земную поверхность своему искусственному владычеству. Со времени слияния городов сплошная бетонная кора покрывала землю.

Я все-таки решил произвести опыт, будущего значения которого я в то время сам не подозревал. В подвале того общежития, где была моя квартира, я выдолбил в бетонном полу посредством небольшого экскаватора, действующего внутриатомной энергией, отверстие такого диаметра, чтобы туда мог пролезть человек. Опустившись в эту нору, я почувствовал под ногами черное мягкое вещество; я знаю, что эта была земля. Я поспешно наполнил этим веществом бывший со мной ящик, закрыл нору куском бетона и, вернувшись к себе, занялся посевом различных семян.

Легко представить себе, с каким нетерпением я ожидал первых признаков растительной жизни. Со дня на день, с часа на час я присматривался к земле, надеясь на первые

признаки жизни, которая так давно покинула наш мир, и уже готов был прийти к убеждению, что зародыши жизни не могут сохраняться в течение стольких веков, как вдруг заметил крошечный зеленый побег — залог совершавшегося перед моими глазами чуда, более поразительного, чем все тысячелетние достижения человечества. Это была сложнейшая и то же время такая простая загадка, подлинное откровение природы.

Дни и недели я не переставал следить тайком за ботаническим чудом. Оно овладело всем моим существом. Что за необъяснимая сила, перед которой я не мог устоять! — Я, смотревший с таким бесстрастным спокойствием на чудеса сорокового столетия! И мне стало ясно, что природа обаятельнее всего проявляется в тех простых вещах, которые человечество предпочло забыть.

Однажды утром я, проснувшись, увидел цветок, распустившийся в белоснежной красоте и разливший в воздухе нежный аромат. Лилия, символ новой жизни! Странные чувства, давно умершие в груди человека, всколыхнули меня... Но пусть эта весть коснется не меня одного! Пусть, как в древние времена, лилия для всех будет символом жизни!

Дрожащими руками я поставил драгоценную ношу на подоконник наружного окна, где она была видна всем проходившим. В первый день почти никто не заметил моей лилии, так как люди редко ходят пешком: они предпочитают или ездить в автоматических колясках, или кататься на роликовых электроколясках; последний способ передвижения является в то же время восхитительной гимнастикой для тела. Четвертый этаж города отведен исключительно для пешеходов и катающихся на роликах. Поэтому платформа на четвертом этаже выложена до гладкости стекла. И только какой-нибудь случайный пешеход, проходя мимо моего окна, мог обратить внимание на растение и разнести о нем молву. Тем не менее, у моего окна вскоре начали собираться целые толпы людей, желавших полюбоваться на чудо растительной зелени и белизны.

VII

Прах земной

Десять лет прошло с тех пор, как я в последний раз обратился к своему дневнику, — и как изменилась за это время картина человечества! Теперь я по профессии земледелец, но земледелие у нас осуществляется в гораздо более широком масштабе, чем это было две тысячи лет назад. У нас не бывает неурожая, так как температура и атмосферные осадки регулируются искусственно. Но главным образом мы приписываем наши успехи полному отсутствию насекомых. Наши земледельческие участки разбросаны по всей стране, как парки и сады древних времен, и они снабжают нас пищей, столь же питательной, как продукты наших лабораторий, но гораздо более вкусной. Поистине, мы живем в век чудес! Земля принадлежит нам безраздельно, и ничего нет удивительного в том, что нашим вниманием чаще и чаще овладевают другие планеты нашей солнечной системы. За последние десять или одиннадцать лет венерианцы постоянно вызывают к нам о помощи в их борьбе за существование. Мне кажется, мы обязаны оказать им содействие.

Завтра — знаменательный день для всех нас и в особенности для Стентора, потому что будет испытываться новый междупланетный телевидоскоп и, быть может, впервые мы увидим наших соседей, отделенных от нас бесконечностью пространства. Хотя население Венеры во многих отношениях отстало от нас чуть не на целое тысячелетие, но в области радио и телевидения там сделаны поразительные успехи. Уже полвека мы поддерживаем с венерианцами радиосвязь, и они всей душой разделяли с нами радость насаждения нашего Эдема. Они всегда с величайшим интересом выслушивают рассказы Стентора об этапах борьбы с насекомыми, грозившими стереть нас с лица земли. Им предстоит теперь та же самая задача; но, судя по их сообщениям, победа клонится не в их сторону. И завтра мы будем говорить с венерианцами лицом к лицу! Это событие — важнейшее с

момента установления первой междупланетной радиосвязи, которая существует у нас уже пятьдесят лет. Стентора я не видел в таком волнении с тех пор, как были открыты семена растений...

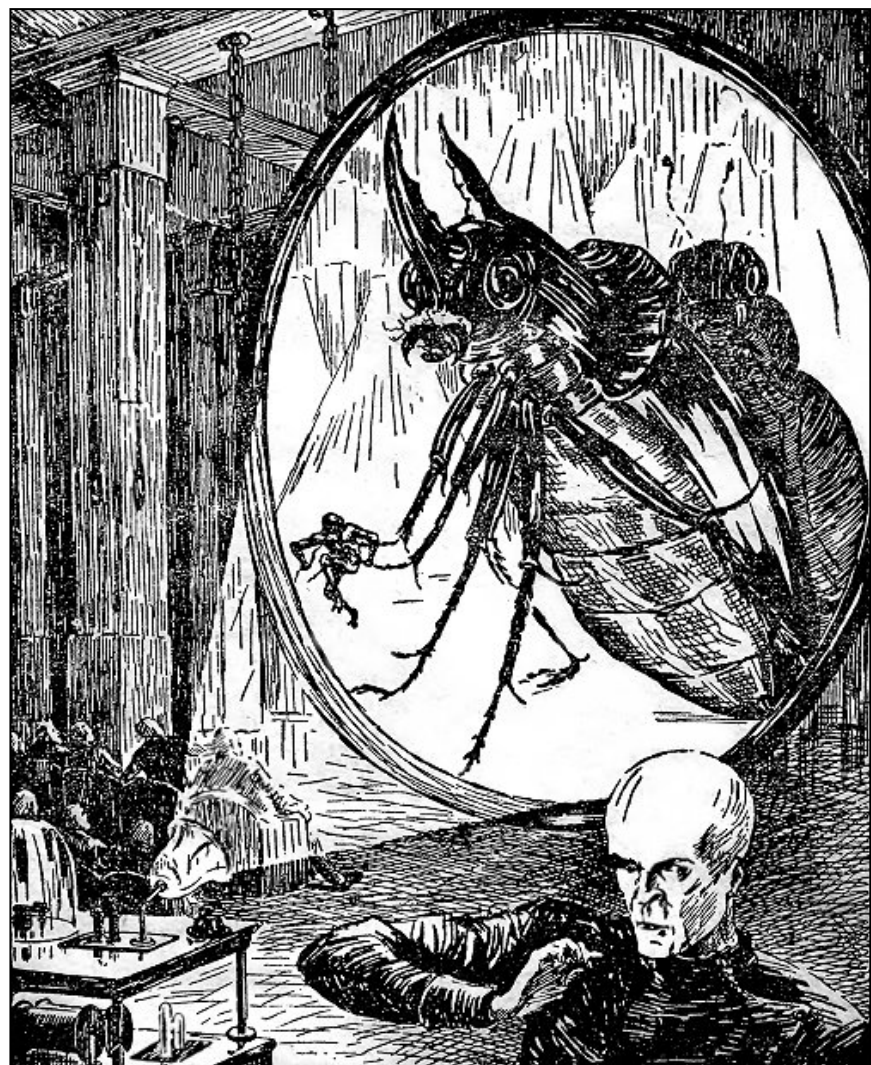
И вот этот день уже прошел. Опыт увенчался успехом, но увы, что увидели мы, когда пелена спала с наших глаз!

Огромные залы собраний были по всему континенту битком набиты людьми, жаждавшими увидеть первых жителей Венеры. Перед самым началом опыта мы послали по радио нашим запланетным соседям приветствие с выражением наилучших пожеланий и получили от них ответное поздравление! Увы, мы еще ничего не подозревали. Затем был включен телевидоскоп приемника, и мы, затаив дыхание, сидели, не спуская глаз с хрустального экрана. Рядом со мной сидел Стентор; я видел, с каким лихорадочным нетерпением он ждал появления фигуры Энайоны.

Сначала на экране скользнули какие-то неясные тени. Очевидно, изображение было еще не в надлежащем фокусе. Наконец, появилось темноватое пятно, очертания его делались резче и резче, оно принимало определенную форму... И вдруг многотысячную толпу народа — и одновременно другие такие же людские массы в зрительных залах всего мира — охватило чувство несказанного ужаса... Человечество вдруг уяснило себе все значение представившейся ему картины.

На экране перед нами вырисовалась фигура колоссального шестиногого жука, хотя и не тождественного во всех отношениях с нашими стародавними вымершими врагами, но все таки это было несомненное насекомое гигантских размеров. Конечно, нас оно не могло видеть, потому что наша отправительная станция еще не функционировала, но, когда оно заговорило, мы должны были закрыть глаза, чтобы убедиться, что слышим знакомый всем голос венерианского диктора Энайоны. Стентор стиснул мне руку, вскрикнул, и я должен был его поддержать, иначе он упал бы.

— Доброжелательные обитатели Земли, как называете

вы свой мир, — раздался голос чудовища, — мы переживаем знаменательнейшее событие в летописях наших дружественных планет, и мы с нетерпением ждем того момента, когда впервые увидим вас так же отчетливо, как вы сейчас видите одного из нас. В особенности нам хотелось бы увидеть Стентора. Сколько раз мы с живейшим интересом слушали ваши рассказы о бедствиях, причинявшихся вам насекомыми, которые оспаривали у вас владычество на вашей планете. Как вы уже часто от нас слышали, насекомые и нам не дают житья. И если мы не сумеем в ближайшее время истребить врага, нам придется проиграть сражение.

Вдруг к венерианцу подошло другое существо — огромный муравей, притащивший в передних лапах какой-то светлый комочек, который он передал жуку. Тот взял этот предмет и протянул его к нам, чтобы мы могли поближе его разглядеть. Это было подобие микроскопической обезьяны. И это млекопитающее было «насекомым», бичом венерианцев! А между тем, в его очертаниях мы видели, хотя и не в достаточно развитой стадии, все признаки человека!

Нечего и говорить, в чью сторону инстинктивно склонилось всеобщее сочувствие, но в то же время, разум подсказал нам, что по всей справедливости мы должны были соболезновать господствующей на далекой планете интеллигентной расе, возвысившейся до умственного превосходства в процессе многовековой борьбы. По какому-то капризу природы, разыгравшемуся еще в начале мироздания, жизнь там сложилась благоприятнее для насекомых, чем для млекопитающих. Или, может быть, насекомые в далекие времена вытеснили млекопитающих, как они чуть было не достигли этого на земле?

В тот вечер сеанс телевидения на этом закончился. Стентор был так взволнован видом венерианцев, что решил не подходить к микрофону, но на другое утро он говорил с ними по радио и объяснил, что вследствие вполне естественной антипатии к их внешности мы не хотим больше видеть их или показываться им. С тех пор они перестали подстрекать нас к постройке междупланетного дирижабля и не просят нашей помощи в борьбе с «насекомыми». Я думаю, что

они начали нас бояться, и именно этот страх пробудил в человечестве злой замысел снарядить к ним экспедицию с завоевательными целями.

Я решительно против этого. Разве недостаточно тех войн, которые были у нас в прошлом? Мы покорили свой мир, и нам пора бы на этом успокоиться и не искать новых завоеваний. Но жизнь здесь слишком легка. Что ни говорите, а когда человек не имеет врагов, с которыми он должен бороться, не встречает трудностей, которые надо преодолевать, — он не может быть счастлив...

Мои опасения за человечество были неосновательны! Не так давно, обходя свои поля, я увидел шестиногого жука, прожорливо уничтожавшего зелень. Итак — человечеству не придется лететь на Венеру для войны с насекомыми...

Камиль Фламмарион

К ЦЕНТРУ ЗЕМЛИ!

Жители земного шара далеко еще не знают планеты, на которой они обитают.

Они знают географию ее поверхности, исследовали ее моря и материки, определили ее астрономическое положение, форму, вес. Но что касается состава земного шара, его внутреннего строения, об этом они знают очень мало. Только случайно и то лишь на незначительную глубину им удалось проникать в его внутренность. Туннели, прорытые в горах для железных дорог, прорезают только возвышенности земной коры. Шахты, вырытые для разработки минералов, не идут глубже двух верст ниже уровня моря. Это только ничтожные царапины на верхнем слое коры земного шара.

Уже довольно много времени тому назад я излагал идею о возможности прорыть шахту или колодезь, который шел бы гораздо глубже к центру земли, чем шахты существующих копей, и дал бы возможность исследовать и определить точно состав и строение нашей планеты. По моему мнению, средства, имеющиеся у нашего инженерного искусства, совершенно достаточны для этой цели.

Последние землетрясения и противоречивые мнения геологов об их причинах заставляют меня снова обратить внимание на этот проект.

Жидкая или твердая масса находится в центре земного шара?

С глубокой древности ученые разрешают эту задачу и так и сяк, но не могут найти никакого удовлетворительного разрешения загадки.

В прежние времена признавали, в общем, существование жидкого ядра, окруженного тонкой кожей или корой.

Постепенное повышение температуры, которое наблюдалось по мере углубления в шахты, деятельность вулканов, выбрасывающих расплавленную лаву на поверхность земли, все это заставляло думать, что на глубине 80-100 километров под нашими ногами находится жидкая расплавленная масса. Но современная геология, с большим основанием, недоверчиво относится к этой теории. Если бы внутренняя масса земного шара была жидкой, то эта жидкая масса, притягиваемая луной, поднималась бы два раза в день, образуя страшный *прилив*, от которого должна бы была лопнуть земная кора. Эта кора в 100 километров толщины не могла бы выдержать страшного внутреннего давления. Наше существование на земном шаре было еще более, чем теперь, случайным и неверным. Каждую минуту мы рисковали бы быть поглощенными огненной лавой и, по всей вероятности, никакая жизнь на земном шаре не была бы возможна. Сомнительно даже, чтобы было возможно само существование земного шара. Он должен бы был разлететься в пространстве.

Но наше существование немного прочнее. Земной шар лучше устроен, чем думали раньше.

Согласно новейшим теориям, Земля в общем обладает плотностью, равной плотности стали. Нужно, однако, заметить, что эта теория еще далеко не доказана. Мы не знаем точно, что находится у нас под ногами.

Единственный способ разрешить это — проникнуть самим в таинственную глубину земли.

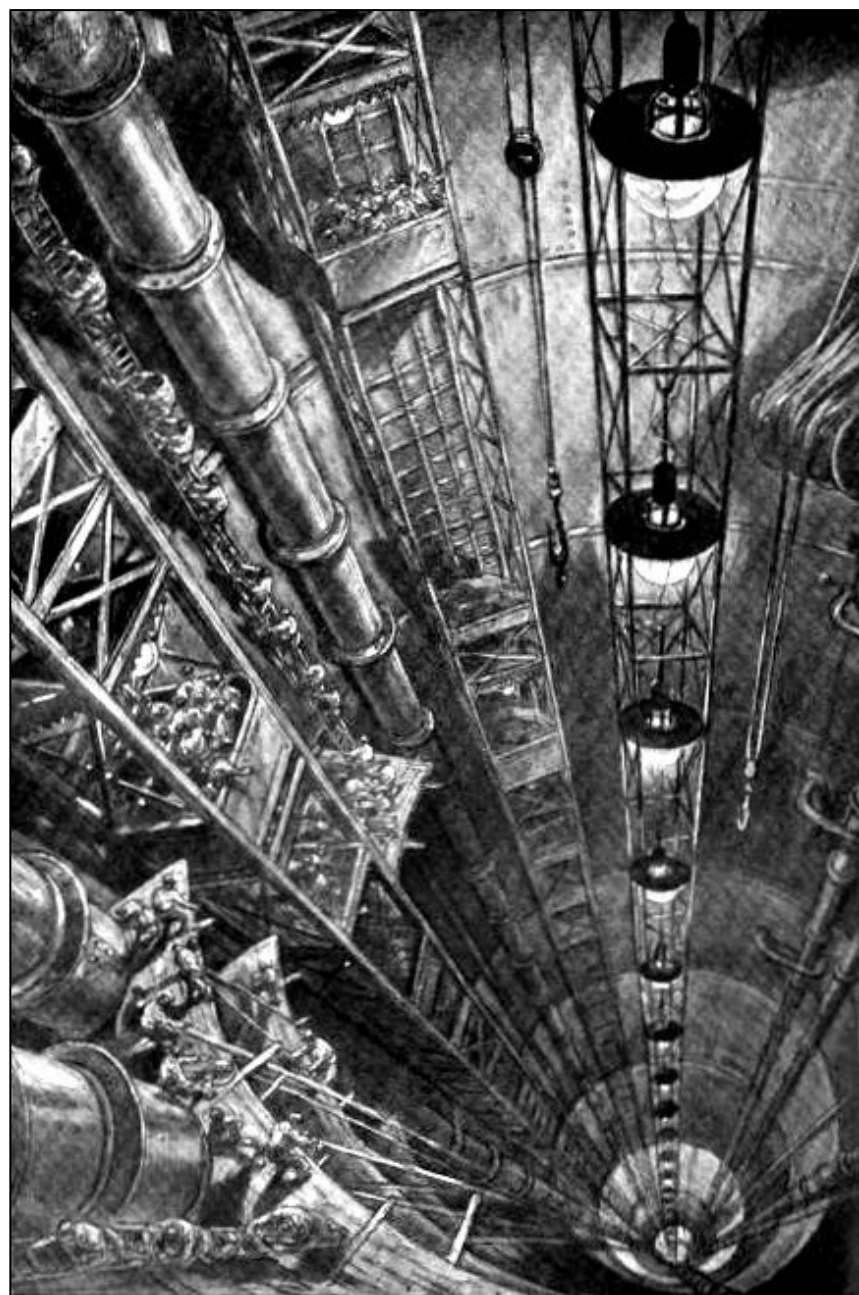
Что мы знаем до настоящего времени верно — это, что по мере углубления в Землю, температура повышается. Это повышение в среднем равняется одному градусу стоградусного термометра Цельсия на каждые 33 метра глубины. Но это повышение температуры далеко не везде одинаково. Во многих местах температура повышается на градус на 30 метров, на 60, на 80, даже на сто метров. С другой стороны, поблизости вулканов жара усиливается на градус при углублении на 15, даже на 10 метров.

От какой причины зависит жара внутри земного шара? Ее принято рассматривать, как сохранившуюся с того времени, когда весь земной шар представлял собой расплавленную массу, которая медленно охлаждается. Поэтому полагают, что температура должна увеличиваться по мере приближения к центру Земли. Вычисitano даже, что температура центра должна достигать 200.000 градусов!..

В то же время, мы знаем, что все известные нам минералы переходят в жидкое состояние при 3.000 гр. На этом и была основана старинная теория расплавленной массы внутри земного шара. Но, как мы уже говорили, эта теория во многих отношениях явно ошибочна. Высокая внутренняя температура земного шара может происходить от различных причин, напр., от радия, который может содержаться в больших количествах около центра Земли.

Решение этой задачи должно было бы быть первой целью устройства *геоцентрических* колодцев.

Такие глубокие колодцы внутрь Земли оказались бы в высшей степени полезными. Прежде всего, они стали бы неистощимыми источниками тепла, которое можно было бы извлекать оттуда, распределять по поверхности земного шара и применять к различным отраслям промышленности. Нужно помнить, что на глубине 3.000 метров вода может быть только в кипящем состоянии, следовательно, там находятся готовые природные паровые котлы, огромные запасы энергии, которые только ждут, чтобы ими воспользовались. Таким образом, эксплуатация подземного мира начнется немедленно же по прорытии глубоких шахт. Затем, эти шахты дадут возможность научного исследования под-

земных глубин. И кто знает, сколько нового лежит там для геологов и палеонтологов? Залежи железа, меди, драгоценных металлов, золота, серебра, радия, неизвестных металлов, ископаемые самых отдаленных эпох, — все это выйдет на свет, станет доступно для изучения и разработки.

По всей вероятности, по пути встретятся источники горячих минеральных вод, подземные водопады, которые могут служить для получения энергии; встретятся подземные гроты и пещеры, озера, населенные, может быть, слепыми рыбами, совершенно новые фауна и флора, вероятно, светящаяся, подобно животным и растениям морского дна, и освещаемая фосфорическим светом, странные подземные пейзажи, сталактиты и сталагмиты.

Только тогда геология действительно станет наукой. Не унижительно ли, в самом деле, что мы, которые можем измерять расстояние до звезд, взвешивать и анализировать их на расстоянии, не знаем состава планеты, на которой живем? Проникать на тысячи и миллиарды километров при помощи наших замечательных открытий в оптике, и не знать того, что находится в нескольких километрах у нас под ногами?

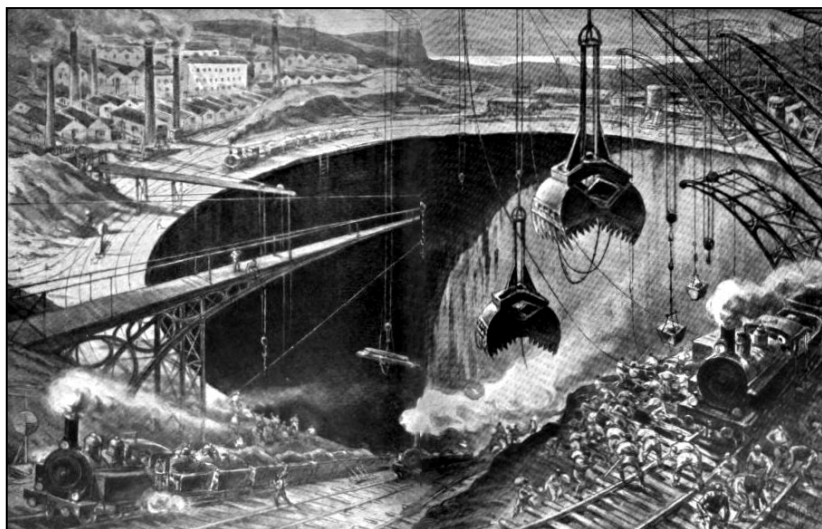
Мы вполне свободно можем представить себе и рассмотреть этот проект шахты для исследования внутренности земли. За последние 100-150 лет мы видели осуществление мечтаний, казавшихся настолько фантастическими, что теперь нас ничто не должно удивить. Осуществление этого проекта представить себе нетрудно.

Дело идет о том, чтобы проникнуть вглубь Земли на 3, 4, 5, 6 и больше километров. Каждый новый километр будет приносить что-нибудь новое. Шахта должна быть довольно широкой. Представим себе, что она имеет в диаметре 200-300 метров и что ее стена укреплена толстыми чугунными кольцами, спаянными одно с другим.

Куда девать землю, которая будет выниматься из шахты?

Вероятно, всего удобнее окажется отвозить землю по железной дороге в море и бросить ее в воду.

Как бороться с жарой?

Об этом мы ничего сказать не можем. Мы знаем только, что на глубине 3 километров мы уже встретили кипящую воду, а нам нужно проникнуть на глубину 6,371 километр, которые отделяют поверхность Земли от центра. Можно сказать одно: так или иначе, а с этим препятствием мы должны справиться, иначе ничего нельзя сделать.

ГДЕ ДОСТАТЬ СРЕДСТВА И РАБОЧИЕ РУКИ ДЛЯ ЭТОГО ПРЕДПРИЯТИЯ?

Препятствий при прорытии этой шахты встретится вообще множество.

Удастся их преодолеть или нет, — заранее сказать трудно. Подземные воды, обвалы, землетрясения, вулканические извержения — все это будет мешать работе. Возможно, что, дойдя до известной глубины, шахта превратится в жерло вулкана, станет первым *искусственным вулканом*. Если это не случится, если работа будет возможна, искусственному охлаждению придется играть большую роль в этой работе. Нужно будет охлаждать стены шахты, инструменты, воздух, воду и пр.

Как собрать средства для осуществления этого смелого предприятия? Добровольные пожертвования, подписка, участие капиталистов, которые могут заинтересоваться доходами, могущими явиться впоследствии от предприятия, — все это, вместе взятое, может дать средства, достаточные для осуществления проекта.

Но, если дело будет начато правильно, прорывшие шахты к центру Земли *не должно стоить ничего*.

Во-первых, для работы может быть организована особая армия.

Солдат этой рабочей армии будут кормить, у них будет помещение и небольшое жалованье. Заведовать этим должно правительство одной из европейских стран. Может быть, именно здесь лежит разрешение вопроса о безработных. Безработные всего земного шара могут поступать в эту армию и пролагать человечеству путь в центр Земли.

Средства дадут те минералы, которые попутно будут выниматься из шахты.

Когда шахта будет готова и Земля будет пробуравлена насквозь, явится возможность разрешить еще один старый спор. Идея отверстия, проникающего сквозь землю, существует очень давно. И еще древних ученых интересовал вопрос, что будет с телом, упавшим с поверхности земли в такую сквозную яму? Данте описывал падение Люцифера с Земли к ее центру, остановившееся в середине, в точке, которая притягивает к себе вес.

Но новейшие научные воззрения противоречат этому. Сатана не остановился бы в центре, а должен был бы провалиться на другую сторону земного шара, потому что в центре не максимум, а минимум притяжения.

Путешествие свободно падающего тела сквозь Землю должно бы было совершаться довольно быстро, именно в 84 минуты, т. е. в час 24 минуты.

Интересно то, что тело, брошенное в такой сквозной колодезь, не остановится нигде. Долетев до поверхности Земли, оно, вследствие своего веса, притягивающего его к центру Земли, опять полетит вниз, причем скорость его будет увеличиваться с каждой секундой. Пролетев со страш-

ной быстротой через центр, оно по инерции будет продолжать лететь дальше, побеждая растущее сопротивление от притяжения центра. Но когда оно долетит до края колодца, притяжение центра победит его инерцию и тело опять будет падать вниз, и так без конца. Это будет в буквальном смысле *вечное движение*, то самое **perpetuum mobile**, над изобретением которого бесплодно бьются столько веков...

Камиль Фламмарион

ПУТЕШЕСТВИЕ НА ПЛАНЕТУ МАРС

В прекрасный теплый осенний день, еще пропитанный всеми чарами лета, я наблюдал в телескоп планету Марс. За несколько недель до этого (24 сентября 1909 г.) наша соседка находилась на минимальном расстоянии от Земли — 58 миллионов километров — и в условиях, наиболее благоприятных для ее наблюдения. Несмотря на то, что вся атмосфера была пронизана светом заходящего солнца, словно в ясный летний день, маленький диск этой планеты (увеличенный моим телескопом в 400 раз) казался усеянным темными и светлыми пятнами, отвечающими характерным чертам поверхности этой планеты, которая вот уже полстолетия так часто подвергает испытанно искусство астрономов. Море Песочных Часов, очертаниями своими напоминающее рог изобилия, казалось, тихонько подвигалось к востоку, а за ним следовала лежащая на западе область Девкалиона, прорезанная темной чертой Синус Сабакус. Это кажущееся движение объясняется ежедневным обращением Марса вокруг своей оси, несколько более медленным, чем у Земли — 24 часа 37 минут 23 секунды. Погода на Марсе была дивная: ни облачко, ни туман не темнили необычайной прозрачности его атмосферы. На южном полушарии этой планеты, обращенном к нам в этот момент, лето было в полном разгаре, и полярные снега, которые несколько месяцев тому назад покрывали большие пространства на широте, соответствующей положению Христиании и Стокгольма в нашем северном полушарии, теперь отодвинулись дальше к северу; большая часть их стаяла совершенно, открыв полюс — чего никогда не бывает на нашей Земле.

Улучив благоприятный момент, я внимательно взгляделся в эти марсовские ландшафты, так мало похожие на наши, земные, и зарисовал их; затем вышел из-под купола обсерватории, чтобы полюбоваться с террасы роскошью земного солнечного заката. Светило дня во всей своей красе быстро спускалось к западной линии горизонта и высоко в небе голубая лазурь перемешивалась с цветами розы и золота. Глубокая тишина царила в природе. Сумерки уже раскинули над Землей свой прозрачный покров; на западе Вечерняя Звезда уже зажгла свой яркий сигнальный огонь,

возвещающий о близости ночи.

Природа постепенно готовилась к ночному отдыху, но мои мысли не отрывались от Марса, красные лучи которого неотразимо влекли к себе мои взоры.

— Что означают, — думал я, — эта изменчивость линий берега, эти как будто трещинки на каналах и на солнечном Озере? Что это: вода, болото, растительность?

Внезапно громкое жужжание раздалось над моей головой, прервав мои размышления: это был запоздалый аэроплан, огромная стрекоза, одиноко летящая в поднебесье. Она возвращалась в ангар Жювизи и в прозрачном воздухе я долго следил за ее полетом...

И вдруг мне показалось, что у мысли моей тоже выросли крылья, и она летит быстрее аэроплана в то время, как все члены мои словно онемели. Оторванная от тела, мысль моя с фантастической быстротой неслась в пространство, словно несомая психическими волнами, неведомыми земной науке. Изумленный, я пытался сообразить, что со мной, дать себе отчет в своем положении, но я был совершенно вне своей обычной стихии. Передо мной расстилалась беспредельная равнина; кирпично-красная почва покрыта густой кустистой растительностью однообразного красноватого оттенка, мало похожей на зеленую рощицу, ароматами которой я только что перед тем дышал.

Чтобы преодолеть оцепенение, сковавшее мои члены, я сделал шаг, но, к великому моему изумлению, шагнул сразу на несколько ярдов, и с этого момента ко мне вернулась свобода движений. Я даже почувствовал себя необычайно легким и быстрым. Я не шел, а летел, с необычайной быстротой и без всякой усталости покрывал огромные расстояния, как будто сразу вдруг более, чем наполовину, уменьшился в весе. В очень короткое время я исследовал всю соседнюю местность и все же не мог определить, где я нахожусь и какое поле наблюдений лежит предо мной.

Волшебная страна

Представьте себе ландшафт южной Франции или, еще лучше, плодородной Голландии, с ее болотами, разветвляющимися каналами и заливными лугами; прибавьте сюда роскошнейшую растительность, совершенно неведомую нашим ботаникам, не имеющую с растением ничего общего, кроме прелести и изящества, — вот какое зрелище представилось моему взору.

Все эти цветы обратили свои венчики к солнцу, которое заходило во всем блеске заката дивного летнего дня, а горизонт весь пылал нежными сумеречными огнями. И, тем не менее, закат этот показался мне совершенно нормальным. Всякий, наблюдавший природу, скажет вам, что солнце при восходе своем и при закате как бы увеличивается в размерах: диск его бывает значительно больше, чем в течение дня. Еще в глубокой древности астрономы, физики и мыслители задумывались над этим кажущимся расширением диска светил на горизонте, которое наблюдается также и у Луны. Но в этот вечер солнце, наоборот, казалось необычайно малых размеров, и Луна, плывшая высоко в небесах, также была гораздо меньше обыкновенной. С другой стороны, Вечерняя Звезда, сквозь туман на западе, светила гораздо ярче обыкновенного.

Но что же это? В то время, как я любовался прекрасным и нежным светом Вечерней Звезды, над горизонтом появился тоненький золотой серп, горевший в лучах заката, и быстро стал подниматься, в то же время двигаясь по небу в направлении востока с такой быстротой, что за движением его легко было следить простым глазом. В то же время другая луна в первой четверти медленно двигалась по направлению к западу. Это необычайное зрелище глубоко взволновало и смутило меня. Я попытался координировать свои впечатления: уменьшение веса, малые размеры Солнца, две Луны, необычайный блеск Вечерней Звезды — очевидно, каким-то необъяснимым чудом я очутился на Марсе.

Небо с двумя лунами

Эта крохотная луна была Фобос, первый спутник Марса, от которого он отделен расстоянием всего только 6000 километров — крохотный мирок, величиной не больше Лондона, с такой быстрой обращающийся вокруг своей планеты, что полный свой оборот он совершает в течение 7 часов 39 мин. 15 сек. Второй спутник, Деймос, еще меньше, в половину меньше — пешеход мог бы обойти его менее, чем в четыре часа, даже не ускоряя своего обычного шага; этот спутник пересекает небо с востока на запад, подобно солнцу и прочим звездам. Фобос встает на закате, т. е. на западе, и садится на восходе, т. е. на востоке. Таким образом, эти две луны как будто движутся в противоположных направлениях; первая идет навстречу второй, по временам заслоняя ее и, разминувшись с ней, продолжает свой путь к востоку; и меньше, чем в полдня (ровно 11 часов) проходит через все свои фазы, от новолуния до последней четверти. Я видел ее в сумерках восходящей над горизонтом тонким полумесяцем; два часа спустя диск ее уже наполовину был светлым и находился вблизи другого спутника, который, отстоя на 20 000 километров от поверхности Марса, совершает свое обращение медленно, а именно: 1 день 6 часов 17 мин. 53 сек. Иной раз наблюдаешь затмение этой крохотной странной Луны дважды в течение одной ночи: первый раз вечером, второй несколькими часами позже перед рассветом.

Но мой взор с волнением инстинктивно обращался снова и снова к лучезарной Звезде Вечерней, в которой я приветствовал нашу собственную дорогую планету, и я думал об астрономах, которые в этот самый момент направляют свои телескопы на Марс — и в особенности о м-ре Лоуэлле, с которым мы нередко обсуждали загадку жизни на Марсе. В то время, как мои коллеги на Земле напрягали зрение, чтобы лучше взглянуть в эту загадку, я видел ее отчетливо; я был на месте. Тайна жизни соседнего мира, в которую мы так долго не могли проникнуть, была для меня рас-

крыта, как и все загадки, которые так долго занимали мои мысли.

— Нет, — говорил чей-то голос возле меня, — невозможно, чтобы этот мир был необитаемым; но, во всяком случае, его обитатели должны быть очень легковесны и неустойчивы. Ядро Марса в девять раз меньше, чем у Земли; плотность его на треть меньше плотности земного шара, на поверхности его все тела весят в два с половиной раза меньше, чем на Земле. При таких условиях немыслимо, чтобы на Марсе обитали человеческие существа, подобные нам. Притом же, они бы замерзли там, так как Марс, находясь вдвое дальше от Солнца, чем Земля, получает от него и вдвое меньше тепла.

Слова эти ударили мне по нервам, как электрический ток. Дрожь пробежала по всему моему телу. Где я?

Сквозь вечерние тени, собравшиеся под куполом моей обсерватории, виднелось звездное небо. Марс сиял в созвездии Рыб недалеко от бледного Сатурна. Луна, показавшаяся мне огромной, садилась на востоке. Теплый воздух был пропитан ароматами и все небо усеяно яркими звездами.

— Вы что? Задремали? — спросил мой собеседник, изумленный моим молчанием.

— Нет, — ответил я, — я был на Марсе.

— Ах, вот что? И что же, беседовали вы со знаменитыми марсианами?

Я пытался припомнить, собрать мои мысли — напрасно: все, что я видел, все мои ощущения были так далеки от того, что испытываешь на Земле, и все рассеялись, как сладкий сон. И ощущение было даже то самое, раздражающее, как после хорошего сна, когда проснешься и не можешь вспомнить, уловить главной нити. Я хорошо помнил, что во время моего прибытия на Марс там было страшно жарко, что вокруг меня кипела жизнь и деятельность, и было больше оживления, чем мы видим даже в наиболее цивилизованных наших городах. Но формы живых существ, как и картины природы, почти изгладились из моей памяти.

Объяснение этой странной забывчивости очень простое.

На Земле наш мозг и наша нервная система приспособлены к восприятию и запоминанию только земных ощущений или же близких к ним. И на какую бы планету нас ни перенесли, было бы то же: мы не в состоянии были бы припомнить в точности деталей предшествующего нашего существования.

На Марсе, где условия жизни столь различны от земных, внешние впечатления воспринимаются совсем иначе, чем мы воспринимаем их здесь, и только благодаря быстрой метаморфозе всего моего существа я в состоянии был пробыть некоторое время на соседней планете.

И, как только вернулся на Землю, опять стал земным и уже не в состоянии был припомнить виденного.

И все же, оглядываясь назад, я смутно припоминаю, что видел на Марсе человеческие существа, достигшие гораздо более высокого уровня развития, чем мы, люди, видел жизнь чрезвычайно яркую и действительную — результат долгих столетий умственной деятельности и условий обитаемости лучших, чем на нашей планете, в особенности с точки зрения малого веса и увеличения срока жизни (на Марсе год почти вдвое больше нашего — 687 дней вместо 365). Соответственно этому, обитатели Марса живут дольше нашего: каждое поколение имеет больше времени для накопления знаний и передает их последующему поколению в большем объеме, чем это можем сделать мы на Земле, где человеческая жизнь так эфемерна. И, так как марсиане древнее нас, ибо их маленькая планета остыла быстрее и быстрее прошла все фазы своего развития, то и ход прогресса там был ускоренный. И, устремив свой взор вверх к этой красной звезде, затерянной в нашем небе, я из глубины сердца приветствовал неведомых братьев, невидимым гостем которых я был одно мгновение.

Эдмон Перрье

КАКОВА ЖИЗНЬ НА МАРСЕ?

История наблюдений над Марсом достойна внимания. В 1877 году итальянский астроном Скиапарелли возвестил всему ученому миру, что он заметил на поверхности этой планеты сеть прямых темных линий, тянущихся через материки, соединяя моря, и эти линии могут быть только искусственными каналами, проведенными существами, одаренными разумом. Почта одновременно с этим астрономы Бертон и Дрейер, не зная совершенно о наблюдениях Скиапарелли, сообщили об аналогичном открытии. Вслед за Скиапарелли, энергично продолжавшим свои наблюдения, другие астрономы — Кристи, Проктор, Лоуэлл, Дуглас, Пикеринг, Фламарион и др. — также принялись систематически изучать поверхность Марса и старая гипотеза о его обитаемости воскресла с новой силой.

По наблюдениям профессора Лоуэлла, планета Марс, как и Земля, имеет два полюса, покрытые снегом и льдом. На ней есть также континенты и моря. Континенты покрыты растительностью, которая развивается летом, постоянно меняя свой вид и, как у нас на Земле, засыпает на зиму. Каналы, согласно его теории, построены гигантами-инженерами с помощью дивных машин, так как вода распределена по всей годной для обработки земле равномерно, как в Египте, с той разницей, что марсиане собирают воду не из реки, а из неистощаемых запасов снега и льда на полюсах. Вода эта, проведенная посредством каналов от полюса к экватору, создает повсюду на пути своем роскошную растительность, густые тенистые леса и луга, покрытые пышным цветочным ковром; и в телескоп нам видны, собственно, не сами каналы, а именно эти полосы пышной растительности. Возле каждого канала возникает оазис. И эти оазисы, быть может, вмещающие в себе огромные города, продолжают существовать даже и после того, как каналы временно исчезнут. В летнее время все растительные центры связаны между собой каналами, которых насчитано не менее 172. Отдельные участки почвы, орошаемые таким образом, имеют размеры от 35-200 кв. миль. Весной они одеты ярко-изумрудной зеленью, как и наши поля; постепенно цвет зелени бледнеет и ко времени летнего солнцестояния

принимает голубоватый оттенок, а к концу лета однообразно серый. Не те же ли изменения должны представляться взору астронома, наблюдающего поверхность нашей Земли с планеты Марс — если только там есть наблюдатели?

К несчастью, есть основания сомневаться в прочности этого блестящего здания, построенного воображением ученого. Нетрудно высчитать минимальную ширину, которую должен иметь такой канал для того, чтоб его видно было с Земли, измерить его в длину и таким образом получить довольно точное представление об орошаемой им поверхности. Но, если сложить вместе добытые таким образом результаты, окажется, что общая поверхность каналов, нанесенных на карту Марса, больше, чем поверхность самой планеты. Результат достаточно поразительный, чтоб задуматься над нам, и наводящий на мысль, что так называемые «каналы» на самом деле не каналы, а какие-то другие предметы, не связанные между собой и кажущиеся нам связанными только вследствие несовершенства наших телескопов. И, действительно, когда был взят для наблюдения телескоп большей силы, вся геометрическая правильность линий каналов исчезла и сами предполагаемые каналы расширились, стали зубчатыми и розовыми по краям и притом разорванными на отдельные неровные сегменты. Два итальянских астронома, Черулли и Сола, утверждают даже, будто каналы профессора Лоуэлла не что иное, как ряд озер без всякой правильности распределения. А по словам французского астронома Шарля Андре, каналы эти созданы не сверхъестественного ума инженерами, а всего только несовершенствами нашего зрения, наших телескопов и нашим воображением.

Большинство ученых, конечно, отрицают, будто в научной работе их принимает какое бы то ни было участие воображение. Но отчего же тогда так часто астрономы дают обмануть себя внешности? Человеческая психология имеет свои особенности.

Попробуйте некоторое время скользить взглядом по обоям — тот же узор, те же цветы, смотря по направлению вашего взгляда, будут казаться вам расположенными по

горизонтальной, или вертикальной, или наклонной линии, будут идти параллельно или же скрещиваться и пересекать друг друга в различных направлениях. По всей вероятности, и каналы на Марсе были продуктом такой же мозговой операции. Маундер и Эванс на опыте доказали возможность этого. Они заставляли детей рисовать неправильной формы фигуры, напоминающие те пятна, которые мы видим на Марсе, и школьники, не имевшие понятия о цели опыта, воспроизвели с изумительной точностью характернейшие черты геометрических рисунков Скиапарелли. А, когда мы смотрим на рисунки-намеки импрессионистов, разве мы не стараемся дополнить их нашим воображением?

Значит ли все это, что на Марсе не может быть живых существ? Нет! Марс, несомненно, обитаем! Рухнула только волшебная сказка о необычайно искусных инженерах-строителях, так изумительно описанных Уэльсом в его фантастическом романе «Борьба миров».

Марс очень похож на Землю

Планета Марс прошла через те же фазы развития, что и наша Земля, и до сих пор не утратила сходства с ней. Атмосфера ее подобна нашей, только не так плотна и богата, и более насыщена кислородом. Облака, скопляющиеся в этой атмосфере, препятствуют нам разглядеть в деталях поверхность планеты. Снег и лед, скопляющиеся зимой на полюсах, летом тают, но неравномерно, и там, где они остаются, можно предполагать высокие горы и горные цепи, тянущиеся, как и на нашей Земле, у южного полюса. Усиленное таяние снега и льда в течение лета как бы указывает, что температура на Марсе летом приблизительно такая же, как и у нас. И, как у нас на Земле, тучи, образующиеся над морями, разрешаются ливнями, от которых образуются пресноводные озера и реки, снова возвращающие морям ту воду, которая была похищена у них в виде испарения. Плотность этой планеты, немногим меньшая, чем у Земли, зас-

тавляет предполагать химический состав почти одинаковый. И, следовательно, раз на Марсе имеются все те условия, при которых возникла жизнь на Земле, они должны были неизбежно дать и те же результаты.

Вечные законы, доказывающие, что на Марсе есть жизнь

Живые существа простейшего строения, которые появились первыми и от которых произошли все другие, представляли собой там те же характерные черты, свойства и привычки, как у наших земных прародителей. Но эволюция жизни на Земле была не случайной; мир управляется вечными законами, которые господствуют над будущим, как и над прошлым. Живые существа, как и неодушевленные, не могут ускользнуть из-под власти этих законов. Разнообразие их форм не случайно; мы знаем, что они и не могли бы быть иными, чем они есть; мы знаем, как постепенно вырабатывались определенные формы растительного и животного мира; нам известны неустранимые причины, влиявшие на образование этих форм и выработку общих типов. Эти причины действовали на Марсе, как и на Земле. И там должны быть те же водоросли и мхи, как у нас, и трава, и деревья, и цветы приблизительно такого же вида, как у нас, с той же расцветкой и запахами. Как у нас, материки окаймлены коралловыми рифами и воды населены рабами; и так же птицы в воздухе гоняются за мотыльками, и млекопитающие населяют леса и поля.

Марс дальше Земли от солнца — не на 100 миллионов, а приблизительно на 150 миллионов миль. И потому на нем холоднее, чем на Земле, тем более что его центральный фокус скопления зноя меньше нашего, так как диаметр этой планеты — всего только 4500 миль, а Земли — 8,500. День на Марсе имеет почти ту же длительность, как и наш, но, так как ось этой планеты почти на четыре градуса больше, чем у Земли, наклонена к плоскости ее орбиты, то поляр-

ные области, где солнце остается более одного дня на уровне горизонта или ниже его, обширнее, как и жаркая зона. Неравенство дня и ночи на Марсе больше, чем на Земле в тех же широтах; на 45-м, например, градусе широты наш самый короткий день равняется 8 часам и 43 минутам, а самый длинный 15 ч. 38 мин; на Марсе, под тем же градусом широты, самый короткий день — 7 часов 56 мин. И самый длинный — 17 час. 58 мин. Продолжительность года — почти двойная — $688 \frac{1}{3}$ дня вместо наших $365 \frac{1}{4}$. Орбита этой планеты представляет собой не почти правильный круг, а удлинённый эллипс, и потому времена года более различаются между собой и продолжительностью, и температурой; северное полушарие, благодаря долгому лету, теплее южного.

Разнообразие климата и температуры на Марсе необычайное. Морские животные, особенно рыбы, без сомнения, немногим отличаются от наших земных, так как температура воды меняется медленно и постепенно. Иное дело животные наземные. Эти живут в более благоприятных условиях, чем наши. Они раньше появились и быстрее вытеснили огромных пресмыкающихся. Оперение птиц и шерсть, защищающая млекопитающих от резких изменений температуры, должны были достигнуть пышного развития и большого разнообразия красок, так как они должны меняться вместе с временами года.

Разница температуры зимы и лета так велика, что, несомненно, насекомые на зиму должны исчезать, превращаясь в личинок и заменяя разум инстинктом. Но зато длительность весны и лета на северном полушарии позволяет, личинкам достигать более крупных размеров, и потому насекомые на Марсе должны быть больше и красивее наших. И, ввиду суровости зимы, они, как и наши пчелы, осы и муравьи, несомненно, живут общинами и строят себе жилища, защищающие их от холода. И, может быть, общественная жизнь тамошних насекомых преподнесла бы немало сюрпризов нашим земным энтомологам.

В чем разница?

Тяготение на Марсе значительно меньше, чем на Земле. На нашей планете оно сыграло весьма крупную роль в развитии живых организмов. Оно создало спинную шишку в раковине моллюсков; оно принудило пресмыкающихся волочить по земле свое тело и заставило их выработать сильную мускулатуру. По всей вероятности, на Марсе мотыльки менее плоски и более проворны, моллюски не так скручены, а млекопитающие — легче и грациознее, чем у нас. Многие из них, несомненно, даже летают, подобно нашим летучим мышам, оспаривая у птиц обильную добычу — насекомых. Атмосфера Марса — настоящая арена жизненной битвы. Обилие кислорода в ней допускает большую быстроту сгорания, и потому все живые существа здесь, несмотря на меньшую теплоту солнечных лучей, должны быть живее и подвижнее днем, тем более, что ночь несет с собой полный отдых, ибо ночью на Марсе должна дарить непроглядная тьма. Обе крохотные луны, Фобос и Деймос, вращаются вокруг Марса быстрее, чем вокруг собственной оси, и быстро скользят по небу, не давая света. Там нет ни яркого лунного света, ни приливов, ни лунных месяцев, ни еженедельного изменения фаз луны, которые на Земле оказывают такое сильное влияние на многие явления роста и воспроизведения.

Трудно допустить, чтобы в таком деятельном мире и разум не достигал большого развития и, надо полагать, что существа, подобные нам, людям, на Марсе должны представлять собой высшую из всех органических форм. Однако же, невероятно, чтоб у них были крылья, так как для этого им пришлось бы сначала утратить руки — необходимые органы контроля, без которых невозможно точное знание.

Все это, может быть, только мечта, фантазия, но нельзя же упрекать биологию за то, что она старается заполнить данные, добытые астрономией, рассуждениями, основанными, как и выводы астрономии, на неизменности естественных законов.

Герберт Уэллс

ОБИТАТЕЛИ МАРСА

Что за существа живут на Марсе?

Этот вопрос заинтересовал меня впервые уже несколько лет тому назад. И тогда я написал книгу, в которой жители Марса совершают нападение на Землю. С тех пор таинственными силами на этой планете произведено много новых работ, и обогащенные познаниями люди имеют возможность решать вопросы с новых точек зрения.

В новейшей литературе о Марсе особенно ценны и важны для меня сочинения моего друга Персеваля Лоуэлла (обсерватория Марса в Аризоне), и я основываюсь, главным образом, в этой статье на его работах, в особенности на книге: «Марс и его каналы». В этой книге убедительно доказывается, что Марс должен быть обитаем, и притом существами, обладающими и чрезвычайной энергией, и необыкновенными инженерными талантами, судя по их водяным сооружениям, в сравнении с которыми величайшие человеческие сооружения — незначительны и ничтожны.

Лоуэлл избегает всяких предположений о форме и внешности этих существ и не высказывает, человечны ли они или сверхчеловечны, или же это такие существа, которые по образу и строению совершенно нас не напоминают. Решение этого вопроса предоставляется умам со смелой фантазией. У нас есть факты и соображения, не позволяющие нам первый попавший в голову уродливый или идеальный образ объявить «обитателем Марса». Напротив, факты, известные нам об этой планете, допускают только такое представление о ее обитателях, которого почти нельзя оспаривать.

Когда говорят об обитателях Марса, то обыкновенно имеют в виду только тех строителей гигантских каналов, которые, следуя изумительно логическим заключениям Лоуэлла, пользуются для орошения тающими полярными снегами и обрабатывают теперь медленно высыхающую поверхность, прежде покрытую морем. Но эти существа составляют только часть Марса, как человек составляет только часть естественной истории Земли. Таким образом, внимание наше, естественно, сосредоточивается на вопросе о животном и растительном мире этой чуждой планеты. Преж-

де всего: существуют ли вообще на Марсе фауна и флора в нашем смысле? Нашли бы мы там обычное для нас различие между животными и растениями? Утвердительный ответ не только допустим, но его можно подтвердить солидными доказательствами. Основанием всякой жизни на нашей планете служит зеленое растение. Только оно в состоянии превращать неорганические вещества в живые существа. Достигается это, как всякий теперь знает, при посредстве своеобразной силы, развиваемой зеленым красочным веществом растения — хлорофиллом — под влиянием солнечного света. Все живые существа, без исключения, питаются веществом зеленолиственного растения, будь это непосредственно, как травоядные, или же уничтожая те существа, которые питаются растениями. Природа воспроизвела себя на нашей Земле в бесчисленных формах, и, однако, ни разу она не сделала попытки превратить неорганические вещества (т. е. землю, камень и составные части воздуха) в живые существа иначе, как при посредстве хлорофилла. Это дает основание полагать, что и на Марсе, раз там есть жизнь, зеленый хлорофилл служит ее основанием, и что, следовательно, там имеется растительный мир. Это предположение подтверждается тем фактом (на него Лоуэлл обращает особенное внимание), что при наступлении периода, соответствующего нашей весне, обширная поверхность Марса — его прежнее морское дно — покрывается ясно различимым голубовато-зеленым налетом, именно голубовато-зеленым, как весной у ели, а не желтовато-зеленым, как у пробивающейся листвы дуба или тополя.

Так обосновывается наше предположение о существовании на Марсе зеленого *растительного царства*, подобного тому, какое мы видим на Земле. Но где оканчивается это сходство? Был ли бы прав художник, изобразив на пейзаже Марса траву и пшеницу, дубы, вязы и розы? Есть ли вероятность параллельного развития обеих планет? Для ответа имеются определенные факты. Мы имеем полное основание оспаривать мнение, будто известные нам растительные формы *не могут* существовать на Марсе. Можно даже установить, чем они должны отличаться от земных форм.

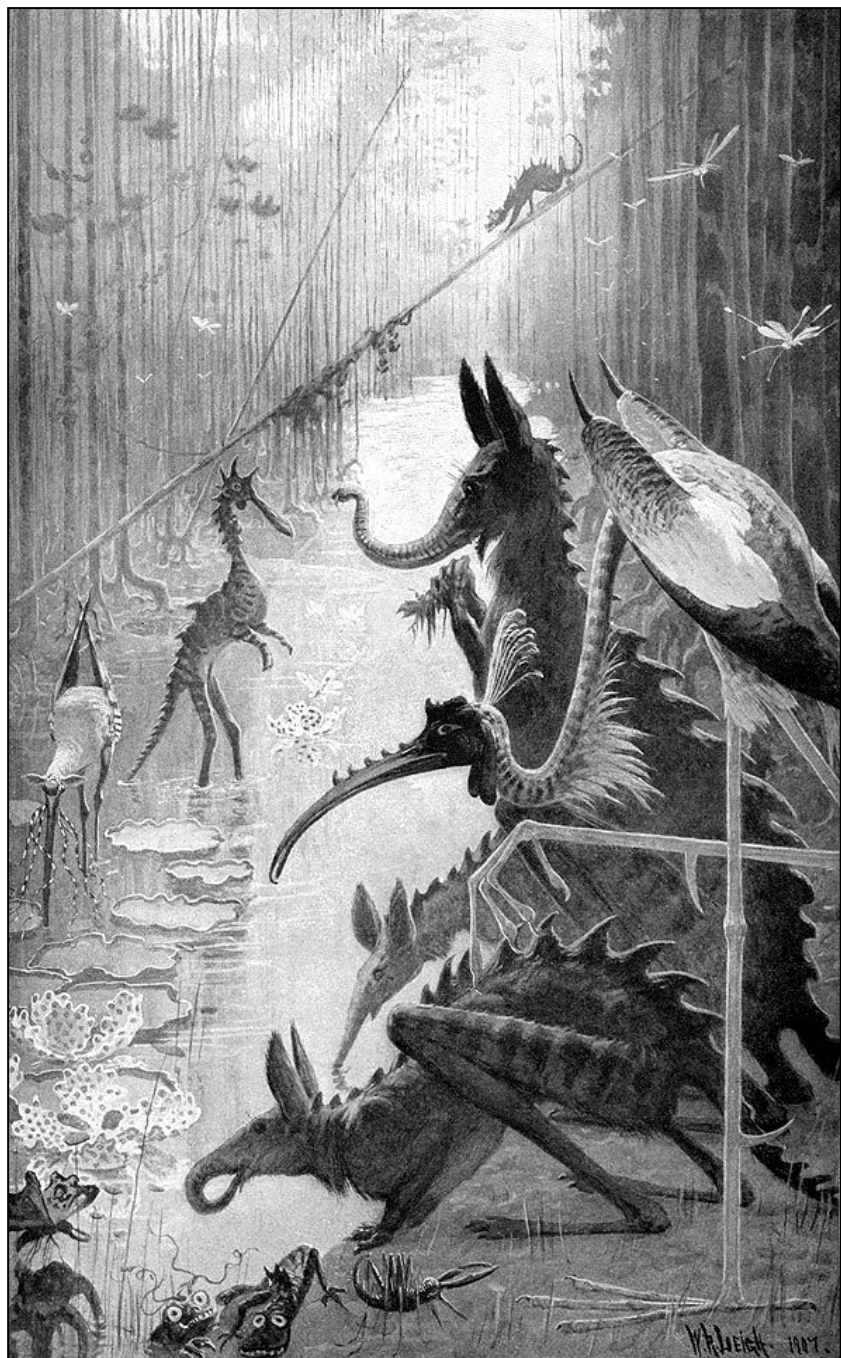
Здесь имеют значение два обстоятельства: во-первых, тела на поверхности Марса обладают только половинной тяжестью в сравнении с предметами на Земле и, во-вторых, общее состояние атмосферы там совершенно различно с нашей. И потому, каковы бы ни были травы и деревья на Марсе, но с этими двумя обстоятельствами они неразрывно связаны.

Какое влияние имеет различие веса?

Притяжение на поверхности Марса равняется трем восьмым земного притяжения. То, что здесь весит килограмм, будет весить там только 375 граммов. Поэтому стволы и стебли, покрытые такими, как на Земле, листьями и цветами, на Марсе были бы слишком обременены. Другими словами, стволы и стебли на Марсе по необходимости должны быть стройнее, а ткань каждого растения слабее. Известно, что величина и объем наших растений находятся в связи с тем количеством работы, какое необходимо для того, чтобы поднять пищу от корней до высших точек растения. На Марсе работа эта задерживается предполагаемой вышиной растений, значительно превосходящей нашу. Они выше, тоньше, стройнее. Что касается затем атмосферы, то, в сравнении с Землей, она на Марсе менее густая и менее влажная. Тяжелые тучеобразования наблюдаются там только, как исключения, и дождь принадлежит к редким явлениям. В продолжение всего года на Марсе идет снег, и, однако, крупнейшие осадки выражаются в виде инея и тумана. Рассматривая наши листья, мы видим, что их форма определяется преимущественно осадками в виде дождя, настойчивое капанье которого листья должны принимать для того, чтобы направить влагу во все стороны до корней. Этому назначению отвечает как лопастеобразная форма клена и каштанового дерева, так и сетчатая ткань нежных волокон и петель, унизывающих наши листья. Но насколько листья выполняют свою задачу относительно дождя, настолько же они непригодны против снега и мороза. Тяжесть снежных хлопьев наклоняет их к земле, мороз совершенно уничтожает их. Листья растительности на Марсе должны, наоборот, выносить снег и иметь соответственно тому раз-

вившуюся форму. Может быть, они остроконечны, как иглы нашей ели, с той разницей, что толстая кожа, как у кактуса, защищает их от сухости бедной снегом, бессолнечной, резко-холодной зимы. Без такой защиты листья на Марсе при сухости тамошней атмосферы сморщились бы и отпали. Как думает Лоуэлл, растения на Марсе насыщают свою потребность во влаге не сверху, не дождем, а снизу, когда таяние снегов вызывает периодически повторяющиеся наводнения. Таким образом, у нас складывается представление, что наиболее обычным типом на Марсе будет высокое растение с пучками и кустиками остроконечных листьев на тростникообразном стволе. Как бы разнообразна ни была растительность на Марсе, но в основе она должна иметь выведенную нами форму. А наверху, в шапке слабых, мясистых, бесформенных листьев, красуются плоды и цветы, как у наших растений.

Из этой картины растительного мира вытекает и наше понятие о фауне Марса: мы знаем, как тесно связан со строением животного способ его питания. Иное питание — иные животные: в наше время это — закон, почти не нуждающийся в доказательствах. И потому описанная своеобразная форма растительности на Марсе не допускает предположения о существовании там животного мира, подобного нашему. Мы не найдем там ни мух, ни воробьев, ни собак, ни кошек. Но мы могли бы видеть там насекомых, ведущих своеобразную жизнь среди зелени, по стволам которой они ползают вверх и вниз. Во время летней жары они живут в стоячей воде, оставленной наводнением, а когда наступают холода, то зарываются в ил и, таким образом, переживают зиму. Может быть, эти насекомые несколько больше, чем распространенные у нас виды, но и их величине положены определенные, свойственные, к нашему счастью, всем насекомым, благодаря их несовершенной дыхательной системе, скромные границы. Может быть, даже они не достигают размера земных насекомых, вследствие более редкого воздуха, препятствующего их развитию. Но, по-видимому, прав будет художник, который изобразит мотылькообразные существа порхающими в лесах Марса или

муравьеобразные ползущими вниз и вверх по древесным стволам. Многих из этих насекомых мы представляем себе с острыми хоботками для пробуравливания твердой коры растений. Но зато — и здесь сказывается большое различие с Землей, — на Марсе, вероятно, нет ни рыб, ни рыбоподобных существ. В продолжение длинной зимы вся вода, по-видимому, устремляется к полюсам и там замерзает. Только летом каналы и бассейны наполняются водой. Следовательно, существа, могущие дышать только жабрами и жить в воде, вымерли на Марсе с незапамятных времен. Самый совершенный аппарат для вдыхания воздуха, какой нам известен, это — легкое. Легкие побеждают в борьбе. Вне воды достигают на земле значительных размеров только такие виды, которые снабжены легкими. Пауки и другие им подобные насекомообразные, поднимающиеся в воздух, достигают этого только тем, что сгибают свои жабры в глупые складки и, таким образом, предохраняют их от высыхания. Снабженные зачаточным подражанием легких, они спасают этим свои органы дыхания. На Марсе воздух более редок, чем на Земле. Объемистые и хорошо защищенные легкие гораздо важнее поэтому для жителей Марса, и в силу этого получают преимущественное распространение породы с высокой, хорошо развитой грудной клеткой. И если низшая ступень больших животных представляла амфибий, которые летом размножались в воде, а при наступлении зимы закапывались в ил, то и этот вид уступил в борьбе за существование животным плавающим, но умеющим дышать воздухом, так как и амфибиям нашей Земли предстоит, по-видимому, та же участь.

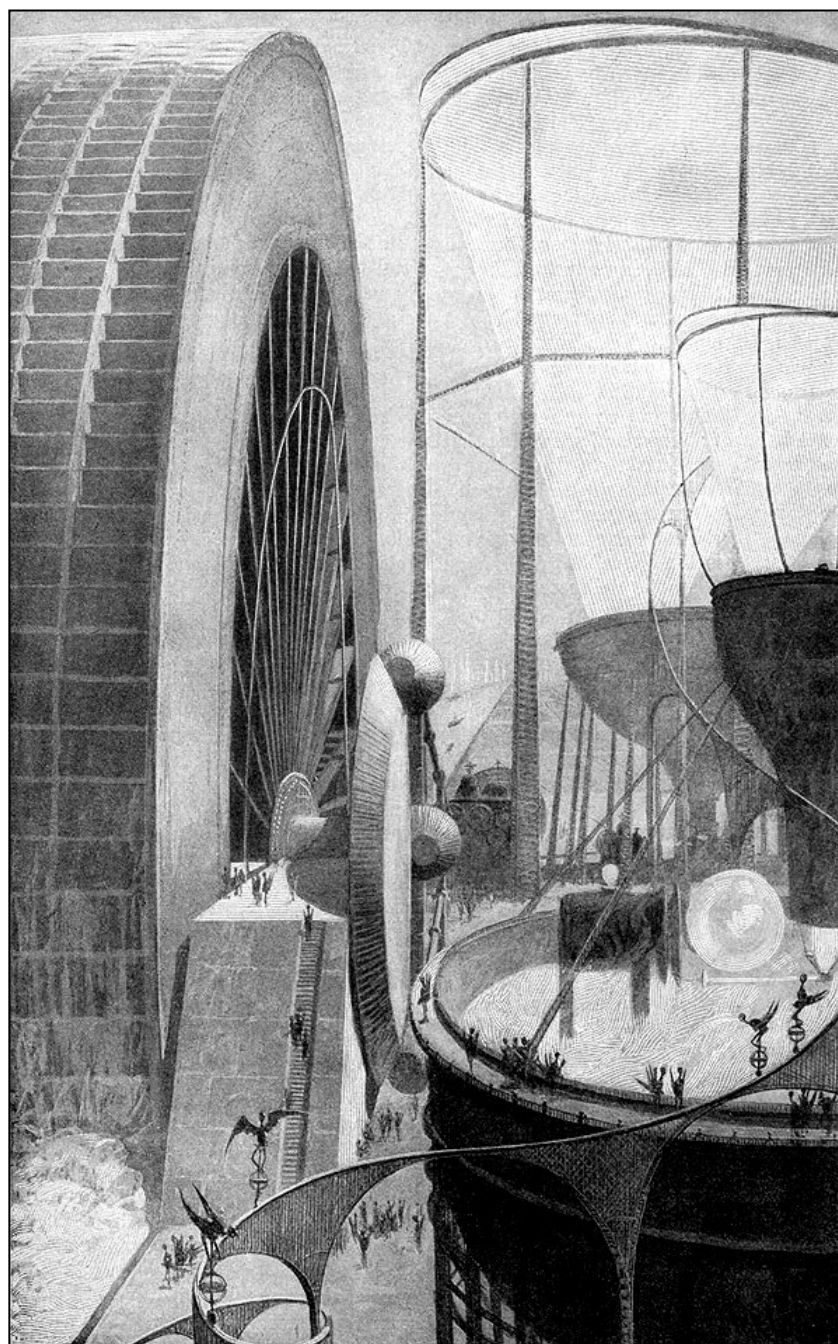
Таким образом, выясняются постепенно точки отправления для обрисовки животного на Марсе. Мы видели, что объем груди должен быть у него гораздо большим, чем у соответственного вида на Земле. И так как причины, сделавшие растительность слабее и тоньше, остаются в силе и для животных, то на Марсе должны были образоваться существа, более высокие и стройные, чем на Земле. Отсюда следуют и дальнейшие обобщения. Так как растительный мир Марса состоит из высоких, стройных экземпляров, то

и среди животных окажутся ползающие, прыгающие и летающие породы, ищущие пропитания среди ветвей и верхушек деревьев. Но, ввиду того, что ни одно существо не может ни прыгать, ни летать, не имея на надлежащем месте головы и хороших глаз, то фантазия художника опять-таки вправе снабдить существа Марса этими органами. Затем, подвижность тела во все стороны даст столь значительные физические преимущества, что можно с трудом представить себе эти существа без чего-либо похожего на хребет.

Обратимся теперь к другому важному обстоятельству — распределению года на Марсе. Длится он столько же, как наш. Жаркое лето, какое бывает на наших горных вершинах, сменяется длинной, суровой зимой. День имеет длину нашего. Но редкий воздух Марса вызывает непосредственный переход от жары к холоду, какой бывает у нас только на горах. Отсюда следует, что все птицы, все животные на Марсе должны быть приспособлены к резким переменам температуры.

Они покрыты каким-нибудь толстым слоем шерсти, плохим проводником тепла, подобно перьям или шкурам нашего животного царства, который падает летом и затем вырастает раньше, чем начнутся жестокие холода. Далее, в высшей степени вероятно, что животные Марса снабжены такими приспособлениями, которые возможно совершеннее защищают их малышей от холода и опасностей. У нас это достигается лучше всего принесением на свет Божий живых, вполне готовых к жизни детенышей. Это — такое же изобретение сурового климата, как кладка яиц — изобретение мягкого, тропического. Ввиду суровых условий Марса, его глубоко вдыхающие, покрытые мехом, перьями или пухом животные должны быть похожи на наших животных.

И вот, постепенно расширяя область наших знаний, мы, наконец, дошли до вопроса о тех существах, которые царят на Марсе и создали ту гигантскую систему орошения, изменения и улучшения которой наблюдаются с Земли уже несколько лет. По словам Лоуэлла, если только он не фантазер, одержимый видениями, этим существам с разумом

сверхчеловеческим удалось сделаться полными хозяевами своей планеты, из которой они сумели извлечь высшую цену приведением ее в образцовый порядок и основательной обработкой. Я думаю, что и человек сумеет со временем в той же степени подчинить себе Землю. Эти царствующие на Марсе существа, вероятно, развились из какого-нибудь млекопитающего, как и человек на Земле, путем постепенного уничтожения низших животных.

Когда я говорил о наводнениях, сплошных болотах и лесных чащах, с которыми должна сообразоваться жизнь на Марсе, создавая огромные видовые преобразования, то я подразумевал эпоху, может быть, давным-давно прошедшую, так как правильная смена блеклого черно-желтого и свежего голубовато-зеленого цветов на низких равнинах Марса приводит Лоуэлла к заключению, что в настоящее время вся плодородная земля этой планеты извлечена из своего первобытного состояния и подвергнута обработке.

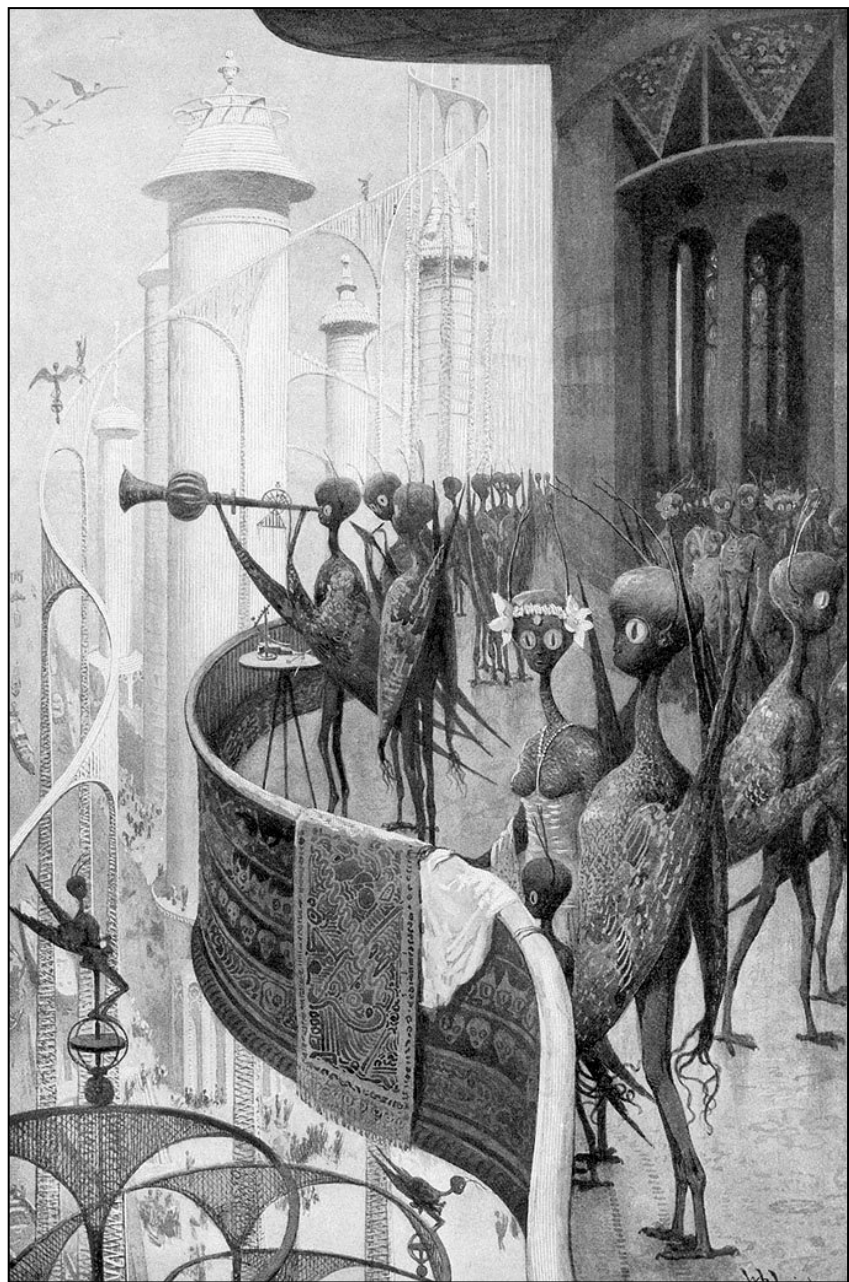
В какой степени существа, исполнившие такую работу, похожи на человека?

До некоторой степени непременно похожи. Их происхождение от существ, подобных млекопитающим, обуславливает их сходство с человеком. У них, несомненно, имеются голова, глаза и туловище с хребтом и, так как их высоко-развитый ум требует значительной наличности мозгового вещества, а мозговое вещество почти всегда расположено в передней части головы, ближе к глазам, то мы представляем себе обитателей Марса с большими, равномерно развитыми черепами. Объемом обитатели Марса должны существенно отличаться от человека, превосходя его в два и две третьих раза. Отсюда, однако, не следует, что они в два и две третьих выше, потому что свойственная всем обитателям Марса слабость тканей противоречит этой величине. Многие говорят в пользу того, что обитатели Марса покрыты перьями или шкурами. Почему человек в отличие от других млекопитающих имеет голую кожу? Я не могу дать на это удовлетворительного ответа, и у меня нет причины думать, чтобы и обитатели Марса имели такую же кожу.

Как ходят обитатели Марса? Прямо или на четвереньках? Может быть, даже на шести ногах? И на этот вопрос нельзя дать обстоятельного ответа. Веские соображения заставляют, однако, думать, что они — двуногие. В пользу этого говорит хотя бы то, что самые смысленные из зверей (обезьяны, мыши) предпочитают передвигаться на двух задних ногах, пользуясь двумя передними для хватания. Какую роль сыграли руки в развитии человечества — известно. Несомненно, что и обитатели Марса снабжены каким-нибудь органом, предназначенным для хватания. Об их развитии, о степени их инженерного искусства трудно судить. Странно звучит для нас мысль, но она не теряет от того в вероятности, что рука заменена у них органом, напоминающим хобот или длинный рог изобилия. Творческая фантазия природы не знает границ. Она никогда не повторяется. Поэтому весьма возможно, что обитатели Марса отличаются по внешнему виду от человека гораздо более, чем можно судить по нашему описанию.

Как сказочно и невероятно все это звучит! Перед глазами встает фигура широко скроенного человека, 9 или 10 футов вышины, покрытого перьями, имеющего хобот и несколько ног. Отталкивающая картина! Но что делать? Несомненные факты и неизбежные выводы заставляют нас признать, что *существа подобного рода в настоящую минуту живут на свете*. Впрочем, представил ли себе когда-нибудь читатель, какое удивление возбудил бы в нем странный вид такого животного, как корова, с рогами, хвостом и другими отростками, если бы оно появилось перед ним сразу, неожиданно?

Я намеренно воздержался в этой статье от дальнейшего описания возможных на Марсе форм жизни. Человек придумал множество искусственных средств для восполнения телесных недостатков: платье, обувь, корсет, фальшивые зубы, стеклянные глаза, парики и т. п. Но обитатели Марса, вероятно, богаче нас умом, познаниями и опытом: в сравнении с их цивилизацией наша началась как будто вчера. И при их высокой степени изобретательности, чего-чего не могли они придумать по части искусственных рыча-

гов для помощи своим органам?!

К успокоению тех из читателей, у которых обитатели Марса вызвали бы беспокойство, пусть служит следующее соображение. Если бы человек Земли внезапно очутился на Марсе, то, преодолев легкое головокружение, ощущаемое на высоте, он почувствовал бы себя прекрасно: вес его сделался бы сразу наполовину легче, чем на Земле, и сам он стал бы поднимать тяжести, вдвое большие. Но если бы обитатель Марса явился на Землю, то собственная его тяжесть начала бы его давить, как свинец. Он сделался бы в два и две третьих раза тяжелее, чем на Марсе. Жизнь стала бы ему в тягость, и возможно, что он тут же умер бы, раздавленный собственной тяжестью.

Апо Пярнянен

ОБСЕРВАТОРИЯ НА МАРСЕ

Бледная лунная ночь на планете Марс навевала на его жителей короткий покой. Веселая и оживленная дневная жизнь прервалась для короткого отдыха. Даже растения накрыли свои красивые цветки, чтобы снова раскрыть их утром на радость вечной жизни. Замолкла звонкая и торжественная песня творений, которая звучала днем на Марсе, по берегам его вод. Две луны светили с противоположных сторон, одна — синеватым, другая бледно-красным светом. Их сияние озаряло озера, холмы и долины, и бесчисленные отблески неуловимых отражений красиво сливались с таинственным сиянием неба, где, точно в бездне света, сверкало бесчисленное множество звезд. Чудная гармония и небесно-чистое, святое, торжественное чувство царило в природе Марса.

— Как прекрасен этот мир! — прозвучал вдруг тихий голос, нарушая глубокую тишину.

— Как прекрасен этот мир! как прекрасно небо! — повторил другой, более нежный голос.

— Смотри: небо и земля слились воедино. Их слияние дает лучшую картину, какую когда-либо видели дети природы, рождает музыку природы, величественные звуки, струящиеся в безбрежной тишине. Это — дело великого Мастера, лучшего Художника, который создает формы жизни.

— Наш Мастер создает нежнейшие звуки в этой песне природы, которая везде одинакова, и в бесконечности вселенной, и в слабом сердце самого ничтожного создания... Ну, пойдем наверх, на эту гору. Я хочу подняться на самую высокую точку нашей обсерватории. Я хочу в эту ночь опять изучать уголок этой бесконечности, этой природы, созданной нашим Творцом. Я чувствую, что в моей груди подымается страстное желание узнать то, что есть неизвестного в глубинах пространства. Моя грудь волнуется, и желания восторженно кипят. Как велика была бы моя радость, если бы я нашел еще более струн на этой вечной лире жизни.

Оба говорящих поднялись неслышными шагами на гору. Один из них был стройный, сиявший от восторга юноша, другой был старик, лицо которого сияло спокойствием и добротой. В переливах ночного сияния они казались светя-

щимися теньями, которые одни решались нарушать ночной покой. По извилистой дороге они дошли до обсерватории и здесь поднялись по белым ступеням на самый верх, откуда открывался бесконечно широкий горизонт Марса. Все так же красиво покоилось звездное небо в бесконечной высоте.

— Ты хочешь знать и изучать, — сказал старик, обращаясь к юноше и прерывая его мечты. — Знания достигаются посредством изучения. Исследование есть порог, через который проходят в сокровищницы ума. Изучающий находит часто много такого, чего ранее и не ожидал. Потому что мы стоим перед великой Неизвестностью, стараясь проникнуть за пределы своего знания и опыта или расширить их круг. В большом музыкальном инструменте много звуков, и не все они одинаково чисты. В твоей душе возникают лучшие, чистые звуки. Но знаешь ли, что скрывается в неведомых тебе глубинах мира? Жизнь течет из вечных своих источников безграничная и неизведанная. Мы только маленькие песчинки. Все остальное велико и необъяснимо. Ты откроешь новый уголок Неизвестного и найдешь его совсем не похожим на то, что раньше знал. Перед тобой загадки, новые нерешенные вопросы, которые влекут тебя вперед.

— Да, вперед, вперед! Я хочу проникнуть в самые глубокие тайны жизни.

— До этого ты не дойдешь никогда, никогда, но все же многого ты можешь достигнуть. Потому что, чем больше ты сделаешь завоеваний в области исследования, тем необъятнее будет становиться Неизвестное.

— Но тем сильнее трепещет мой дух от гордости. Ведь я тоже составляю часть того целого, пределов которого наш разум не может постигнуть. Весело искать жемчужины там, где знаешь, что лежат бесчисленные сокровища.

— Да, это так, — сказал старик. — Но я вот что скажу тебе. Не всегда мы находим красивые жемчужины. Часто нам попадаются некрасивые, бесформенные предметы, которые мы гневно и с отвращением бросаем в сторону. Кто ищет знаний, тот может находить и такие, которые прине-

сут ему только страдания, подорвут его веру в вездесущую благодать и нарушат покой его сердца.

— Я не знаю покоя, когда жажда знаний горит в моей груди. Этот прекрасный мир зажигает во мне пламя, которое не потухнет до тех пор, пока, напрягая все силы, я не подниму завесы, скрывающей еще большие чудеса.

— Я показывал здесь, в обсерватории, многим так же увлекающимся юношам картины мировой жизни. Я приподнимал края завесы, скрывающей глубины мира. И многие из них плакали, как дети. Они приходили сюда, наверх, восторженными и счастливыми, а возвращались вниз с грустью на сердце.

— Я хочу тоже плакать вместе с другими. Не запрещай мне смотреть.

— Тогда смотри. Многого ты не можешь увидеть. Не увидишь даже всего того, что я могу тебе показать. Покажу тебе одну маленькую точку в безбрежности Целого.

Сказав это, он развернул большую карту, на которой были обозначены звезды. Указав эту маленькую точку на карте, старик спросил:

— Какая звезда находится на этом месте?

— Тут находится та планета, которую ты называл Землей, — ответил юноша.

— Да, я ее так называл. Я однажды был на ней. Здесь, в обсерватории, изучая небесные тела при помощи наших лучших приборов, я увидел на одной планете картины, которые воскресили в моей душе прежние воспоминания. Это была Земля. С тех пор я напряженно следил за ее движением.

После этого старик коснулся маленького прибора, и большой телескоп обсерватории Марса был направлен на Землю.

— Смотри, — произнес старик.

Юноша начал всматриваться.

— Я вижу красивую планету. На ней одни пространства темнее, другие светлее. Среди них выделяются другие небольшие пятна. Из этого я заключаю, что там большие материки и океаны. На материках можно видеть озера, горы

и долины. Красива земля, когда на нее глядишь в телескоп.

— Теперь присмотримся к одному ограниченному месту, — сказал старик и соединил телескоп с другим астрономическим прибором, изобретением жителей Марса. Юноша стал смотреть с еще большим напряжением.

— Я вижу часть самого большого материка. Море омывает его с трех сторон и изрезывает его берега неправильными заливами. Различное отражение света доказывает, что там неровная разнообразная поверхность. В долинах роскошная растительность, которую можно сравнить с богатой природой нашего Марса. Местность очень привлекательна. Там, наверное, жители счастливы.

— Я знаю это место. Я в последнее время часто его изучал. Но подожди, мы прибавим к нашему телескопу еще вспомогательный прибор; тогда можно будет подробнее рассмотреть некоторые частности.

Старик нажал кнопку, и тихо стали вращаться зубчатые колеса, передвигая на свои места части нового прибора. Силы природы Марса, которые жители его научились применять для всех работ и назначений, стали послушно действовать. Изобретенная гением машина собирала едва уловимые моменты движений и составляла из них настоящие живые картины.

Юноша радостно воскликнул:

— Я вижу множество существ, движение и жизнь! Там жилища, которые напоминают наши дома, и жители, похожие на нас. Я вижу в лесу небольшие домики, а в стороне большие и красивые строения. В одном месте целая группа зданий, которые касаются друг друга.

— Это называется городом.

— Но — замечательно! Из этого места выходит большая толпа жителей стройными рядами. Они проходят через равнину, на которой видны обработанные поля, как и на Марсе. Вдали от них видна другая такая же толпа, обращенная лицами к первой. Они, видимо, с напряжением ожидают друг друга. Но они идут как будто против своей воли. Между теми и другими воздух как будто пронизан исходящими от

них лучами злобы.

— Следи, следи за их движениями.

— Теперь они близко друг от друга, — продолжал юноша спустя некоторое время. — У них в руках какие-то предметы... Я не могу хорошо рассмотреть их.

— Это оружие, которое употребляют для убийства.

— Для убийства!

— Да. Но смотри еще.

— Ах, Боже мой! они дерутся... и в передних рядах пронзают оружием друг друга. Их много падает; они падают грудами! Целые валы образуются из павших. Другие бегут из задних рядов на место убитых и делают то же самое. Ах, да они перебьют друг друга!

— Да, они этого и хотят. Но взгляни на другие места.

— Я вижу на другой стороне холма такую же группу жителей. У них оружие еще больших размеров... Оно расставлено рядами на укреплении. Вдали, в долине, находится против них такая же группа с такими же укреплениями. С обеих сторон вспыхивают огни; а там, где огонь показывается, жители валятся сразу целыми рядами. Группы редуют и приближаются друг к другу. Ряды сходят с холма и быстро направляются к долине. Находящиеся впереди бросаются в бегство, другие их преследуют. Бегущие входят в какое-то строение, окруженное большими стенами и укреплениями. Другие становятся перед этим строением. Снова вспыхивают огни и показывается дым. Большие круглые предметы ударяются о стены, за которыми находятся убежавшие. Стены рушатся. Опять грудами падают жители Земли. Другие через пробоины в стенах врываются в укрепление. Масса жителей падает замертво. Я вижу, что стены и полы заливаются красною жидкостью. А вон, в стороне, загораются строения. Огонь быстро распространяется и зажигает другие дома. Жители мечутся в беспорядке. Многих пожирает пламя, другие же протискиваются вон. Ах, это ужасно! Что это такое?

— Это война.

— Теперь я вижу море. На нем плавают большие корабли, как и на водах Марса. Они расположены двумя боль-

шими рядами; в них находятся жители Земли. Они плывут навстречу друг другу. На них также вспыхивают огни, и они окутываются целыми облаками дыма. В одном корабле пробит бок! Корабль покачнулся... тонет! Другой взлетает на воздух, распавшись на тысячи кусков! Осколки, разбросанные предметы и тысячи бывших на кораблях существ плавают в волнах. Между волнами поднимаются вверх руки, — наверное, с мольбой о помощи. Но никто не спешит к ним на помощь с других кораблей. Никто не спасает их. Зачем все это? Нет, закрой телескоп; я не могу больше на это смотреть!

— Да, зачем все это? Это происходит оттого, что жители Земли, которые называются людьми, ненавидят друг друга. Они ведут между собою войны, убивая при этом тысячи своих ближних. Они делятся на государства и дают сильным господствовать и делать слабых рабами. Преследуя свои цели, они готовы с оружием в руках напасть на своих соседей, чтобы отнять кусок земли или добыть какую-нибудь материальную пользу. Я видел, как была уничтожена целая нация, потому что другой, более сильный народ захотел присвоить себе лежавшее в недрах ее земли мертвое вещество, которое называется золотом. У них бесчисленное множество больших учреждений, в которых учат людей воевать, — иными словами, убивать своих ближних. Они устраивают, благодаря своей гениальности, большие корабли, которые снабжают страшными орудиями убийства. Пользуясь ими, они нападают на другие государства и народы. Все это они не считают злым делом и несправедливостью. Они думают, что Бог, который сотворил и нас и их, и в которого мы, жители Марса, верим, присутствует с ними на войне. Все войска просят у него помощи, и победители славят его после своих убийств.

— О, несчастные люди!

И юноша заплакал.

— Все же они считают себя венцом творения, — прибавил старик, — и говорят, что находятся в центре вселенной, и что все вокруг существует только для них. Они верят, что нигде в мире нет лучших и более совершенных жителей.

— Мне жаль их, — сказал юноша, — потому что они несчастны и живут во тьме. Один Бог создал их. Они принадлежат к проявлениям той же могучей жизни, которая струится сквозь бесконечность пространства. Они также наши ближние, потому что все создания на бесчисленных небесных телах в неизмеримых глубинах пространства — дети одного и того же Отца. Неужели они не могут понять того, что они только ничтожные песчинки во всей этой безграничной жизни, мощный пульс которой отражается на всех небесных телах. Если бы они это поняли, то стыдились бы считать своими врагами жителей одной и той же планеты.

Безмолвно стояли они некоторое время под хрустальным куполом небес: старик — погрузившись в прежние воспоминания, а юноша — обдумывая возникшие перед ним новые вопросы жизни. Безмолвно, с серьезными думами, спустились они с обсерватории Марса и отправились в долину. Жители Марса спали еще тихим безмятежным сном. Вторая луна скрылась за горизонтом, послав цветущим холмам последние отблески сияния. Вместо нее скоро появилось солнце, лучи которого, все разгораясь, залили потухающий лунный свет. Прекрасно было утро на Марсе, и его природа дышала вечным миром.

Эллен Кей

ЧЕРЕЗ СТО ЛЕТ

Святочная утопия

Все великие открытия современности вполне усовершенствованы и величайшие движения современности — женский и рабочий вопросы — благополучно и целесообразно разрешены. Воздушные корабли, совершеннейшей и удобнейшей конструкции, плывут по поднебесью, любители восхождений на горы несутся в воздушных яхтах на горные вершины Луны.

Все современные места для летнего отдохновения заменены подводными городами-виллами, так как все красоты природы на земле разрушены, частью для надобностей промышленности, для постройки зданий, прокладки кабелей и т. п., — частью же вследствие разрушительных войн в воздухе, тянувшихся до самой половины XX века.

«Сельское хозяйство» ведется теперь химическими заводами, в которых работы производятся, как и всюду, путем нажатия ряда электрических кнопок. Подобным же образом производятся питание и одевание грудных детей в специальных детских приютах, куда дети поступают через час после рождения.

Деторождение также правильно организовано. Этому посвящают себя добровольцы, свободно радеющие об общественном благе; особый врачебный комитет выбирает из их числа нужное число экземпляров и группирует в пары наиболее подходящие друг к другу особи. Очередная великая задача естествознания — открыть средство для размножения человечества вне и помимо родительства, этого недостойного людей способа, второпях состряпанного природой, который должен быть устранен с прогрессом культуры.

В первые годы XXI столетия мир озарила было радостная весть, что одна лаборатория, действительно, нашла желанный новый способ и таким образом блестяще устранила последнюю помеху на пути к освобождению женщины; к сожалению, радость оказалась преждевременной. Но и переживая все новые и новые разочарования, человечество все же жило светлой надеждой на конечное торжество.

Надежды особенно окрылились в 2006 году, когда была решена другая, почти такая же сложная задача: была найдена сыворотка, совершенно уничтожающая страшную

болезнь, перед которой так долго бессильно было человечество, несмотря на все гигиеничные меры предосторожности: болезнь — стремления к индивидуальности и оригинальности.

В силу статей 123, 456 и 789 Гигиенического устава, изданного в 2008 году, было введено всеобщее принудительное впрыскивание этой сыворотки, так что человечество навсегда было охранено от распространения этой губительной болезни.

День всех мужчин и всех женщин делится на 4 равных части: 6 часов для сна, 6 час. на работу при электрических кнопках, 6 час. на заседания в парламенте и 6 час. на общение между собой. Парламенты заседают безостановочно. На заседаниях, по воскресеньям и праздникам общественные доклады заменяют прежнее времяпрепровождение. Заседания же в будни предусматривают и регулируют все стороны жизни — от установленного размера булавочных головок и состава питательных пилюль — до количества детей, потребного для общества в будущем году, и качества идей, какое могло понадобиться в течение того же времени в интересах общего блага.

Осужденные преступники ссылаются на Марс, вновь завоеванную колонию Земли, — и там они могут свободно практиковать отлично знакомую им по опыту минувшего XX века колониальную политику.

В первом классе школы дети обучаются по новым методам приобретать зубы, ходить и говорить. Во всех учебных заведениях, устроенных по одному и тому же учебному плану, ученики и ученицы, обучаясь по 12 часов в день, остаются до 30-летнего возраста. Зато университетский курс совсем упразднен.

По окончании школы ни одна душа — ни мужская, ни женская — больше не открывает ни одной книги, за исключением только тех лиц, которые имеют сделаться специалистами в какой-нибудь научной отрасли. Ввиду этого в публичных читальнях совсем нет книг; зато элеваторы снабжают их по три раза в день партиями газет, печатающихся теперь в формате карманных библий, с тучей объявлений

в виде иллюстрированных приложений; в этих последних художникам еще предоставляется известная свобода творческой фантазии, — конечно, тоже в строго установленных пределах. Все же общественные здания — или, иными словами, все вообще здания — украшены произведениями искусства, исполненными особым комитетом, состоящим из двенадцати назначенных членов.

Понятие «дома» — домашнего очага — претерпело существенное изменение и имеет теперь более тесный смысл: смысл места ночлега.

Общественная жизнь представляет собой общественную повинность, — и человек, живущий замкнуто, рассматривается, как злоумышленник. Люди встречаются в клубах для спорта и беседований, и общение их не сопровождается никакими материальными наслаждениями сообща. Каждый глотает свои питательные пилюли из своей отдельной коробочки. Только глубокие старики, сохранившие еще со времени XIX столетия слабость к вину, очищенному от алкоголя, сигарам, очищенным от никотина и кофе, очищенному от кофеина (единственные уцелевшие еще виды вкусовых наслаждений), пробираются украдкой к скрытым по углам автоматам и продаются там удовлетворению низменных потребностей, презираемых младшим поколением.

Единственное, что связывает и объединяет этих мужчин, очищенных от мужественности, и женщин, очищенных от женственности, в общении их между собой, — это обмен всяких общечеловеческих мыслей. Мужской и женский типы до такой степени слились и утратили различия, что отличить существо одного пола от существа другого пола возможно только по некоторым различиям в одежде, сохраненным из соображений целесообразности.

Что касается вопроса общественных удовольствий и развлечений, — об этом позаботилось социальное чувство солидарности путем создания концертов без музыкантов и театра без актеров. Ведь с тех пор, как были доведены до баснословного совершенства инструменты и аппараты вроде пианолы, граммофонов и марионеток, — достаточно только нажать соответствующие электрические кнопки, чтобы

получить во всей полноте художественные наслаждения.

Вот только учебный курс оказалось крайне необходимым удлинить на много лет. И все-таки школа едва-едва успевает внедрить своим питомцам все 55 практических и 111 теоретических учебных предметов, какие требуются теперь от образованного человека и по которым приходится каждые три месяца сдавать экзамены.

И вот среди этого всеобщего блаженства и счастья вдруг разражается небывалая, неслыханная во всемирной истории катастрофа!

В самый день Нового 2009 года, как раз в тот год, когда вышеупомянутая принудительная прививка должна была окончательно освободить Землю от дальнейших бедствий, от последней и гибельнейшей эпидемии — над всей планетой вдруг разражается недовольство.

Первым актом возмездия явилась ссылка всех журналистов на колоссальных эмигрантских цеппелинах — на Марс; вторым — заключение матерей в одно помещение со своими детьми. Но к чему передавать все эти ужасы?

Довольно будет сказать, что этот переворот восстановил, в конце концов, на Земле бывшее состояние той эпохи, когда царила еще жизнь трудовая, трагичная, богатая, опьяняющая. Ну, а что произошло затем, нетрудно предугадать. И только около 2100 года человечество снова, наконец, достигло достигнутого равновесия.

Надо подумать, что оно добилось снова большей части того, что составляло для минувших поколений цену жизни. Но в то же время, оно добилось и многого такого, о чем не мечтали эти минувшие поколения и что сделало жизнь больше прежнего прекрасной и интересной.

Эдуард де Кейзер

ДВАДЦАТЬ ВЕКОВ СПУСТЯ

— Вот, позвольте вам представить — римлянин третьего столетия, — учтиво сказал медиум, — вы, помнится, выразили желание получить доказательство возможности материализации духа. Я исполнил ваше желание: привел к вам известного в свое время ученого, частого гостя в Афинах и в Александрии...

С этими словами медиум удалился.

Должен, к стыду моему, сознаться: у меня мурашки по спине побежали. Черт побери! В три часа ночи — лицом к лицу с призраком. С непривычки, кто не опешит? Я быстро, кажется, слишком даже быстро, повернул выключатели и громко сказал: «*Salve!*».

Но вместо того, чтобы протянуть руку ладонью книзу, как здороваются римляне в шекспировских пьесах, гость мой подошел ко мне и крепко, по-англосаксонски, пожал мне руку.

— Здравствуйте, — сказал он. — Весьма тронут вашим желанием познакомиться со мной. Пока вы будете одеваться, разрешите мне освежиться у вас в ванной комнате...

Я назвал себя: Эдуард де Кейзер.

— Мое имя — Люций, — ответил он.

Через несколько минут, когда он вернулся из ванной, свежий, розовый, живописно задрапированный в свою белую в красных полосах тогу, я сидел еще на краю кровати и размышлял о том, как мне быть и как разговаривать с этим необычным посетителем.

— А!.. Вам спать хочется, я вижу, — сказал Люций. — Ложитесь, пожалуйста. Я заметил в смежной комнате ложе (это был диван в моем кабинете) — и я бы не прочь вздремнуть, с вашего разрешения...

* * *

Пятичасовой крепкий сон и холодный душ вернули мне полное самообладание и, одеваясь, я предвкушал удовольствие, какое я буду испытывать, показывая этому антич-

ному гостю плоды нашей современной культуры: беспроводный телеграф, автомобили, телефоны, аэропланы, экспрессы...

Зная заранее, что он станет рассказывать мне о Геркулесе, о баснях Эзопа и ссылаться на историков, как Страбон и Иосиф Флавий, я ученых разговоров с ним заводить не стал и тотчас после кофе, который он, правда, понюхав раньше,пил с изящной непринужденностью английского денди, я повел его осматривать Париж.

Атаку я начал в нескольких шагах от моего дома, перед конторой Кука.

— Разрешите, дорогой Люций, ознакомить вас в общих чертах с укладом нашей современной жизни. Вот, подле этой церкви Мадлен...

— Плохо выдержанный дорический стиль... Жаль...

— Я не на храм хотел обратить ваше внимание, а на этот ресторан. Видите, на крыше дома — сад...

— О, какая неудачная пародия на сад Семирамиды, — сокрушенно воскликнул Люций.

— Возможно... А вот, люди, толпящиеся на тротуаре, это — гиды...

— Очевидно, потомки тех гидов, что в век цезарей назывались перигетами и обычно поджидали путешественников у ворот храмов и у гробниц, чтобы давать им объяснения — вздорные, впрочем, и неточные, — об исторических памятниках...

Я улыбнулся.

— Вздорные и неточные, вы говорите... В этом отношении эти, пожалуй, достойные потомки своих далеких предков. Но, кроме таких гидов, у нас имеются и очень сведущие и весьма полезные путешественникам руководители.

— Охотно допускаю... Александрия кишела такого рода чичероне...

— Самая характерная черта нашей эпохи, — продолжал я, — это потребность свежих впечатлений, подвижность людей... Каждое лето горожане массами перекочевывают из городов к морю или в горы...

— Как и в мое время, — вставил Люций, — римляне на

лето уезжали в Сицилию, на Капри, на неаполитанское побережье.

— Но если бы вы знали, как путешествуют европейцы! Словно весь мир им принадлежит! Из Европы в Америку съездить — прогулка, и только. Я знаю одного американца — вы не поверите! — который тридцать семь раз переплыл Атлантический океан.

— Отчего же не поверить? Ваш американец напоминает мне одного римлянина первого столетия, который семьдесят два раза был в Египте.

Я кликнул шофера и подумал: «Ну, теперь, наконец, ого-рошу тебя».

Едва мы уселись, я обратил внимание римлянина на счетчик.

— На колеснице императора Клавдия тоже был такого рода счетчик. После известного количества поворотов колеса, в приделанную сбоку чашку подал камешек. Достаточно было сосчитать камешки, чтобы определить расстояние...

— Но в наши дни мы достигли во всем совершенства. Например, искусным размещением рессор предупреждается малейшая тряска...

Люций иронически прищурился на меня.

— Неужели вам не известно, что к колеснице, перевозившей останки Александра Великого, приделан был сложнейшего механизма тормоз, предупреждавший малейший толчок.

Меня начинало разбирать досадливое нетерпение.

— Некоторые автомобили — продолжал я, — однако, представляют собой чудеса комфорта. Прямо — благоустроенные, со всеми удобствами дома.

— Вроде наших колесниц в век великих императоров... В таких колесницах можно было не только спать, но и писать ученый труд...

Я умолк. Спутник мой, неодобрительно качая головой, смотрел на автомобили, мчавшиеся по Елисейским полям с такой быстротой, словно они бежали от гнавшегося за ними призрака смерти.

— В мое время полиция сумела бы справиться с этими безумцами, — сказал он. — Уже когда появились двухколесные колесницы, Цезарь счел нужным издать декрет, определявший безвредную для населения скорость езды. А отчего, скажите, ваши эдилы разрешают безобразить стены домов? — с негодованием воскликнул он, указывая на лубочные, кричащие плакаты. — В Риме и в Помпее разрешалось наклеивать объявления только на специально для них предназначавшихся колоннах.

Я молча и хмуро пожал плечами. Мы поменялись с Люцием ролями, и на все его «в былое время...» «в век цезарей...» или «в дни царствования нашего великого...» отвечал презрительными, недоверчивыми улыбками.

Раздраженный против него, я оставил его после завтрака одного в моем кабинете, где он мог читать в полное свое удовольствий Сенеку, Горация и Ювенала. Вернулся я домой лишь вечером с тем, чтобы повезти моего гостя в один из шикарнейших парижских ресторанов.

От своей просветительной задачи я, однако, не отказался и за обедом неумоимо обращал внимание римлянина на каждую мелочь: на затейливые дамские прически, на танцы, которые должны были способствовать пищеварению, на поданную нам лакеем горячую воду и на минеральную воду в запечатанных бутылках, привозимых в Париж из далеких стран и городов. Я указал ему на большой золотой жетон, блестевший на руке молодого офицера, и на американца, жевавшего резину.

Люций выразил желание пожевать такой же комочек резины. Я поспешил удовлетворить его каприз. Римлянин пожевал и поморщился:

— Ну, разве можно сравнить это с мастикой, которую жевали во всей Азии еще за несколько веков до Рождества Христова и которая служила в то же время прекрасной зубной помадой? Золотой жетон на руке этого центуриона? Такие же жетоны носили вавилонские женщины на шее (почитайте Геродота!), и на жетонах этих выгравированы были их имена, имена мужей и год, когда украшения эти приобретались. А ваши воды... Друг мой, и вы, человек, видимо, обра-

зованный, хотите удивить этим древнего римлянина? Неужели вы не знаете, что еще Гиппократ советовал пить во время еды горячую воду? И что вода Нила, славившаяся своими целебными свойствами, доставлялась в герметически закрытых жбанах в самую Персию? Цезарь же всегда возил с собой в серебряных флаконах воду из знаменитого горного источника... Танцы? Но афиняне одержимы были этой страстью. Сложные прически ваших женщин напомнили мне о том, что все египтяне носили парики. Сегодня я нашел в вашей библиотеке несколько книг, написанных моими современниками-христианами. Святой Климент из Александрии, например, строго осуждает женщин, обнажающих свои перси, подводящих глаза и прибегающих ко многим другим средствам обольщения... Как видите, ничего не изменилось. И у меня ни малейшей охоты даже нет знакомиться с вашими жрицами Венеры. Сомневаюсь, чтобы они превосходили в чем-нибудь моих современниц... Да, единственно подлинно новое у вас, это — самовнушение. Вы внушаете себе, что вы счастливы, тогда как на самом деле вы нелепо осложняете свою жизнь и укорачиваете свой земной век. Вы даже представления не имеете о подлинном счастье, о ясности, о радости духовной... Да, этот человек, доставивший меня к вам, придет за мной только через шесть дней... Чтобы не умереть со скуки в этом вашем новом мире, разрешите мне не выходить из вашей библиотеки. Я видел у вас там Петрония, Теренция, Теокрита... Вот и буду читать их. За чтением этим забуду, надеюсь, о том, что двадцать веков понадобилось людям для того, чтобы разучиться красиво любить и тщательно умываться.

Альфонс Алле

В ЧУЖОЙ ШКУРЕ

Спорили. Так часто бывает. Горячились и переходили на личности. Предметом спора были оккультизм, теософия, эзотеризм и прочие заоблачные темы.

Среди других был наш общий друг-американец Гарри Кавайр. В тот момент, когда мое внимание случайно оставалось на нем, он занят был приготовлением грога, в котором, признаться, воды было очень мало.

— А ты, Гарри, — спросил кто-то, — как относишься к этой чертовщине?

— Если вы не хотите видеть меня мертвым у своих ног, не спрашивайте меня об этом и вообще, в моем присутствии не касайтесь этих тем. Они мне напоминают самый ужасный период моей жизни...

— !!!???...!!! — вскричали мы изумленно.

— О, Боже мой! — простонал Гарри. — Ради всего святого, не говорите о перевоплощениях нашего духа...

— !!!...!!!—настаивали мы.

— Послушайте, господа... Было такое ужасное время, когда я целый день прожил в чужой шкуре... в оболочке того, кого я никогда не знал. Если вы думаете, что это очень приятно...

— Расскажи нам, Гарри, как это произошло.

Гарри недолго заставил себя просить.

* * *

«Это было с год тому назад.

Как и теперь, мы провели ночь у одного приятеля, жившего в Латинском квартале, в спорах о необыкновенных, сверхъестественных явлениях.

Мы «вертели» столик, вызывали духов, — должен сказать, очень милых. Я думаю, что в загробном мире есть много свободного времени, потому что при первом же зове все эти господа вроде Гомера, Алкивиада, Юлия Цезаря и других, являлись к нам и с готовностью отвечали на наши вопросы.

Я был потрясен всем тем, что мне пришлось увидеть и услышать. Именно в таком, несколько возбужденном состоянии я на заре простился с приятелем и отправился домой.

«Сказать, что я ничего не пил в течение этого сеанса — было бы ложью. Коротко говоря, когда я вышел на свежий воздух, — мне все стало казаться смешным.

Я пошел по улице св. Жака и вскоре очутился около Морга.

Как-то машинально шаги мои направились туда.

Представьте себе мой ужас, когда первый труп, который бросился мне в глаза... был труп моей маленькой любовницы, которая изменяла мне со всем левым берегом Сены!

Безумное, дикое видение!..

Я поспешил к надсмотрщику.

— Я знаю эту молодую девушку...

— Ваше заявление бесполезно, так как при покойной были найдены бумаги, удостоверяющие личность ее. Среди бумаг есть письмо, в котором она заявляет, что условилась со своим любовником покончить жизнь самоубийством...

— Но ведь я — ее любовник!

— Нет, сударь, не вы, а тот молодой человек, что лежит на мраморной доске рядом с ней.

Любопытство взяло во мне верх над горем, и я пошел посмотреть на своего соперника.

— Увы... Знаете ли вы, кто был моим соперником?

Нет, вы никогда не догадаетесь...

Это был... я!.. понимаете: я!.. И одежды, в которые одет был труп — были моими одеждами.

«Однако, — сказал я себе мысленно, — надо взять себя в руки — и быть спокойнее! Прежде всего, необходимо проверить себя...»

И я обратился к надсмотрщику, стараясь казаться возможно невозмутимее:

— Как этот бедный молодой человек похож на меня! Вы этого не находите?

Он расхохотался:

— Он так же похож на вас, как и на папу римского!..

— Что?!

В одно мгновение я очутился возле зеркала. Это было какое-то наваждение: из зеркала на меня глянуло отражение высокого бледного молодого человека с большими черными усами. Как видите, на меня он не мог быть похожим.

Я окинул глазом костюм, в который я был одет: на мне оказалась серая, в клетку, пиджачная пара, а между тем, я твердо знал, что у меня такой никогда не бывало.

В боковом кармане пиджака я нашел бумажник, и в нем бумаги на имя неизвестного мне испанца.

Это я-то испанец!.. Я, — ни слова не знавший по-испански...

Ах!.. Мне было очень весело!..

Можете себе представить мое положение!..

Мне смертельно хотелось уснуть.

Почему же не лечь спать, но где?

У меня? У него?

Ко мне на квартиру меня не пустят.

К нему... но что скажут его жена, дети, если узнают, что я не говорю по-испански...

На карточке его были указаны адрес, улица, номер. Но какой этаж?

Ведь невозможно обратиться к консьержу с вопросом, где находится моя квартира? Он сочтет меня сумасшедшим...

И затем... что сказать его жене? Что ей сказать?

Боже мой!

Я многое переносил в своей жизни, но такого дня — никогда.

Я решил побывать в тех местах, где я обыкновенно бывал.

Как и следовало ожидать, меня никто не узнал.

Напротив, со мной поздоровались неизвестные мне люди. Они улыбались мне, жали руку, спрашивали меня о чем-то... и я отвечал что-то.

Я пошел в кафе. Увидев меня, кельнер поклонился и подал газету «Эпоха», которую, очевидно, имел обыкновение читать мой... двойник...

Тут же меня заметили каких-то два господина и поклонились. Один из них быстро подошел ко мне и с извинением протянул тысячефранковый билет. Он просил извинить его, что раньше он вернуть эти деньги не мог.

Боже мой, Боже мой, какая жизнь раскрывалась предо мной.

Я не мог сдержать себя. И решился:

— Завтра я покончу с собой.

Но вы понимаете: надо быть ослом, чтобы покончить с собой, имея в кармане тысячу франков... Я закутил.

Какие ужасные воспоминания!..»

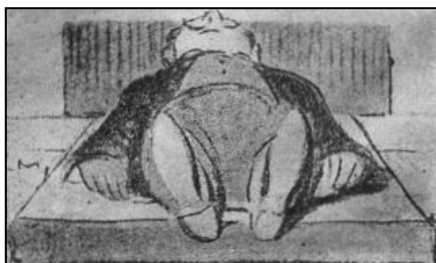
* * *

И Гарри, словно воспоминания душили его, сорвался с места, одним духом выпил стакан виски и быстрыми шагами начал ходить по комнате.

— А через сколько времени, — спросил один из нас, — твоя душа вернулась в свою оболочку?

Гарри коротко ответил:

— Только на другой день, когда я протрезвел.

Энтони Армстронг

ЭЛИКСИР ЖИЗНИ

ВСЕМИРНИ СЛЕДОПЫТ

Серьезный молодой человек в больших роговых очках, с дорожным мешком за плечами, свернул с шоссе и пошел проселком по направлению к деревне. Это был студент, принявший небольшую прогулку по лесу, чтобы спокойно, в уединении подзаняться перед экзаменом. В летние месяцы асимейские леса кишат такими серьезными юношами, решившими поработать в одиночестве. Правда, не все занимаются этим в лесах: некоторые предпочитают берег моря, другие — прилавок бара.

Юлиус питал отвращение к кабакам и потому избрал лес. В настоящее время его мучила жажда, и он оглядывался по сторонам в поисках коттеджа, где мог бы получить стакан молока и съесть сандвич из своего запаса.

Наконец, он заметил открытую калитку. Дорожка вела через заросший сад к покосившемуся каменному зданию. Студент решил, что именно здесь дадут ему стакан молока. Поэтому он подошел к двери домика и постучал.

Никто ему не ответил. Только сонный белый кот вышел из-за угла и меланхолично посмотрел на него. Он постучал еще дважды, и еще две худых кошки вылезли откуда-то и уселись у его ног. Наконец, дверь открыл дряхлый старец с длинной седой бородой. Он так же, как и посетитель, носил большие роговые очки, и оба уставились друг на друга, как два столкнувшихся автомобиля. На старике была длинная красная одежда, затканная странными черными треугольниками. В общем, вид его был довольно неожиданный для обитателя английской деревушки.

— Могу я... э... получить у вас молока? — сказал Юлиус, не вполне уверенный в нормальности старика.

— Молока? — повторил тот, точно стараясь вспомнить, когда и где слышал он это слово. — Молока? Молока, вы говорите? Ах, да, да, молока, — сказал он, наконец, поймав какую-то мысль. — Войдите, молодой человек, войдите!

Студент нерешительно вошел. В комнате было темно, а обстановка ее была чрезвычайно странной, под стать хозяину. Там теснились пробирки, колбы, большие стеклянные реторты, змеевики, изогнутые трубки, а за дверью на гвоздике висел скелет, как пальто, вышедшее из употреб-

ления. Множество чахлых кошек спали на полу, в креслах и на спине чучела крокодила. А на камине, вместо часов, стоял череп. Юлиус до того был поражен оригинальностью мебелировки, что едва проглотил молоко, поданное ему рассеянным старцем сперва на блюдечке, как кошке, а потом — в треснувшей колбе.

— Вы... это... интересуетесь химией? — спросил Юлиус с превосходством молодого человека, для которого такие вещи, как диметил-мета-бензойная кислота — суций пустяк, не то, что для прочих невежд.

— Нет, — забормотал старик. — Нет! Не химия! — Он помолчал. — Алхимия, — шепнул он на ухо посетителю. — А я — последний из древних алхимиков.

— О!., э... гм... в самом деле?.. — поперхнулся молоком Юлиус, поняв, что действительно имеет дело с сумасшедшим. Он сделал движение к двери, но тот схватил его за руку.

— Я открыл эликсир жизни, — таинственно прокаркал алхимик. — Собственного изобретения... Вы видите всех этих кошек? Ну, так я добываю из них свой эликсир. У всех этих зверей теперь осталось только по одной жизни...

Он поклонился студенту и откуда-то из необъятных складок широкой одежды извлек маленький пузырек с розовой жидкостью.

— Каждая кошка, — шептал он, — живет девять раз, но я отнял у каждой из них по восьми существований... И все эти жизни здесь, в этом эликсире. Концентрированная эссенция жизни! Ага! Разве это не замечательно? — торжественно закончил он.

— Я... э... мне пора идти, — прохрипел Юлиус, пятась к двери. — Сколько я вам должен за молоко?

— Может быть, вы купите пузырек с эликсиром? — соблазнял алхимик, не отставая от него.

Юлиус решил купить флакон розовой дряни, расквитавшись этим за молоко и обеспечив себе свободное отступление.

— А сколько?

— Полкроны, — твердо сказал алхимик, — за настоящий

эликсир жизни. Разве это дорого?..

* * *

Через минуту Юлиус стремительно неся по заросшему саду, боязливо оглядываясь по временам. Он крепко при-
творил за собой калитку и в это время заметил на ней ку-
сок картона, — не то вывеску, не то визитную карточку. На
картоне было написано углем:

СУМАСШЕДШИЙ

Юлиус ускорил шаги.

Отойдя по дороге километра два, студент замедлил шаг. Он был чрезвычайно недоволен собой. Получить полкол-
бы молока и пузырек с розовой водицей за полкроны —
плохая финансовая комбинация. Он почувствовал, что это
унизительно для человека, так интимно знакомого с диме-
тил-мета-бензойной кислотой.

Отойдя под тень старого каменного забора, он сел по-
завтракать и побеседовать по душам с карманным Дарви-
ном. Но, запустив руку в карман, нащупал бутылочку с
«эликсиром» и подверг ее тщательному осмотру. На вид и
на запах — простая подкрашенная вода. Он недовольно опу-
стил бутылочку на траву, съел сандвичи и стал с увлече-
нием читать о теории Ламарка и вероятном происхожде-
нии рода человеческого от больших человекообразных обез-
ьян. Это была чертовски трудная теория, утомлявшая мо-
лодые мозги, и Юлиус был даже рад оторваться от книги,
услышав шаги по дороге.

Он был очень удивлен при виде усталого обезьянопод-
обного итальянца-шарманщика, который плелся в пыли
с мартышкой на плече. Сама судьба посылала студенту жи-
вую иллюстрацию к теории Дарвина. Юлиус с любопытст-
вом взглянул на обезьянку в синей курточке и красной шляп-
ке на резинке. Обезьянка смотрела на него с не меньшим
любопытством.

— Доброе утречко, — заговорил деловитый итальянец,
заметив, что его обезьяна произвела впечатление. — Ваш

любил музыка?

— Нет, — ответил Юлиус.

— Вы давал мой обезьяна на одна пенни и мой играйт вам много-много музыка...

— Нет.

— Нет? Карош. Тогда вы давал мой обезьянка тва пенни и мой не играл музыка, а? — предложил итальянец, нащупавший правильную почву для коммерческих операций. Обезьяна же, мало интересовавшаяся финансовыми вопросами, прыгнула в траву, приблизилась к Юлиусу и, усевшись на томик Дарвина, вежливо приподняла красную шапочку.

— Вы дава-аль, а я не игра-аль, — тянул итальянец, совершенно убежденный в правильности занятой позиции.

Юлиус полез в карман, достал шестипенсовую монету и протянул ее обезьяне, которая предпочла пару сдобных пышек, оставшихся у Юлиуса; ее хозяин, при виде такой непрактичности, разразился целым потоком итальянских проклятий.

В эту минуту взгляд Юлиуса упал на пузырек с эликсиром, и сумасбродная мысль пришла ему в голову. Быстро вынув пробку, он полил розовой жидкостью одну пышку и вместе с шестипенсовиком вручил ее обезьянке.

В следующий момент мартышка уже сидела на плече хозяина, монета покоилась в кармане итальянца, а пышка — в желудке обезьяны. Юлиус же, почувствовав некоторое раскаяние в дурацком поступке, пытался усвоить новые откровения теории эволюции под рулады итальянских благодарностей. А обезьяна ковыряла в зубах, чувствуя себя совсем неплохо после пышки с эликсиром.

Итальянец стал удаляться, призывая благословения на голову Юлиуса, но, пройдя несколько шагов, заговорил с обезьяной в столь повышенном тоне, что Юлиус опять оторвался от книги.

Потом он широко раскрыл глаза и уставился на мартышку. Ему показалось, что у итальянца теперь совсем другая обезьяна. Откуда? Вздор! Значит, это та же мартышка. Но она... выросла! По-видимому, это заметил и шарман-

щик, который спустил обезьяну на землю и за что-то неуверенно выговаривал ей...

Юлиус с открытым ртом сидел и наблюдал. Потом он протер глаза, не поверив им. Да, сомнений не было: обезьяна выросла. Теперь она доходила до пояса итальянца, спина ее выпрямилась, кривые ножки стали стройными, сильными. С каждой секундой она все меньше и меньше походила на обезьяну, ее дурацкая одежда лопнула, и лишь глупая шапочка на резинке чудом держалась на голове...

Когда же она взяла итальянца за плечо и серьезно заглянула ему в глаза, тот больше не выдержал, бросил шарманку, оглушительно завопил и понесся по полю с великопленной скоростью, мало заботясь о кочках и ямах.

Обезьяна, вернее, бывшая обезьяна — теперь это было уродливое, но все же человеческое существо — вскоре подошла к Юлиусу, в ужасе прилипшему к каменному забору. Она была дьявольски похожа на одного приятеля Юлиуса, которого все в Баллойд-Колледже называли «Недостающее звено».

Существо остановилось и посмотрело на Юлиуса удивленными глазами. Это было чрезвычайно необычное зрелище: полуобезьяна-получеловек в английской деревушке, совершенно голый, вдобавок, если не считать дурацкой красной шапочки на резинке. Ошеломленный Юлиус протянул ему последнюю пышку, сказав не совсем уверенно:

— Ну, дружище, получай.

Дружище получил и умял пышку в момент.

—Эк! Эк! Эк! — сказала существо, — совсем, как дядюшка Юлиуса, когда снимал вставные зубы.

— Это вы правильно заметили, — нервно ответил Юлиус, позабыв, что перед ним не дядя.

—Нек! Нек! Нек! — продолжал обезьяночеловек, усаживаясь на траву и явно высказывая желание дружить с приятным собеседником в роговых очках. Существо теперь было совсем похоже на человека, и Юлиус чувствовал себя неловко.

— Гик! Гик! Гик!... Вук! Вук! — нежно и боязливо добавило существо. Парализованные удивлением мозги Юлиуса вновь заработали. Одно из двух: или он сошел с ума, выпив кошачьего молока у сумасшедшего алхимика, или это результат действия эликсира, оказавшегося совсем не розовой водицей! Но, в таком случае, следуя добрым традициям алхимии, он обрек обезьяну на вечную жизнь и вечную эволюцию, — вплоть до конечной стадии человека.

Он растерянно посмотрел на валявшуюся книжку. Эволюция! Концентрированный из кошачьих жизней эликсир жизни! Но вместо вечной жизни эликсир давал мгновен-

ное феноменальное развитие жизненных сил. Словом, эволюция! В четверть часа обезьяна прожила четверть миллиона лет!..

Юлиус был так поражен своим открытием, что буквально онемел и сидел, глупо уставившись на собеседника, который шевелил губами и слегка повизгивал. Потом он еще больше обалдел: существо попыталось объясниться членораздельными звуками.

— May! May! To! — щебетало существо, высказывая определенное желание получить пузырек с эликсиром.

— Нет! — твердо сказал Юлиус и хотел подняться, чтобы уйти от страшного компаньона. Но существо, теперь совершенно схожее с человеком и физически прекрасно развитое к тому же, схватило его за ногу и усадило на место. Теперь оно имело совсем человеческую внешность — и для полного сходства недоставало лишь костюма.

— Еще... пить... бутылка... — заявило оно, протягивая Юлиусу прекрасно сформированную ладонь. Юлиус, с ужасом думая о том, что дело неизвестно куда пойдет, если существо получит еще порцию эликсира, попытался вырваться, но получил такой удар, какому позавидовал бы любой боксер. Придерживая студента мускулистой рукой, существо отпило из пузырька и немедленно беззастенчиво полезло в дорожный мешок Юлиуса, извлекая оттуда его парадный костюм. Юлиус чувствовал, что сходит с ума. Он попробовал думать об Оксфорде, о диметил-мета-бензойной кислоте, но тщетно.

Вторая доза эликсира, видимо, пошла существу на пользу.

— Теперь лучше! — заявило оно на прекрасном английском языке с легким цокающим акцентом. — Послушайте, у вас очень старомодный вид, — продолжало оно, поглядывая на Юлиуса.

Вот уж никогда не ожидал Юлиус, что станет объектом презрительного отношения со стороны обезьяны шарманщика! От негодования он схватился за книгу, но создание, имевшее сейчас куда более одухотворенный вид и много лучше (кроме шапочки) одетое, чем Юлиус, хладнокровно

взяло у него книгу.

— А, Дарвин, — пренебрежительно процедило оно. — Это тот... один из ученых второго тысячелетия... Да, да, он так по-любительски предсказал наш прогресс...

Юлиус задрожал.

— Простите, пожалуйста, — начал он и сам удивился своей вежливости. Но при взгляде на существо он снова обомлел. Существо имело совершенно новый вид. У него были пронзительные глаза, выпуклый огромный лоб и, Юлиус не мог не признаться, настолько одухотворенные черты лица, что это было явно существо высшего порядка.

— Н-да, — говорило существо расслабленно, — Дарвин довольно неплохо проследил нашу эволюцию из обезьяньей разновидности, я подразумеваю так называемую человеческую расу, тогда еще существовавшую и вступившую на путь взаимного истребления.

— Пр... правильно, — пробормотал Юлиус, чувствуя, что у него мозги переворачиваются от этих мрачных намеков существа. Заполучив пузырек и понемногу отхлебывая от него, существо совершало свою неумолимую эволюцию. Его руки теперь блистали белизной, и все тело стало нежным, неприспособленным к труду. Словом, это был мощный интеллект, заключенный в телесную оболочку явно вырождавшегося человека.

— Физический закон о праве сильнейшего, — продолжало существо, — низвел так называемое человечество до степени подземных паразитов. И они очистили весь мир для нас...

Оно сложило концы тонких, длинных пальцев и посмотрело на Юлиуса, как профессор, объясняющий трудное место лентяям-ученикам. Юлиус пораженно смотрел на него: несомненно, это было существо будущего, — настолько отдаленного будущего, что его возраст измерялся, быть может, миллионами лет. Студент машинально вытащил свой блокнот...

— А, забытое искусство писания! — с любопытством заметило существо, с минуты на минуту становясь все более одухотворенным. А тело принимало жалкий вид. Руки ста-

ли тонкие-тонкие, пальцы длинные, худые, похожие на щупальцы или паучьи лапы.

В пузырьке оставалось совсем мало эликсира.

— Что вы такое? — промямлило существо.

Под испытующим взглядом существа Юлиус пришел в волнение. Какого черта? Этот «сверхчеловек», видимо, слаб и беспомощен. Прощай, дурацкий череп и выпуклые глаза! Юлиус вскочил и побежал.

Он пробежал несколько шагов. Что-то его остановило. Существо не двинулось с места. Оно лишь устало на беглеца тонкий палец, и мозг Юлиуса был парализован.

Существо больше не говорило. Оно молча отдавало приказания, и Юлиус слышал их как слова...

— Дай мне твою шляпу.

— Нет, — ответил Юлиус и отдал...

В следующий момент он против воли надел обезьянью шляпку на резинке.

— Надень на меня твою шляпу.

И через секунду шляпа Юлиуса балансировала на нелепой громаде черепа.

— Не хочу! — завопил Юлиус.

Ведь существо может делать с ним что угодно! Он бессилен! Все пропало...

— Не хочу! — вопил студент и все же приподнял свою красную шапочку, но резинка щелкнула, и шапочка опять прилипла к голове.

Он с ужасом заметил, что у существа пропал нос и совершенно атрофировались ноги. Тело сморщилось и завяло, от рук остались бледные щупальцы. Рот, уже не приспособленный для речи, почти пропал.

— Щелкни еще раз, — приказало существо.

— Не хочу! — и опять щелкнула красная шапочка.

— Куш! Умри! Лапы кверху!..

— Н-ет! Не хочу-у! — жалобно вопил Юлиус, опрокидываясь на спину и болтая конечностями. Существо придвинулось к нему и слабыми, теплыми щупальцами стало прикасаться к его лицу...

Студент в ужасе открыл глаза и встретился со взглядом маленьких синих глазок. Обезьянка шарманщика сидела у него на груди и мохнатой лапкой водила по его лицу. И на ней была красная шапочка, а на нем — его шляпа. Сзади стоял шарманщик и улыбался.

— С добрым утречком, — начал итальянец свою деловую комбинацию. — Ваш любилъ музика? Вы даваль мой обисьянка одна пенни и вам начиналь играль, э?

— Давно вы здесь? — прохрипел Юлиус.

— Скоро селий пять минутков. Вы засипаль, а обисьянка кушаль. Вы даваль мне пенни? Я сицас ошибалься, иг-

раль музика перед дом сумашесний человека. Ницево не полуцал, — скорбно добавил он.

Юлиус оглянулся. Обезьяна откупорила пузырек с эликсиром и собиралась попробовать. С диким криком выхватил он пузырек и шлепнул его об камень; розовая жидкость растеклась по пыли. Ф-фу! Еще мгновение, и все началось бы снова.

Он быстро вскочил на ноги и понесся к деревне, по направлению к гостинице.

Когда он пробежал мимо итальянца, обезьянка сердито посмотрела на него.

— Не хочу-у! — взвизгнул Юлиус и в то же время поднял шляпу, а вместо резинки щелкнул языком.

Итальянец с минуту соображал, потом взвыл и бросился в другую сторону: двое сумасшедших за полчаса — это уже слишком!..

Иосиф Монте

ТОРЖЕСТВО НАУКИ

— Луи Верне, из Парижа? — произнес Натаниэль Симсон, разглядывая поданную ему лакеем карточку. — Подождите!

Взяв с письменного стола адресную книгу, он стал, не торопясь, ее перелистывать...

— All right! Просите г-на Верне.

Последний вошел.

— Скажите, помните ли вы меня? — спросил господин Верне, пожимая протянутую ему янки руку. — У вас поистине удивительная память.

— Ничего подобного. Наоборот, посмотрите, пожалуйста, сюда!

С этими словами американец ткнул пальцем на страницу своего адрес-календаря, где было написано:

«Луи Верне из Парижа. Приглашен завтракать при проезде Чикаго».

— Вот эта книга не позволяет мне что-либо забывать.

— Даже такие мимолетные встречи, как наша с вами?.. Долго ли мы, вообще, были знакомы?.

— Только один вечер. Не более.

— Да к тому же во время веселого банкета, на котором вы распили не одну бутылку в честь «Фоксхэлла», победителя парижского «Grand-Prix».

— Ради Бога, не напоминайте об этом! Здесь я знаю лишь бутылки чернил, да деловые книги!

— А! Значит, здесь вы, так сказать, в храме труда?

— Совершенно верно.

— Что вы, собственно говоря, делаете? Или все еще фабрикуете бумажные колеса?

— Нет. С этим я давно уже покончил. «Стальная промышленность» причиняет нам слишком много хлопот, — конкуренция слишком велика. Я культивирую теперь новую специальность — жизненные продукты. Очень ходкий предмет. Единственный серьезный конкурент, имеющийся у меня, — это природа. Но я все-таки не теряю надежды обезоружить этого моего единственного врага.

— Неужели?

— Как же! У меня на то имеются доказательства. Да че-

го же больше?! В течение трех лет я нажил три миллиона. Первый я нажил, фабрикуя масло без молока; второй — создавая мясной экстракт без кусочка мяса и, наконец, третий я приобрел разработкой предмета, которым занят и посейчас.

— А в чем же заключается этот новый вид промышленности?..

— Я получаю яйца.

— Помимо кур?

— Угадали!

— Однако, это невероятно. Вы шутите?

— Я никогда не шучу, — в особенности, когда вопрос касается дела.

— Значит — серьезно. Вы хотите меня уверить, что вы — изготавливаете яйца? Черт возьми! Любопытно было бы взглянуть на это!

— Нет ничего легче исполнения этого вашего желания. До завтрака в нашем распоряжении четверть часа. Их нам с избытком хватит на обзор целой мастерской.

С этими словами американец повел своего гостя по коридору в помещение, сплошь заставленное деревянными ящиками. В этих ящиках лежали ровными, аккуратными слоями белоснежные яйца. Промышленник открыл вторую дверь, ведущую во второй, такой же зал. Охвативший его в этом помещении холод заставил парижанина поднять воротник своего сюртука.

— Ну вот, мы и пришли! — воскликнул Симсон. — Здесь заводская мастерская. Посмотрите, вот эта большая бадья — так называемая бадья для желтков, вот та вторая бадья содержит в себе белки.

— Да, но ради Бога, скажите же мне, из чего состоят ваши желтки?

— Смесь из кукурузной муки, овсянки, гексельского экстракта и нескольких лично мной изобретенных составных

частей.

— Ну, а... белок?..

— Чтобы не утруждать вас, постараюсь объяснить вам в двух словах: это химический состав, более или менее приближающийся к составным частям белка.

— Отлично... ну... а как же скорлупа?

— Прошу пожаловать сюда, здесь вы увидите, каким образом она изготавливается.

— Позвольте задать вам еще один вопрос: как помещаете вы желток и белок в скорлупу?

— А вот, при помощи этой машины. Как вы видите, в ней несколько углублений — в углублении «А» помещается желток, в «Б» — белок, в «В» — охватывающая яйцо тонкая пленка, и в «Г» — гипс, из которого в конце концов образуется скорлупа.

Входя в этот зал, вы, конечно, заметили резкую разницу температуры? Холод этот необходим, и вы сейчас увидите, почему необходим. В углублении «А» помещается желток в образе порошка; порошок этот, мало-помалу стущаясь, превращается в пасту, принимая в то же время шарообразную форму. Из «А» желток переходит в «Б», где вокруг него образуется белок; из «Б» переселение совершается в «В», где яйцо покрывается пленкой, а отсюда уже в «Г», где завершается туалет яйца скорлупой. Таким образом, яйцо готово. После этой процедуры его направляют в сушильную, где гипс моментально твердеет, а содержимое скорлупы, наоборот, принимает натуральную, жидкую форму. Ручаюсь, что курица не снесет лучшего яйца.

— Неужели?

— Положительно. Да вот, попробуйте — люди мои сварили одно яйцо.

— Великолепно! — воскликнул Луи Верне, отведав половину предложенного ему яйца.

— Ну, вот видите, этот товар я сбываю по тринадцати долларов за тысячу штук. Теперь укажите мне курицу, которая могла бы за такую цену регулярно работать!

— Еще один вопрос. Не подвергается ли скорой порче ваше произведение?

— О, нет! Оно сохраняется бесконечно долго. Возьмем хоть для примера яйцо, которое вы только отведали: оно изготовлено в 1893 году.

Вот здесь, на заостренном конце его, отпечатано число. Ввиду того, что гипсовая скорлупа гораздо прочнее натуральной, эти яйца великолепны для экспорта. У нас, например, никогда не попадаются разбитые или поврежденные экземпляры.

— Что ж! Производство это, кажется, столь же выгодно, как и незамысловато. Скажите, вы здесь единственный фабрикант?

Симсон нахмурился.

— Нет, — мрачно пробормотал он, — у меня есть конкурент.

— И опасный конкурент?

— Крайне опасный. Он, видите ли, изобрел способ придавать своему изделию любой вкус. «Кэмпбелл и Комп.» производят куриные и чибисовые яйца. А я, все-таки, надеюсь забить его. Моя фирма должна победить «Кэмпбелл и Комп.»... а теперь смею просить вас к завтраку!

— Само собой разумеется, — заговорил после завтрака Симсон, — что в Чикаго вы приехали ради выставки. Какова она, по-вашему?

— Очень интересна. Особенно поразил меня фоно-фото-стено-типо-биограф. Это — одно из величайших изобретений нашего времени. Аппарат этот в состоянии в течение секунды, при одном только нажатии кнопки, воспроизвести и фотографический портрет человека, и звук его голоса, и факсимиле его почерка, и даже указать его национальные особенности!

— Ба, шуточка Эдисона! Через год это перестанет быть интересным. Это все пустяки... видели ли вы мои витрины для яиц?

— Нет.

— Ну, так отправимтесь же туда.

Четверть часа спустя Натаниэль Симсон и Луи Верне стояли перед элегантным стеклянным ящиком, в котором в строгой симметрии были расположены белоснежные изделия фирмы.

Над каждым отделением красовалась изящная надпись-ярлык.

Рядом с этим ящиком помещался другой, в котором красовалась масса яиц всевозможной величины, цвета и оттенков. На этом ящике значилось:

«Яйца куриные, чибисовые, гусиные, голубиные, страусовые, коршуновые, орлиные».

— Это вот витрины «Кэмпбелл и Комп.»! — сокрушенно вздохнул Симсон. — Золотую-то медаль получают, вне всякого сомнения, они!

— Смотрите, на ваши произведения падает солнечный луч. Не повредят ли им свет и жар?

— Нет. Прочность краски гарантируется мной на десять лет. Ах, но что все это! «Кэмпбелл и Комп.» все-таки получают первую награду!..

Симсон мрачно задумался.

Луи Верне безмолвно рассматривал необыкновенные продукты конкурентов. Вдруг, схватив американца за руку, он отвел его в сторону, порывисто шепча:

— Сколько дали бы вы, чтобы уничтожит «Кэмпбелл и Комп.»?

— «Кэмпбелл и Комп.»? — дрожащим шепотом переспросил Симсон. — Уничтожить «Кэмпбелл и Комп.»? Да я для этого не пожалел бы и половины моего состояния.

— Согласились бы вы рискнуть тысячей долларов?

— Ерунда! Две тысячи, десять тысяч я поставлю на карту, если нужно!

— Нет, зачем же! Тысячи будет совершенно достаточно, — сказал француз. — Согласны ли вы открыть мне кредит в этой сумме? Ручаюсь, что цель будет достигнута.

Американец пытливо взглянул на своего гостя.

— Хоть я и не понимаю, каким образом вы думаете добиться своего, но, конечно, условие ваше охотно принимаю.

— Очень рад! А теперь попрошу вас на пять минут оставить меня здесь одного. У входа на выставку мы встретимся.

Тотчас после ухода Симсона Луи Верне подозвал сторожа этого отдела выставки. Три минуты спустя он вытащил свой бумажник и вручил сторожу несколько банковых билетов.

— Остальное вы получите не позже, чем через две недели, когда все будет в порядке.

Неделю спустя Натаниэль Симсон за завтраком наскоро просматривал журнал.

Вдруг он с пронзительным криком вскочил со своего места, чуть не опрокинув при этом стол.

Вот что он прочитал в журнале:

«Т о р ж е с т в о н а у к и. Сегодня ночью в здании выставки произошел необычайнейший случай нашего столетия. Всем, конечно, известны интересные яичные экспонаты фирм “Кэмпбелл и Комп.” и “Симсон”. В витрине последнего сегодня утром разыгралась сцена, поразившая посетителей выставки: одно из искусственных яиц раздалось на две половины, и из него вылез крошечный живой цыпленок!!! Образцовое дежурство и бдительность сторожей выставки исключают всякую возможность подделки и фальсификации, а потому нельзя не приветствовать господина Симсона, сумевшего довести производство искусственных яиц до высшего совершенства. Ему удалось достигнуть того, что до сего времени считалось невозможным. Не сомневаемся, что выставочная комиссия сумеет по достоинству оценить г-на Симсона, научным способом похитившего у природы одну из величайших ее тайн. Открытый и изобретенный господином Симсоном способ химическим образом производить живые организмы сделает огромный переворот во всех областях человеческого ума!!»

Журнал выпал из рук изумленного Симсона. В это самое мгновение с номером этого же журнала в руках в комнату вошел Луи Верне.

— Сторож Тим, — сказал он, — чудеснейший парень, вполне заслуживший свою тысячу долларов, хотя цыпленок, посаженный им в вашу витрину, обошелся ему всего в пару центов; надеюсь, что сдачу вы ему оставите!

— Значит, вот как это произошло, — смеясь, воскликнул Симсон, — вы дьявол, а не человек, милейший господин парижанин! Как-никак, а одна человеческая жизнь остается на вашей совести, и это — жизнь «Кэмпбелл и Комп.»!

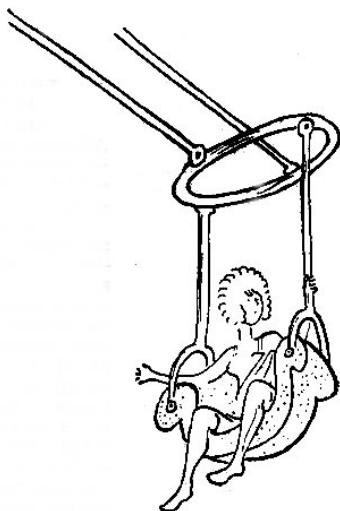
Отто Рунг

РАДИО-СКАЗОЧКА

Эту историю следовало бы, собственно, рассказывать в будущем времени, так как она произошла в 1987 году. Но человеческая мысль ведь скользит по всем направлениям и проникает даже за пределы — поэтому и рассказывать мы будем в прошедшем времени.

Молодая девушка Конкрета Д. Дамнитсон проснулась в майское утро вышеупомянутого 1987 г. на равномерно нагреваемой фарфоровой кровати, на которой она спала, ничем не накрываясь. Конкрета стерилизовала свою кожу и усе-лась в подвешенную качель, которая произвольными поворо-тами, заставляла пациента делать такие же сильные плава-тельные движения, как утопающего в Атлантическом океа-не. Эти движения (система Магнуса Седерблема) были те-перь в высшей степени необходимы, так как, благодаря ра-дио, люди стали мало двигаться.

После этого Конкрета Дамнитсон надела вентилирован-ное платье из тонкого, как паутина, асбеста, отливавшего

теми светлыми, ультрафиолетовыми цветами, которые были открыты человеческому глазу пять лет тому назад великим японским офтальмологом Фукушимой посредством выпрыскивания легкого, сладкого эликсира невро-хромо-эссенции. Эти ультрафиолетовые, удивительно красивые цвета были названы в честь первого ученого, открывшего невидимые лучи. Платье Конкреты было хитом бледного оттенка цвета рентген с более темным воротником цвета Нильса Финзена. Платье, как и белые панталоны, были расшиты красивыми орнаментами Беккерель и Маддам Кюри.

На табурете девушка нашла уже сервированный завтрак: шесть таблеток вкуса яблочного мусса и сливочные таблетки. Все они были с знаменитой фабрики питательных веществ Либиха. Уже в 1950 году умеренники-прогрессисты провели всемирное запрещение пожирания мяса (как сорок лет тому назад употребление алкоголя).

Люди, готовившие у себя дома, как животные, какими они, в сущности, и являлись, были выслежены радиоаппаратами санитарной полиции и без всякого сожаления посажены в гуттаперчевые камеры рядом с последними отравителями воздуха, — курильщиками табака. Но еще в полном разгаре был бой с последним полчищем варваров, — с вегетарианцами, избивавшими беззащитные растения, которые даже не могли кричать о своих мучениях, как это делали звери. Мать Конкреты была усердная поборница нового химического питания таблетками, которые синтетически были составлены из угольных атомов. Благодаря этой системе, бедность была почти совершенно ликвидирована, так как каждый имел право получать даром двадцать таких таблеток в центральном муниципальном управлении. Но, чтобы не способствовать развитию лени, таблетки эти выделялись без прибавки вкусовых частиц.

Конкрета употребляла в качестве примеси к таблеткам знаменитые балтиморские «Десять тысяч вкусовых молекул» и пила за едой стакан муниципальной воды, в которой она разводила смесь из 70 % витаминов и 30 % одобренных государством бактерий, необходимых для пищеваре-

ния (автоматически регулировавшегося каждую неделю).

Во время еды она наслаждалась симфоническим концертом знаменитого Эскимосского оркестра под управлением капельмейстера-композитора Озакрарка, заменившего во всех смыслах на шумевшие джаз-банды, пользовавшиеся таким успехом в 1925 г.

Конкрета Дамнитсон была уже три месяца невестой молодого ученого Бориса Конисского, профессора политехникума в Иокогаме. Они познакомились на радио-менуетном вечере советского посланника в Вашингтоне, куда Конкрета, жившая в Нью-Йорке, сама себя радио-послала с разрешения своих родителей. Молодых людей соединила их общая страсть к только что входившей в моду рапсодической поэзии и Борис ежедневно появлялся у Дамнитсонов. Тут он признался Конкрете в своей любви и ее портрет на стене лаборатории Бориса Конисского в Иокогаме розовел от счастья.

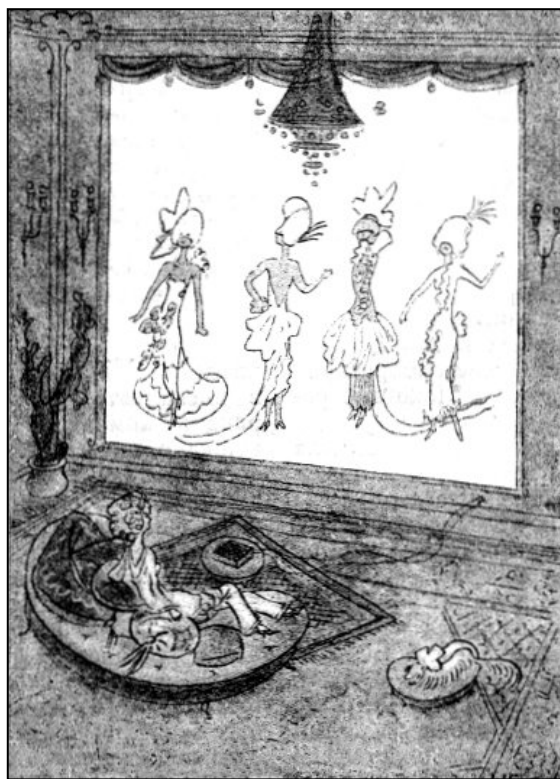
Молодым людям не имело смысла тайно встречаться, так как благодаря повсеместно введенному с 1950 года радиотелевидению, мать могла следить на белом экране за каждым шагом дочери.

Уже в 1925 году почти была разрешена задача переноса световых волн электрическим путем. В 1930 г. была закончена установка «радиотелевидения», и теперь можно было следить на белом экране в своем кабинете за всем, что происходило в мире (насколько это было разрешено полицией). Времена полнейшего хаоса на земле остались уже в прошлом благодаря норвежскому инженеру, нашедшему в 1960 году так называемые «замкнутые» или «изолированные» волны. Снова было обеспечено спокойствие частной жизни, спокойствие, которому при старой системе угрожали тысячи глаз, проникавших сквозь стены домов. Всевозможные вымогатели, шпионы, отвергнутые любовники и коварные архитекторы устраивали тайные радиокамеры в подвалах своих домов. Проникая повсюду, эти глаза сами оставались невидимы.

Теперь же только тайная полиция имела ключи к волнам известной длины и могла с центральной станции сле-

дить за всеми вредными для общества и вообще порочными элементами.

Борис Конисский появлялся каждый день в двенадцать часов на белом экране в комнате Конкреты, а девушка со своей стороны показывалась на таком экране в лаборатории Бориса. И сегодня тоже была условлена такая встреча. Экран в комнате матери Конкреты был занят сегодня появлением на нем ее приятельниц. Все они постепенно выс-

тупали на фоне белого полотна в платьях всех оттенков ультрафиолетового цвета, отделанных модными кружевами из световых лучей. Тут была и мистрис Хоткинс, жившая в Филадельфии, и мистрис Муунго, контролерша нравственности в Гонолулу, синьора Точелли из Неаполя и зна-

менитая радиопевица фрау Анна Петерсен из Копенгагена. Конкрета соединила свой экран с экраном матери и пожелала посетительницам доброго утра. Потом разъединила экраны и, так как до появления Бориса оставалось еще четверть часа, девушка решила отвлечься от тоски по жениху картинками жизни. Она могла быть спокойна, пока ее брат Эдиссон учился в подвальной комнате. Он занимался там один: его учитель математики проектировал ему на стене арифметические задачи.

Конкрета по очереди соединяла экран с музеями Флоренции, Рима, Ленинграда и перед ней проходили знаменитейшие произведения искусств, темные, тяжелые краски давно прошедших времен: Рембрандт, Боттичелли и, наконец, «Венера» Тициана, лилейно-белая на своем ложе. Но Конкрете хотелось тепла в этом нью-йоркском мире из стали и цемента и она стала вызывать на экран то Золотой Рог Стамбула (охраняемый международной музейной комиссией), то покрытые пальмами берега Таити, то пустыню возле Тимбукту. Но тут произошел несчастный случай с одним из арабов, нанятых радиобюро путешествий Кука, который должен был водить взад и вперед перед древними развалинами верблюда. С ним вдруг случился удар и его должен был увести автомобиль скорой помощи. Это был скандал на весь мир. Верблюд убежал.

Конкрете некогда было уже посмотреть сцену из знаменитого шведского балета в Стокгольме. Часы в Гринвиче отчетливо пробили двенадцать.

На экране Конкреты выступила вишневая аллея в Иокогаме, сверкающая всеми красками жаркого японского дня. В аллее стоял стройный, черноволосый Борис в желтом кимоно (этот костюм обязательно носили даже иностранные профессора в Иокогаме). Конкрета невольно протянула возлюбленному руки. Он казался ей таким живым на этой выпуклой картине в натуральных красках, что она готова была схватить его за руку. Как естественна была перспектива даже по отношению к его носу такой благородной формы. Но, ах!

— Добрый день, моя дорогая Конкрета, — весело сказал

Борис, и Конкрета поняла, что ее собственное изображение появилось теперь у Бориса в Йокогаме на экране, стоящем в вишневом саду.

По принятому обычаю, они немножко потанцевали под звуки знаменитого радио-менуэтного оркестра в Берлине. Они касались во время танца только кончиками пальцев (ведь они только так и могли прикасаться друг к другу и, кроме того, иначе считалось бы неприличным).

Благодаря телевидению, нравственность поднялась на значительную высоту. Во всем мире танцевали только менуэт.

— Как ты очаровательна, Конкрета, — сказал Борис. — У вас прохладная погода? У нас, как видишь, ярко светит солнце. Ах, если бы я мог тебе переслать в термосе литр японского солнечного тепла!

— Приезжай лучше сам, — засмеялась Конкрета и прибавила со вздохом, — тогда в моей грустной комнате сразу настанет лето.

Борис покачал головой.

— Милая Конкрета, я ведь прихожу к тебе каждый день!

— Да, но не сам, не сам, Борис! Разве ты не понимаешь? Борис улыбнулся.

— Сам? Разве ты меня не видишь, не слышишь мой голос? Разве мы не танцуем вместе под одни и те же звуки? Чего же ты еще хочешь, Конкрета?

— Чего я еще хочу? — Она протянула к нему руки. — Да тебя самого! Не только твое отражение, Борис! Не только твой голос из металлической мембраны. Я хочу действительности, Борис. И для себя, и для тебя!

— Ты маленький романтик! — весело рассмеялся Борис. — Ты мечтаешь о том, чтобы получить действительность! Разве мир не достаточно хорош для тебя?

— Мир! — Конкрета сжала кулаки. — Мир ужасен! Эта земля, на которой все механизм и отражения атомной силы, соединенной с электронами. Что схватывают наши руки, когда мы ищем счастья? Один только контакт! Что мы находим, когда зовем любимого человека? Призрак!

Он нахмурился.

— Конкрета, не забывай, что я инженер, а, значит, один из устроивших жизнь так, чтобы она была приятна и легка людям и не походила бы на времена наших дедов, когда люди жили, как в коровьем хлеву! Не поддавайся тоске, которая нападала на погруженных во мрак людей, стоявших перед непреодолимыми препятствиями. Теперь ведь для нас не существует расстояния! Мрак изгнан, страх и всякая тоска запрещены новым нравственным Законом от 25 сентября 1982 года (№ 4633 § 212). Я должен побороть тебя, Конкрета! Но скажи мне лучше, чего тебе не хватает. Мы изобретем это для тебя! Что же это, Конкрета?

Она закрыла лицо руками.

— Не знаю, Борис. Мне нужно чувствовать что-то!

Выражение его лица изменилось (она увидела это сквозь пальцы) и оживилось добродушной усмешкой. В это мгновение Конкрета любила его больше всего на свете.

— Ну что ж, Конкрета, — улыбнулся он, — я должен постараться, чтобы твой мир был совершенен. Как раз теперь, — он таинственно понизил голос, — я занят одним изобретением... но об этом после. Вопрос разрешен и первая модель почти готова. И тогда я сам приду к тебе, Конкрета, и буду держать тебя в своих объятиях. Потерпи только еще

немножко, не больше двух недель, Конкрета!

Тут его слова были прерваны появлением на экране между ним и Конкретой какого-то человека с лохматой бородой и выпученными глазами. Человек корчил отвратительные гримасы. Это был сумасшедший (радиогазета предупреждала о нем публику). Он каким-то путем овладел ключом замкнутых волн и врывался повсюду. Уголовная полиция давно уж преследовала его своим контрольным радио, но в настоящее время сыщики не знали, в какой точке земного шара находится сумасшедший. Борис тотчас же соединился с Центральной полицейской станцией в Лондоне и вслед за этим на экране появился сыщик из лондонского Скотланд-Ярда и принял от Бориса сообщение.

День приезда Бориса Конисского был назначен на 3 июня. На этот день были посланы приглашения ближайшим друзьям семьи Дамнитсон. Но все они должны были присутствовать не лично, а только на экране. Отец и мать Конкреты отправились встречать аэроплан на аэродром. Конкрета должна была встретить жениха дома. Сердце громко стучало у нее в груди. Она хотела было с помощью радио проследить за полетом аэроплана из Иокогамы в Нью-Йорк,

но потом передумала. Не было ли гораздо большим счастьем просто ждать, всем существом стремиться навстречу любимому человеку — и знать, что скоро увидишь его!

Отец Конкреты вошел в комнату. На лице его было то недовольное выражение, которое, как говорили, он унаследовал от своего прадеда (бывшего рабочим в угольных копиях, а потом ставшего миллионером). Этот прадед получил прозвище «Дамнит»*, откуда сын его уже назывался Дамнитсон).

Отец Конкреты отдувался.

— Да, Конкрета, мистер Борис Конисский, к сожалению, не приехал с этим аэропланом!

В дверях стояла мать Конкреты и озабоченно пудрила нос. Конкрета сидела вся бледная и дрожащая. Отец успокаивающе кашлянул.

— Но аэроплан привез весточку от Бориса, — сказал он и вынул письмо (настоящее письмо в конверте, как писали в старину).

Отец продолжал:

— И вот еще тебе ящик!

Он поставил на стол маленький черный ящик, похожий на фотографический аппарат.

— По надписи на конверте, — сказал он, — ты должна прочитать письмо одна у себя в комнате.

Родители переглянулись и вышли из комнаты.

Конкрета сорвала дрожащими руками конверт.

«Дорогая Конкрета, — гласило письмо, — меня задержала моя работа и я не могу приехать к тебе сам. Посылаю тебе прилагаемый ящик в качестве посланца. Я вполне понимаю твои чувства при нашем последнем свидании. Прости меня! Теперь все будет хорошо. Прочти на внутренней стороне крышки способ употребления и открывай осторожнее ящик. Как только ты все сделаешь, я появлюсь у тебя на экране. Твой верный Борис».

Конкрета достала молоток и собственноручно открыла ящик. В нем находился маленький аппарат из черного де-

* От англ. Damn it — черт побери, проклятье (*Прим. сост.*).

рева со множеством катушек, детекторов и лампочек. На внутренней стороне крышки было написано: «Соедини провод, обозначенный буквой X, с гнездом твоего радиоприемника».

Конкрета исполнила это и в то же мгновение на экране на стене появился Борис в своем элегантном, хорошо выглаженном кимоно. За его спиной видна была его лаборатория, а рядом стоял маленький аппарат из черного дерева, такой же точно, как только что описанный.

— Конкрета, — сказал Борис, — не думай, что я не могу понять чувств женщины. Они даже соответствуют чувствам, живущим в моей собственной груди. Техника, которой ты так легкомысленно возмущалась, привела и на этот раз человека к победе и поможет нам пережить разлуку. Я три года работал над новым открытием в области радио. Теперь задача решена. И не доставляет ли тебе радость, Конкрета, победа моего разума?

Видишь ли, — продолжал он, когда девушка только нетерпеливо махнула рукой, — мы до сих пор могли заменять присутствие самого человека только перенесением на расстояние его изображения и голоса. Теперь же мы уже дошли так далеко, что можем пересылать за тысячи километров и ощущения. Понимаешь, ощущения? Что это, как не известные электрические колебания нервной системы? Я построил два аппарата — посылающий и принимающий — и стало возможным при помощи радио передавать эти колебания. Ничто уже больше не разлучает людей. Перекинут мост через любое расстояние.

Конкрета, — продолжал он, — видишь ты маленькую эбонитовую пластинку с каучуковой подушечкой, которая соединена проводом с аппаратом, находящимся у тебя в руках? Такая же пластинка имеется, как видишь, и в моем аппарате, в Йокогаме. Вот! — он показал. — Через нее я буду тебе посылать какие угодно ощущения. Возьми, пожалуйста, в руки эту пластинку. Вот так.

Конкрета повиновалась. Она нашла, что маленькая черная подушечка напоминала подушечку для обтирания перьев.

— Конкрета, — продолжал Борис, — я приближаю свои губы к пластинке здесь в Йокогаме, а ты к своей в Нью-Йорке. Результатом будет то, что ты почувствуешь на своих губах мои губы, как в смысле ощущения, так и вкуса, точно я стою в твоей комнате в Нью-Йорке. Малейшее колебание молекул моих губ достигнет твоих губ. Итак, Конкрета, получи мой первый поцелуй.

Щеки Конкреты пылали. Она подняла молоток, который еще держала в руке, и ударила им. Пластинки, стекло, катушки разлетелись вдребезги, а лампочки выстрелили, как горошинки в детском пистолете.

— Что ты делаешь? — застонал на экране Борис.

— Что я делаю? — глаза Конкреты сверкали. — Я хочу дышать полной грудью, вот и все. И если ты завтра же до двенадцати часов, — с первым аэропланом «Северный полюс», — не очутишься здесь, в моей комнате, — и собственной своей персоной, имей в виду, — тут — понимаешь, и не поцелуешь меня — по-настоящему, — тогда все между нами будет кончено! Я выброшу тебя тогда вон из своей волны! И уж навсегда!

Генри Геринг

**ИСЧЕЗНОВЕНИЕ
ПРЕМЬЕР-МИНИСТРА**

В этот вечер герцог Гислей, премьер-министр и министр иностранных дел Великобритании, обедал один в своем дворце. Он был глубоко озабочен: как внутри страны, так и в международных отношениях на политическом горизонте собирались тучи; в течение многих дней ему приходилось сталкиваться со всевозможными неприятностями, и ответственность, делавшаяся тяжелее с каждым часом, лишала его жизнерадостности и аппетита. Часов в девять он взял свою трость, шляпу и вышел подышать свежим воздухом.

Выходя из дворца, он не испытывал и тени того предчувствия, какое нередко предшествует великим катастрофам, а тем не менее, он переступал порог своего дома последний раз как премьер-министр.

— Ах, как хорошо было бы отдохнуть и предоставить другим бразды правления, — мечтал он, идя по людным улицам. — А еще лучше было бы выпить немного свежей воды, — прибавил он про себя, так как вечер был жаркий и душный.

Сесть за столик в одном из многочисленных кафе, переполненных народом, было для него делом немыслимым. Неподалеку он заметил маленький аптекарский магазин, зайдя туда, спросил стакан воды.

Аптекарский ученик, производивший за прилавком какой-то анализ, поднял на него отсутствующий взор, рассеянно протянул руку к полке за бутылкой дистиллированной воды, налил стакан и, передав его премьер-министру, снова погрузился в свои вычисления. Министр выпил воду, поблагодарил и вышел, оставив на прилавке серебряную монету. Эта монета привлекла внимание аптекарского ученика. Вернувшись к действительности, он заметил пустой стакан и в ужасе закричал:

— Боже мой, Боже мой! Я дал ему воду Леты, воду Леты, дарующую забвение, уничтожающую память на более или

менее длительный срок в зависимости от количества выпитой воды. А он выпил почти полный стакан...

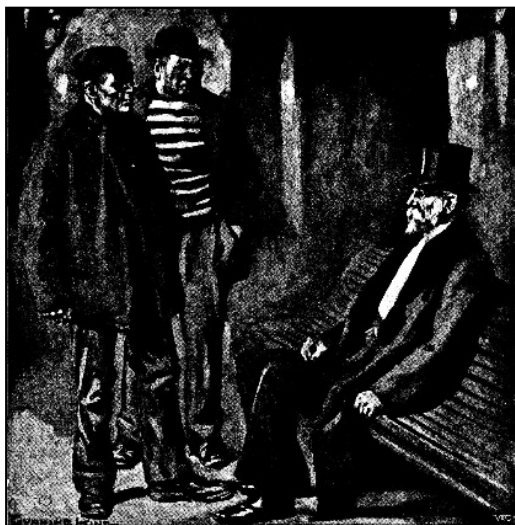
Он начал лихорадочно высчитывать, сколько времени будет действовать такая доза на взрослого человека, и, потрясенный своими расчетами, забормотал:

— Три года и два месяца... В течение тридцати восьми месяцев он не сможет вспомнить даже собственного имени.

Когда первое волнение прошло, он начал размышлять:

— Три года забвения... Поистине, это ужасно... но это более чем достаточно, чтобы он навсегда забыл причину катастрофы... не говоря уж о том, что за три года многое может измениться.

И, почти успокоенный, он вздохнул с облегчением.

Выйдя из аптеки, герцог ощутил блаженное состояние покоя. Все дневные заботы его испарились. Он долго бродил по улицам, удивляясь и восхищаясь всем окружающим и, наконец, присел на лавочку в каком-то парке, ни о чем не думая, ни о чем не вспоминая. Мало-помалу парк опустел, только несколько бродяг слонялись по дорожкам. Двое из них подошли к герцогу.

— Честный буржуй вышел проветриться, — пробормотал один.

— Добрый вечер, сударь, — сказал другой, присаживаясь на лавочку.

Герцог не отвечал.

— Он или пьян, или идиот, — заявил бродяга своему товарищу. — Не пошарить ли нам у него в карманах?..

Они начали ощупывать премьер-министра, вытащили его бумажник и в две минуты совершенно обообрали. Вначале их жертва проявляла некоторые признаки волнения, а затем впала в состояние полного безразличия, предоставив мошенникам радоваться легкой добыче. Один негодяй пожелал обменять свой головной убор на шляпу герцога, а другой натянул на себя его летнее пальто.

После этого здоровый удар кулаком свалил государственного мужа на траву, и бродяги скрылись. Несколько мгновений спустя на дорожке появился какой-то человек. При виде джентльмена в вечернем костюме, в грязной фуражке на голове, сидящего на траве и громко рыдающего, он разразился хохотом:

— Черт возьми, но ведь это же... — И он отвесил низкий поклон. — Добрый вечер, ваша светлость.

Герцог рыдал по-прежнему.

— Недурное положение для вашей светлости. Премьер-министр после попойки! Недурно было бы известить полицию. И оппозиция порадовалась бы. Хотя я придумаю что-нибудь получше.

Он торжественно поклонился и приторно-вежливо продолжал:

— Не окажете ли вы мне честь, ваша светлость, посетить мое скромное жилище? Ваша светлость вспоминает меня? Я — ваш верный оклеветанный лакей, Робсон.

Герцог покорно позволил взять себя за руку.

— Иди, иди, Гислей, — издевался Робсон, таща его к выходу. Он подозвал кэб, дал адрес кучеру, впихнул герцога внутрь и влез вслед за ним.

Минут двадцать спустя они остановились на углу темной улицы в каком-то отдаленном квартале. Робсон распла-

тился и повел своего спутника в грязный закоулок, где они остановились перед очень бедным домом. Он открыл дверь, пропустил герцога вперед, захлопнул за собой дверь и зажег свет.

— Добро пожаловать, ваша светлость, в мое убогое жилище, — сказал Робсон, садясь. — А теперь не мешает нам с вами свести старые счеты. Вы выставили меня за дверь под тем предлогом, что я напивался и воровал. Первый вопрос мы обойдем молчанием, ибо здесь вам, старому пьянице, и карты в руки. Но утверждать, что я не имел права на ваши обноски, которые мне как раз впору, это уже слишком! Вот, кстати, как раз подходящий для меня костюм. В настоящий момент мне приходится довольно туго. Не дальше как вчера я должен был отклонить приглашение в один великосветский дом за неимением костюма. Вы очень любезны, предлагая мне свой.

Он исчез и вскоре вернулся с грубым костюмом, в который он помог герцогу переодеться.

— Это мне напоминает доброе старое время, Гислей, — заметил Робсон. — Мы так же одевались, отправляясь на обед к королю. А теперь вам не мешает обратиться к парикмахеру, не правда ли? Борода вас уродует.

Он схватил ножницы и отхватил бороду премьер-министра до самого подбородка.

— И волосы у вас слишком длинные, Гислей.

И он остриг ему волосы на голове. Даже секретари премьер-министра, без сомнения, не узнали бы его светлости в этом седом старике, закутанном в старую куртку и подмигивающем с самым довольным видом своему бывшему лакею.

— А теперь, Гислей, — сказал Робсон, — если мой разговор вам не нравится, то ваш меня отнюдь не развлекает. А потому я думаю вас отправить, — даже без вашего позволения, — в приют Армии Спасения...

Внезапно его взгляд упал на визитную карточку, всунутую в раму каминного зеркала. Он ударил себя по лбу.

— Вот это дело! Это великолепно! Я вас отправлю не в Армию Спасения, а к этому доброму священнику, карточка

которого Бог знает каким образом ко мне попала.

Он бросил взгляд на визитную карточку и прочел ее вслух:

Преп. Элиа Тимминс

61, Ребекка-стрит.

— Он, небось, вам порадуется. Ну, поднимайтесь, довольно спать.

Ему пришлось потратить немало сил, прежде чем удалось заставить премьер-министра выйти на улицу. Позвав извозчика, он приказал:

— Кучер, вы отвезете моего друга вот по этому адресу, — и он протянул ему визитную карточку. — Вы скажете священнику, что привезли ему племянника с Майорки.

— Откуда? — заворчал извозчик.

— С Майорки, не забудьте, пожалуйста. Их там четыре: Майорка, Минорка и еще какие-то, — объяснил Робсон, стараясь припомнить свои старые разговоры с премьер-министром.

— Ладно, — сказал кучер.

— Всего лучшего, старина! — крикнул Робсон, впихнув герцога в карету и захлопнув дверцу. — Кланяйтесь Элиа.

Было уже около часа ночи, когда экипаж подъехал к дому номер 61 на Ребекка-стрит. Кучер слез с козел и позволил. Через несколько минут открылось окно, и из него высунулась голова мужчины.

— Кто там?

— Ваш племянник с Минорки.

— Кто такой?...

— Ваш племянник с Минорки. Это какой-то остров... Там четыре острова.

— У меня нет никакого племянника на Минорке, — протестовал испуганный священник.

— Ну, конечно, сейчас он не на Минорке, а в моей карете, — заявил извозчик.

— Я его не знаю, тут произошла какая-то ошибка, — уверял священник.

— Какая там ошибка, — закричал кучер, — у нас есть ваша визитная карточка. Спускайтесь скорей и посмотрите сами.

В этот момент в противоположном доме открылось окно и показалась чья-то голова.

— Что тут за шум? — спросил потревоженный жилец.

— Я привез блудного сына в родное гнездо, а его дядя не желает принять его, — орал раздраженный извозчик.

— Какой позор! — заметил тот же голос.

— Не стоять же мне тут всю ночь? — продолжал кучер, поворачиваясь к своему пассажиру. — Эй, вы, вылезайте живее да поговорите с вашим дорогим дядей.

Громко ругаясь, он полез в карету и вытащил оттуда своего седока. В соседних домах начали открываться окна, из них свешивались любопытные, которым священник пытался объяснить причину суматохи.

— Ваш племянник потерял сознание, — кричал извозчик, положив герцога у порога двери. — Если вы оставите его под открытым небом, то можете смело сказать, что убили его своей неосторожностью. Сойдете вы вниз или нет?

II

Мистер Тимминс не колебался более. Он был глубоко убежден, что произошло печальное недоразумение, которое ему удастся выяснить не позже, чем на следующее утро. Минуту спустя он открыл входную дверь.

— Десять шиллингов, это моя последняя цена, — кричал кучер, — не так уж дорого за то, чтобы привезти вашего драгоценного племянника с Минорки. А если заставите меня ждать еще дольше, то извольте заплатить пятнадцать.

— Мэри, мой кошелек, — крикнул несчастный и, пока его жена бегала за деньгами, он попросил извозчика помочь ему перенести герцога в гостиную на диван, где тот снова погрузился в глубокий сон.

Карета уехала, окна соседних домов закрылись, и мистер Тимминс с женой вернулся к своему новому гостю.

— Никогда в жизни я его не видел, — сказал священник, — это какая-то ужасная ошибка.

— У него тонкие черты лица, — заметила его жена.

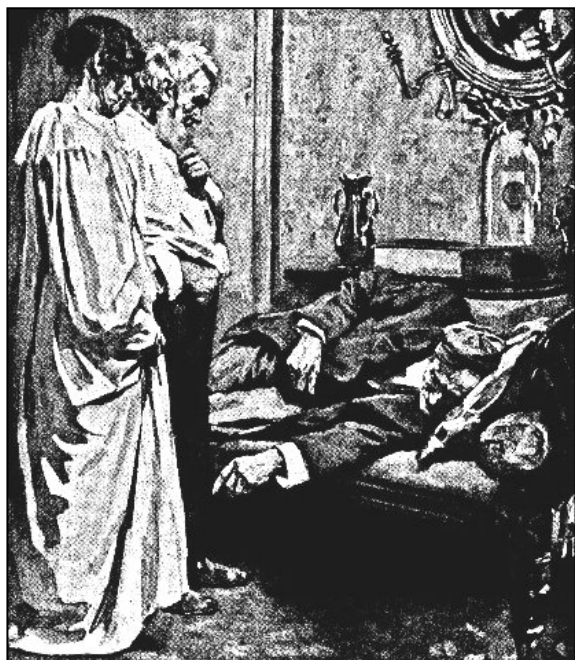
— Ну, а по моему, у него такой вид, как будто бы он только что вышел из тюрьмы, — возразил муж. — Подождем до завтра,

В эту ночь мистер Тимминс спал плохо, а жена его и совсем не сомкнула глаз: она начинала догадываться, в чем дело. В пять часов утра она не выдержала и разбудила мужа, чтобы поделиться с ним своими соображениями.

— Элиа, — сказала она, — это дядя Сэм.

— Кто? — проворчал муж.

— Дядя Сэм. Он уехал в девственные леса Австралии, когда я была совсем маленькой, и говорил, что когда-нибудь вернется. Он очень богат.

— Это было бы недурно, — заявил мистер Тимминс, жалевший о своих десяти шиллингах.

Часов в семь утра миссис Тимминс, услышав шум в гостиной, оделась и сошла вниз поздороваться с гостем. Он стоял у окна.

— Здравствуйте, дядя Сэм, очень рада вас видеть, — сказала она, направляясь к нему.

Герцог обернулся. Увидя улыбающееся лицо и протянутые к нему руки, он улыбнулся в ответ, и они дружески поздоровались.

— Надеюсь, сегодня вы чувствуете себя лучше, — продолжала она.

Гость пробормотал какие то нечленораздельные слова. Она повторила вопрос и в ответ услышала те же странные звуки. Вне себя от изумления, она побежала к мужу.

— Это действительно дядя Сэм, — объявила она, — но он забыл свой родной язык и умеет говорить только по-австралийски.

— Что за чепуха!..

— Идите вниз и посмотрите сами.

Мистер Тимминс спустился в гостиную, и жена представила их друг другу. Дядя Сэм улыбнулся, горячо пожав ему руку, но не мог произнести ни одного понятного слова.

— Какой ужас, — простонал бедный священник, — что же мы будем теперь с ним делать?

— Прежде всего, надо учить его английскому языку, — решила жена. — Дядя Сэм... Элиа... Мэри... — начала она, указывая герцогу пальцем по очереди каждого.

III

Герцог повторял слова и быстро запоминал их. Обучение продолжалось и за завтраком, к концу которого гость твердо запомнил слова «мармелад» и «масло», растапливая мало-помалу ледяной скептицизм священника.

Слух о прибытии не то племянника, не то дяди или дедушки мистера Тимминса распространился с необычайной быстротой и взбудоражил весь квартал. Но к концу дня это событие отошло на задний план перед потрясающей новостью об исчезновении премьер-министра. Это исчезновение совпало с серьезными осложнениями в области внешней политики и вызвало настоящую панику; рента упала до 83. Была назначена награда в десять тысяч фунтов тому, кто найдет герцога, но все оказалось напрасно. Несколько дней спустя пост премьер-министра был занят другим государственным мужем.

Тем временем герцог Гислей, ставший Самуэлем Белей, делал быстрые успехи в начальных науках. Через месяц он

мог свободно излагать свои мысли. К концу года он бегло читал и писал. Ему нашли место счетовода в конторе Хиченса.

Так прошли три года и два месяца. Однажды вечером счетовод Хиченсов, комиссионеров по продаже индиго, лег спать в состоянии странного возбуждения. Во сне индиго странным образом смешивалось с индийской рупией, племянник Элиа с посланником Франции, а Мэри с ее величеством королевой. К утру мысли его стали яснее.

— Кабинет собирается в полдень, — думал он, — в одиннадцать часов я получу шифрованные телеграммы из Парижа и Каира, а посланник явится не раньше четырех. К этому времени наше положение определится.

В эту минуту кто-то постучал в дверь.

— Кто там? — крикнул он.

— Вы опоздали, дядя Сэм, — ответил чей-то голос, — завтрак уже давно готов.

Он спрыгнул с постели и поднял шторы.

«Где же это я?» — подумал он. Он увидел себя в зеркале и не узнал. Посмотрел на часы: у него были золотые часы, а эта серебряная луковка, очевидно, не его, хотя и кажется ему странным образом знакомой... Что это все означает?.. И почему лакей не приходит одевать его?.. Тут какая-то тайна... Он нерешительно спустился вниз. В маленькой столовой он увидел Мэри и Элиа. Почему они называют его дядей Сэмом?

— Я боюсь, как бы не опоздали в контору, дядя, — сказала Мери. И герцог поймал себя на том, что он испуганно посмотрел на часы. Перед его глазами промелькнул магазин Хиченса. В девять часов он должен быть за своей конторкой, нужно просмотреть счета на индиго. Но как же быть тогда с заседанием кабинета министров, назначенным на двенадцать часов?

— Вы плохо выглядите сегодня, дядя Сэм, — сказала миссис Тимминс, — вам нужно денек отдохнуть. Я уверена, что мистер Хиченс согласится на это. Элиа зайдет в контору предупредить его.

— Благодарю вас, Мэри, — ответил герцог. — Действительно, я чувствую себя неважно.

Мистер Тимминс собирался уходить, когда герцог бросил ему коротко: — Останьтесь, — и предложил сесть, повелительно указывая на стул жестом, совершенно несвойственным дяде Саму.

— Элиа и Мэри, — сказал он, — не будете ли вы так добры объяснить мне, кто я такой?

Мистер и мистрис Тимминс с грустью посмотрели друг на друга. Неужели с ним начинается новый припадок?

— Но вы — дядя Сэм, — ответила спустя минуту Мери.

— Конечно, конечно... а однако, я прекрасно знаю, что я не дядя Сэм, — объявил герцог.

— А кто же вы? — спросил мистер Тимминс.

— Я — герцог Гислей.

Мистер и мистрис Тимминс обменялись скорбным взглядом.

— Ну конечно, вы — герцог Гислей, — подтвердил Элиа. — Мы всегда это знали.

— Но почему же вы называете меня дядей Сэмом?

— О, это просто ласкательное имя.

— Но, сударыня, — возразил герцог, — на каком, собственно, основании вы называете меня ласкательным именем?

— Вы совершенно правы, — кротко ответил мистер Тимминс. — На каком основании? Нет никакого основания.

— Не будете ли вы так добры, — продолжал герцог, — сказать мне, сколько времени я живу с вами?

— Уже года три, — сообщил мистер Тимминс.

— Три года! — воскликнул герцог. — Вы в этом совершенно уверены?

— О да, вполне уверен.

— Как я попал сюда?

— Вы приехали с Минорки на извозчике.

— С Минорки, на извозчике? Если я еще не сошел с ума, то это не замедлит случиться.

— Нет, нет, дорогой дядя! Вы просто немного переутомились. Вам нужен отдых, покой. Я принесу вам сейчас капель...

— Довольно, — сказал герцог, — меня ждут срочные депеши в министерстве иностранных дел.

С этими словами он направился к двери, но мистер Тимминс преградил ему дорогу, в то время как миссис Тимминс обхватила его обеими руками.

— Дядя, сядьте, — умоляла она, — прошу вас, успокойтесь.

— Сударыня, — закричал взбешенный герцог, — я прошу вас пустить меня.

— Я вас отсюда не выпущу, — заявил мистер Тимминс решительным тоном.

Герцог Гислей, будучи дипломатом по профессии, сел на диван и вступил в переговоры.

— Выслушайте меня, — начал он. — Я не сумасшедший, как вы думаете, и совсем не ваш дядя. Я — герцог Гислей; каким образом я попал сюда, я объяснить не могу, и в настоящий момент это не имеет большого значения. Крайне важные депеши ожидают меня в министерстве иностранных дел, и я должен отправиться туда немедленно. Вы пойдете со мной, Элиа, и, если там откажутся меня признать, я обещаю вам сейчас же вернуться домой.

Герцог говорил совершенно спокойно, и его слова произвели некоторое впечатление на слушателей.

— Как вам угодно, дядя, — согласился Элиа. — Идемте хоть сейчас.

В конце улицы герцог нанял кэб. Они подъехали к министерству иностранных дел. Герцог через две ступеньки взбежал на лестницу и направился к швейцару.

— Сэр Руперт здесь? — спросил он.

— Вам было назначено прийти, сударь? — осведомился тот.

— Нет, я — герцог Гислей.

Почтительное выражение лица швейцара моментально изменилось.

— Теперь это уже не производит впечатления, — сказал он. — За те три года, что я здесь служу, к нам каждую неделю приходят по два, по три.

— Видите, дядя Сэм, — сказал мистер Тимминс, дергая герцога за рукав. — Пойдемте лучше домой.

— Замолчите, Элиа, — возразил его светлость.

Повернувшись снова к швейцару, он сказал:

— Я попрошу вас дать мне лист бумаги и конверт.

Его повелительный вид, которым он так хорошо умел пользоваться, когда его принуждали к тому обстоятельству, произвел впечатление на швейцара. Тот с поклоном повиновался. Герцог поспешно нацарапал несколько строк и запечатал конверт.

— Немедленно отнесите это сэру Руперту, — приказал он. Сэр Руперт был товарищем министра.

Через несколько минут какой-то сановник поспешно бежал с лестницы, перепрыгивая через две ступеньки, и, поколебавшись одно мгновение, бросился к герцогу и схватил его за руки:

— Ваша светлость, ваша светлость, — лепетал он с полными слез глазами.

— Ну, Элиа, верите вы мне теперь? — спросил герцог.

Мистер Тимминс попытался что-то проговорить, но слова застряли у него в горле.

— Идем наверх, — сказал герцог, дружески хлопнув его по плечу. — Сэр Руперт объяснит нам все.

Но сэр Руперт оказался не в состоянии что-либо объяснить.

IV

Возвращение герцога Гислея, окутанное дымкой таинственности, произвело необычайную сенсацию во всей стране. Жители Ребекка-стрит с удивлением и восторгом узнали, что среди них в течение трех лет жил исчезнувший пре-

мьер-министр. Вся улица была охвачена волнением, когда на следующий день герцог Гислей в последний раз явился к Мэри и Элиа на торжественный чай. Тротуары были заполнены любопытными, и священник боялся высунуть нос на улицу. Кричали «ура» в честь его светлости и немало восторженных восклицаний досталось по адресу «старого Сэма Белея», а когда на пороге появилась Мэри и герцог по старой памяти поцеловал ее, восторг толпы дошел до неистовства.

На следующей недели мистер и мистрис Тимминс уехали с Ребекка-стрит наставлять на путь истинный нонконформистов в поместье герцога, и косые взгляды собратьев-священнослужителей больше не беспокоят достойную пару. Герцог нашел, что ответы на важные депеши давным-давно составлены его заместителем, и все время, свободное от выполнения необходимых формальностей, связанных с его возвращением, посвятил разъяснению вопроса о своем загадочном исчезновении и необъяснимой метаморфозе. Но все попытки оказались тщетными. Он мог только вспомнить, как в один прекрасный вечер вышел прогуляться; далее в его памяти образовался полный пробел.

Два человека могли бы пролить свет на это дело. Один из них — аптекарский ученик. Другой — человек с рыжими усами, который содержит дрянной трактирчик в грязном переулке отдаленного квартала. Но по некоторым соображениям оба предпочитают хранить молчание.

Вебстер Воррелл

ГОРОД МОЛЧАНИЯ

Фантастический рассказ

Инженер Лаутон прочел в газете интересную новость, которой решил поделиться с женой. Он медленно поднял глаза от газеты и — слова застыли на губах его. На него смотрели испуганные, полные ужаса глаза жены. Красивое лицо ее побледнело. Губы шевелились, словно хотели что-то произнести, но слов не было слышно.

— В чем дело? — крикнул он. Но своих слов он сам не услышал. Хотя язык его свободно повиновался ему, мускулы двигались — все же ни один звук не вылетал из его рта. Жуткое чувство страха охватило его. Он вынул часы. Видел, как передвигалась секундная стрелка, но тиканья не было слышно.

Лаутон снова посмотрел на жену. В глазах ее он прочел такой ужас и мольбу о помощи, что у него заглохло сердце. Тогда мелькнула у него остроумная мысль; он схватил лист бумаги и поспешно написал:

— Ты слышишь что-нибудь?

Лихорадочно следил за тем, как рука ее выводила в ответ:

— Ничего, милый. Что это значит?'

— Не пугайся. Я не знаю, вследствие каких причин, но мы, кажется, оглохли. Вероятно, была гроза, и сильный удар грома оглушил нас.

Лаутон встал и подошел к окну. Достаточно было посмотреть на небо, чтобы заметить, что о грозе не может быть и речи. Был прекрасный вечер. Высоко взошедшая полная луна бросала задумчивые блики на окна и стены домов. На небе — ни облачка.

Беззвучно мчались автомобили. Вон испуганно пробежал рабочий. Какая-то женщина с ребенком на руках недоумевающе прислонилась к фонарю.

Лаутон испытывал странное чувство: при виде всего происходящего он облегченно вздохнул и одновременно испугался. Очевидно эта ужасная глухота поразила не только его и Диану, но и весь город...

Инстинктивно повернулся.

В это время в комнату неслышно вбежала горничная. Отчаянно жестикулируя и широко разевая рот, она силилась объяснить, что с ней произошло что-то ужасное. Но строгий взгляд Лаутона привел ее несколько в себя.

Набросав несколько слов, он подал жене записку:

— Я выйду узнать, в чем дело. Ты же оставайся здесь и ни на шаг не отпускай Мэри. До свидания!

Диана попыталась улыбнуться, что то прошептала, но ничего не было слышно.

«Оставайтесь здесь и смотрите за барыней» — написал Мэри Лаутон. Затем поцеловал жену, одел шляпу и вышел на улицу.

Если полное молчание в комнате было ужасным, то на улице оно подавляло и наводило трепет. Лаутон не слышал даже своих собственных шагов. Дорогой он встретил двух-трех человек. На лицах их он прочел ужас и растерянность.

Из-за перекрестка, молча и бесшумно, вынырнул огромный автомобиль с зажженными электрическими фонарями. Лицо шофера было озабоченно. Напряженность застыла в его глазах. Лаутон пошел дальше.

С каждой минутой глаза его встречались с картинами ужаса и недоумения. В голове его шумело. И это единственное обстоятельство навело Лаутона на мысль, что в этой неожиданной катастрофе повинно электричество.

Вдруг он почувствовал, что кто-то дергает его за руку, обернулся и узнал своего коллегу Уэльса. Глаза его с пытливым вопросом обратились на Лаутона. Последний недоумевающе пожал плечами и сделал жест, приглашающий Уэльса сообща добиться <объяснения> причины этой неожиданной глухоты и ужасного молчания. Он все же остановился и написал в своей записной книжке:

«Я думаю, что произошла какая-то катастрофа в электрических волнах».

Выражение спокойствия появилось на лице Уэльса и он взял Лаутона за руку.

На углу друзья увидели две отчаянно жестикулирующие фигуры. Нервный господин в шелковой шляпе и чер-

ном сюртуке что-то старался объяснить, но полисмен не слышал и не понимал!

Эта картина была так комична, что могла бы вызвать смех, если бы все это не было так грустно.

Лаутон остановился и показал ему свою записную книжку. Выражение спокойствия появилось и на их лицах, как прежде на лице Уэльса.

Друзья повернули и вышли на широкую, всегда шумную улицу. Странное зрелище представляла она собой. Все толкались, раскрывали рты и беззвучно закрывали их. Пара лошадей вдруг испугалась и понеслась. Напрасно кричал и предостерегал извозчик — его не слышали. Вот лошади наскочили на какую то женщину и смяли ее.

«Довольно. Мы достаточно видели и можем возвратиться домой», — написал Лаутон Уэльсу. Последний утвердительно качнул головой.

II

Все утренние газеты были посвящены ужасному событию. Телеграф принес известие, что глухота поразила только Лондон и окрестности на протяжении тридцати миль в округности. Громадная местность погрузилась в мертвую тишину. Вне ее все шло по-старому.

Это непонятное событие произошло вечером в девять с половиной часов. Невозможно передать ту панику, которая охватила город. В особенности увеселительные места. Артисты еще пытались что-то сказать, закончить начатую фразу, спеть арию, но — безуспешно. Одна знаменитая певица сошла с ума. Другие заливались горячими слезами. Но мертвая тишина стояла в театре.

Сейчас же начались ученые заседания для исследования причины явления. Пришли к выводу, что глухота — отнюдь не метеорологического происхождения, а является следствием каких-то неведомых электрических волн, заглушаю-

щих все звуки. Скорее всего, можно предположить, что эти волны — дело рук человеческих.

Вокзалы осаждались огромной толпой: все спешили выбраться из ужасного Города Молчания. Поезда уходили в двойном и тройном составе. Никто не знал, когда и чем кончится эта ужасная глухота.

III

Лаутону и Уэльсу было поручено электрическим обществом исследовать и установить причину явления.

После упорных экспериментов и изысканий они установили, что глухота вызвана какими-то электрическими волнами. Удалось даже установить, что центр этих волн находится около Гемпшира.

Друзья недоумевающе взглянули друг на друга.

«А дальше что?»

«Знаете, — вдруг написал Лаутон, — я, кажется, догадался. Как раз около Гемпшира живет какой-то странный субъект, инженер и большой нелюдим — Майер. За последнее время, как мне передавали, он обращался к различным фирмам с какими-то заказами. Может быть, причина кроется именно в нем?»

Уэльс согласился с этим мнением и написал:

«Пойдем к нему вместе. Вы — как представитель электрического общества, а я — как частный инженер. Авось, что-нибудь удастся разузнать».

Не теряя времени, друзья немедленно отправились к Майеру. Он жил в мрачном и утрюмом доме с башней на крыше. Дом производил впечатление средневекового замка.

Лаутон внимательно оглядел этот дом и подошел к парадной двери. Он нажал электрическую кнопку звонка; через несколько минут тяжелые двери открылись и на пороге появился утрюмого вида слуга, пригласивший их войти. Друзья обменялись удивленными взглядами. Звонок был услышан: значит, этот дом изъят из глухой полосы.

Какими-то темными коридорами и лестницами слуга их провел в полутемную комнату, где они увидели высокого худого человека. Лицо его походило на лицо мертвеца, так изжелта-бледно было оно. Костюм висел на нем, как на палке. Кости выдавались. Только глаза его горели — и в них видна была огромная душевная и умственная сила.

Как только вошли они в эту комнату, как до их слуха донеслись какие-то неопределенные звуки. В эту же минуту они слышали слова:

— Что вам угодно, господа?

От неожиданности и удивления ни один из них не нашелся, что ответить. Это были первые слова, которые они слышали за долгие часы молчания.

Наконец Лаутон пришел в себя и в нескольких словах описал цель своего визита и спокойно спросил — не он ли виновник всего этого переполоха?

— Да!

Голос Майера звучал глухо, но спокойно. Чувствовалась какая-то страшная сила в нем.

— Но я не понимаю, зачем вы ко мне пожаловали?

— Мы желали бы узнать, с какой целью вы оглушили весь город? И долго ли вы намерены шутить?

— А по какому праву задаете вы мне эти вопросы?

— По праву граждан. Вы, вероятно, не имеете представления о том, что вы наделали? На улицах Лондона страшная паника.

— Я не выхожу из своего дома, и общения с людьми почти не имею.

Тогда Лаутон рассказал ему все, что происходило на улицах в течение последних дней.

— Я этого не ожидал! — возразил Майер, медленно проводя рукой по лбу. — Но это скоро окончится: сегодня в 9 часов 34 минуты вечера. Теперь позвольте мне сказать для пояснения несколько слов. Некий миллиардер, — имени его я назвать не могу, — заинтересовался моими опытами и открытиями. Когда я ему на днях сообщил, что мне удалось изобрести такие электрические волны, которые способны поглотить все звуки, он не поверил и предложил произ-

вести опыт. Я согласился. Для пробы он предложил мне погрузить в молчание Лондон и ближайшие окрестности его. В случае удачи он обязан дать мне огромную сумму денег для дальнейших изысканий. Его недоверие подстрекнуло меня, и я, не приняв во внимание всех последствий подобного опыта, в тот же день приступил к нему. Как видите, он удачно прошел. Но сегодня истекает срок моего опыта и к десяти часам Лондон заживет прежней жизнью.

— Не будете ли вы добры познакомить нас с вашими приборами и лабораторией?

Майер отрицательно покачал головой.

— Ни одна человеческая душа не должна видеть мою лабораторию. Вы сами видели, что мое открытие может принести людям только один вред. Так пусть же оно останется неизвестным людям. Сегодня вечером — в тот момент, когда истечет сорокавосемичасовой срок моего опыта, — я взорву свою лабораторию. И в тот же момент Лондон заживет прежней шумной жизнью.

— А вы при этом не пострадаете? — с невольным интересом к этому странному человеку спросил Лаутон.

— Нет! Взрыв будет произведен с помощью бикфордова шнура. Дом мой не пострадает.

Они простились и вышли. Снова объяло их царство молчания.

«Прежде всего, необходимо оповестить газеты о том, что сегодня вечером Лондон снова заговорит», — написал Лаутон Уэльсу.

«Конечно».

Через два часа весь Лондон узнал радостную весть.

IV

Ровно в 9 ч. 34 м. в Гемпшире раздался оглушительный взрыв. Его слышали все, ибо в это мгновение колдовство разрушилось. Знакомые звуки заполнили улицы. Прежний шум, визг, грохот. И через несколько часов прошедшие ужасные двое суток стали казаться лишь тяжелым сном.

Харальд Бергстедт

ЧЕЛОВЕК С ПОРОШКОМ

I

Я хорошо его помню.

Миниатюрного человечка аристократической внешности, для которого все и вся были как бы пустым пространством; сухонького и вылощенного; с глазами за стеклами пенсне, с пенсне в облаках сигарного дыма.

Он был курортный гость в самом разгаре сезона, а я — скромный репетитор в местечке.

Сам не знаю, по какому поводу и, кто его знает, с какой целью, но это он завязал знакомство, протянул мне однажды на улице — осторожно — руку. Я, как сейчас, вижу эту гладенькую ручку, такую хрупкую, изящную в моей неуклюжей плебейской лапище.

Помню, я потом долго шаркал и тер свои руки, словно выскребывая из них ощущение чего-то диковинно приторно-сладкого.

II

Мы стали соседями.

Я снимал в боковой улице мансарду у вдовы булочника, владелицы четырех котов.

Он переехал из отеля к вдове сапожника, как раз напротив. Ха! Достопримечательное зрелище: чопорный господинчик, с ног до головы в шелку, ютится в таком логове нищеты.

Но у него было свое хозяйство, и необыкновенное, что-то вроде лаборатории, а это не всякому квартирному хозяину по вкусу. Иногда он выходил на солнце в длинном белом халате мыть и прополаскивать свои колбы и реторты — с самым свирепым видом.

Над чем он работал?.. Кто его знает? В отеле он был записан графом и профессором. Три-четыре дня подряд мы с вдовой булочника наблюдали, как он возвращался домой в сопровождении мальчика из мясной лавки, тащившего за ним огромные куски говядины или баранины.

Моя невеста, больничная сиделка, рассказывала, что главный врач считал его хирургом, который практикуется на кусках мяса.

Раз я видел, как две важные барыни атаковали его расспросами. Но он только улыбался — безукоризненно любезной улыбкой светского человека — и качал головой.

В последние дни он стал подманивать к себе молоком бездомных кошек.

— Какой то зловещий у него вид, — заявила моя вдовушка; у нее, видно, сердце защемило от страха за своих четырех кисок.

III

Я попал в члены правления одного народного кружка как раз перед устройством большого праздника — гулянья. Пришлось самому бегать по местечку и расклеивать афиши, — экономия была необходима, а никто другой не соглашался работать даром. Затем я взобрался на триумфальную ар-

ку, чтобы обвить ее ельником и увенчать короной из цветов вереска.

— Однако! Графская корона! — послышался внизу насмешливый голосок. — В виде благородного допинга для нашего дорогого, пробуждающегося народа? Не правда ли?

Я не нашелся, что ответить, а потому покраснел и продолжал постукивать молотком.

— Ну-ну! — хихикнул он и вскоре засеменил дальше.

Через полчаса он возвращался назад.

— Как! Вы все еще торчите там, наверху?

Ясно было, что ему хотелось завязать разговор, но я не простил ему «дорогого пробуждающегося народа».

— А вам желательно, что ли, самому приложить руку? — колко спросил я.

Он с комическим испугом пожал плечами.

— Вам что-нибудь платят за это занятие? — опять задал он вопрос немного погодя.

— А вам платят за то, что вы стоите там внизу и надрываете свои легкие? — щелкнул я его опять.

— Простите, сударь, — воскликнул он, — я задал глупый вопрос.

...И он усмехнулся, приподнял шляпу и ушел.

Но на другой, стало быть, день он остановил меня на улице и пригласил заглянуть к нему.

IV

Он надел свой длинный белый халат и провел меня в заднюю комнату.

— Вот здесь моя мастерская, где я работаю... по-своему, на благо возлюбленного человечества, тоже не получая за все свои хлопоты ни гроша медного.

Я ожидал увидеть ножи, ведра крови, полотенца в кровавых пятнах, а передо мной сверкали стеклом сотни колб, пробирок и реторт, банки и бутылки со всевозможными жидкостями и кислотами. На одном блюде лежал огромный ростбиф, а на столе возле, на свинцовой бумажке, щепотка ярко-синего порошка; в воздухе странно пахло чем-то, вроде гелиотропа.

— Вы алхимик? — спросил я.

— Был... работал над «облагорожением» металлов, как вы, дорогой друг, работаете над «облагорожением» возлюбленного человечества. Но мои опыты завели меня на новые

пути, и в один прекрасный день я сам себя озадачил одним открытием, о котором мои счастливые современники еще ничего не ведают.

Он, усмехаясь, потер руки.

— Вот как! Что же вы открыли? — спросил я.

— Увы, старую истину, что всякая плоть бrenна, да еще в большей степени, чем воображает наш самоуверенный род людской.

Он указал порошок. Я было хотел потрогать его кончиком мизинца, но граф с быстротой молнии оттолкнул мою руку.

— С ума вы сошли!.. Да, стоило бы дать вам дотронуться... — захихикал он, поглядывая на меня. — Что, однако, за странное, необъяснимое чувство — симпатия! — продолжал он. — Никогда до сих пор не имел я друга, поверенного; я едва знаю ваше имя и тем не менее готовлюсь сейчас посвятить вас в самую замечательную тайну с той же инстинктивной уверенностью, с какой юноша впервые берет девушку или оса-паразит находит, к кому присосаться. Странно, не правда ли?.. Пожалуй, это величайшая загадка бытия. Ну, а теперь глядите во все глаза, дружок!

Он почти торжественно засучил рукава, согнул бумажку с порошком, быстрым мягким движением высыпал содержимое на свежий, сочный ростбиф... и тут произошло нечто неопишваемое.

Я только что успел схватить глазом лазоревую щепотку порошка на багровом фоне говядины, как в ту же секунду на месте мяса закипел какой-то водоворот, закрутился миниатюрный смерч... и мясо исчезло, на тарелке осталась лишь серая пыль, прах, укладывавшийся холмиком и распространявший вокруг запах гелиотропа, столь сильный, что у меня сделалось сердцебиение.

— С этим покончено, — с тихим клокочущим смешком проговорил он. — Теперь смотрите сюда.

Он протянул руку за окно и сорвал ветку бузины, темно-зеленую, сочную, но всю густо облепленную жирными травяными вшами. Он с отвращением положил ее на тарелку и чуть-чуть посыпал порошком...

Пуф-ф... Повеяло гелиотропом, и — листья, стебель, вши — вся мерзость разом пропала, претворилась в кучку чистенькой пыли, праха.

— Не правда ли, своеобразный взрыв? — спросил он. — Бесшумный, всеразрушающий, катастрофический для всякой живой ткани — поскольку и кусок сырого бычачьего мяса можно назвать живым. Следовало бы, конечно, проделать опыт над живым быком. Как вы думаете, не пойти ли нам вечером в поле, высыпать пакетик порошка на одну из коров арендатора?

Признаюсь, я возмутился, запротестовал.

— Ну, полно, — возразил он. — Из праха взятый в прах и обратится; арендатор знал это, когда покупал их; кроме того, у него их не одна, а целых пятнадцать.

Представьте! Он успел пересчитать стадо.

— Неужели вы действительно?

— Всенепременно. самого огромного быка мы заставим исчезнуть, как мыльный пузырь... Никому и в голову не придет, куда девался бык, раз никто не увидит, как это случилось... Стало быть, эксперимент вполне безопасен. — Что? Если явится нечаянный свидетель, например, — сам арендатор?.. Что ж, нам стоит только посыпать и его порошком, чтобы избавиться от него навсегда, и... этого доброго человека избавить от всех земных горестей.

Сухонький человек кинул это добавление с мягкой аристократической невозмутимостью, как будто ему все было дозволено. Я же, как истинный сын народа, воспитанный в страхе и гнете закона, напротив, чуть не задохся при одной мысли...

— Увы! — вздохнул он. — Будь у нас под рукой хоть кошка!

— Живая? — испуганно воскликнул я. Теперь-то я понял, с какой целью он заманивал кошек молоком. Четыре жирных кота моей вдовушки серьезно рисковали попасть в беду.

— Да как их поймашь, этих проворных бестий! Они, пожалуй, симпатическим путем чувствуют, что их собираются «пульверизовать», а им это вовсе не улыбается. Вот, если

бы мадам Меллер добыла нам хоть одну... Эй, мадам Меллер!

Вошла мадам Меллер, придурковатая неряха, тугоухая разиня, кофейница, мать восьмерых слабоумных ребят, из которых двое уже угодили в приют для идиотов. Большие очки на носу, а на шее — от самого ворота платья до уха — туберкулезная язва.

— Достаньте нам кошку! — отрывисто приказал он, отходя к ней, словно к какому-то клоуну на арене жизни.

— Плошку? Плошку? — переспросила она и принялась шарить на этажерке так, что полки затряслись, слетела на пол газета и целая коробочка порошка опрокинулась бабе прямо на голову.

Я расслышал крик вскочившего профессора... Увидел голубые пятна и полоски порошка на белой коже головы под жирными черными волосами... А потом сероватый смерч взвился с пола к потолку и осел небольшой кучкой праха, распространяя удушливый запах гелиотропа, от которого подымался звон в ушах.

— Благодарю, не ожидал! — произнес он. — Вот тебе и мадам Меллер — взорвалась!..

Сердце мое неистово колотилось в груди от ужаса: погибла ведь жизнь человеческая! А он стоял себе с улыбочкой и с видом живейшего интереса сказал:

— Изумительно все-таки, даже гребенка, и та исчезла, и шлепанцы! Понимаете?

— Мама! Мама! — позвала из коридора старшая дочка мадам Меллер, восемнадцатилетняя девушка, гнусавая от полипов в носу. — Мамы у вас нет? — простодушно просунула она голову в дверь.

— Ах ты, какая оказия! Пыли-то сколько насело! Не прийти ли с метелкой?

— Пожалуйста, — ответил он.

— Ну, знаете ли!.. — воскликнул я. — Ведь это ее собственная мать...

— Тише! — шепнул он, схватив меня за руку. — Или и вам захотелось отправиться той же дорогой?

Я окаменел. Думаю, что и с вами, дорогой читатель, бы-

ло бы то же.

Девушка принесла метелку и сорную лопатку, а немного погодя унесла на лопатке собственную мать.

— Скажите сами, что же оставалось нам делать иначе? — зашептал он. — Заявить о происшествии? Рассказать? Кому? Ни одна живая душа в мире нам бы не поверила. Мадам Меллер исчезла. Это факт. И разве это не лучший исход для нее самой, откровенно говоря? Да лучше было бы и ее бедной дочке отправиться за ней следом.

Он сухо, отрывисто засмеялся. Он ведь был аристократ, турист, курортный гость... А я — всего-навсего учитель... Вдобавок, я был знаком с мадам Меллер давно, в течение многих лет беседовал с ней...

Смерть застигла ее как раз посреди не совсем грамотно составленной фразы:

— Не может быть, чтобы что могло взять, да как будто пропасть, словно...

Договорить ей не пришлось, — на нее посыпался порошок...

И она исчезла.

V

Я плохо спал в ту ночь.

Я ведь так часто слышал над открытой могилой великолепную формулу «из праха взята всякая плоть и в прах обратится», и все-таки — увидеть воочию, как живое существо исчезает, рассыпается прахом... Это сильно потрясло меня, недавно помолвленного молодого человека, полного сил, брызжущего здоровьем.

Но затем меня заняла более интересная мысль: что теперь будет делать полиция?.. Бедная мадам Меллер, так неосторожно провалившаяся в другой мир или, во всяком случае, простившаяся со здешним!.. Ни одна посторонняя душа в городке не интересовалась ею, пока она была жива,

но ее непостижимое исчезновение, несомненно, превратит все местечко в потревоженный муравейник.

Чего доброго, и меня вызовут для дачи показаний. Что же мне тогда говорить?

Посоветуюсь завтра с моей невестой, когда она вернется из больницы. Что она скажет?

VI

Но этого я так никогда и не узнал.

Попытаюсь рассказать о том, что случилось... Это ведь было уже так давно!

Городок был взволнован. Повсюду мелькали полицейские кепи с золотым галуном.

Возвращаясь вечером домой с последнего урока, я зашел под ворота переждать дождик, и тут со мной заговорил наш пастор:

— Ваша невеста у вас?

— А вот пойдемте вместе и увидим.

В кухне, на газовой конфорке, шипели на сковородке четыре котлетки.

— Дорогая! — весело крикнул я. Проходя в комнату, но сразу остановился, как вкопанный. В нос мне ударило острым запахом гелиотропа, а посреди комнаты на полу серебрила кучка пыли... такая маленькая... о-о, такая крохотная... под стулом же блестела закатившаяся туда пустая жестяная коробочка, в которой я принес домой щепотку порошка — показать своей невесте.

— Удивительно, как сильно пахнут эти гелиотропы, — сказал пастор, — но фрекен Хэст здесь не видно...

С этими словами он ступил своими мокрыми сапогами на маленькую кучку праха... на то, что осталось от всей той доброты и преданности, к которой я был так привязан здесь на земле.

— Ну, делать нечего, я еще успею с ней повидаться, — сказал он, уходя.

Но я уже не слышал его шагов. Я упал возле этой кучки праха, которая, как я отлично понимал, за пять минут до этого говорила, жила, дышала, ждала меня и желала мне только добра.

Я лежал на полу, плакал, ласкал прах, припадал к нему щекой, перебирал его пальцами... но он оставался холодным, безжизненным. У меня не осталось в памяти ни легкого вздоха, ни вскрика удивления, который она, может быть, испустила, когда открыла коробочку и... о, нет, нет!..

А вон там... там, на стуле... ее дождевой плащ, еще мокрый от дождя. Смоченный той дождевой тучкой, что оросила ее последний путь домой...

В складках занавесей как будто притаился ее звонкий смех... и слышите — в кухне еще жарились, шипели на огне котлетки... на огне, который она сама зажгла... шипели так оживленно, как будто она невидимкой стояла возле и переворачивала их на сковородке...

Я снял сковородку с огня, но не решился потушить газ. Этот огонек стал для меня как бы священным, как будто в нем теплилась живая душа моей исчезнувшей подруги.

VII

Две недели я проболел; в мозгу моем пылало безумие, и я бредил порошком и газом, газом и порошком.

Я позволил вымести кучку пыли, но запретил тушить пламя газовой горелки.

Две недели пролежал я, вперив взгляд в маленькое пламя; в его тихом шипении мне чудилось последнее «прости» моей несуществовавшей подруги. Наконец, в одно прекрасное утро, моя экономная хозяйка предложила моей сиделке потушить газ, пока я сплю.

Я в тот же момент очнулся от своей дремоты, но было уже слишком поздно. Пламя погасло. Тогда я, несмотря на крики и протесты, вскочил с постели, оделся и выбежал из дома, потому что комната показалась мне вдруг такой чу-

жой и холодной, как нора, вырытая в сырой глине.

Я бродил по городу. Он показался мне опустевшим. Бродил по окрестным лесам... и они показались мне пустынями.

Я видел на телеграфных столбах размокшие от дождя клочья моих старых афиш. И понять не мог, как это у меня когда-либо хватало охоты расклеивать их.

Дети играли. Я понять не мог, — что за охота им играть.

Учителя шли в школу. Я постичь не мог — какая им охота тащиться туда.

В моей собственной душе погас огонек, стало темно, холодно, пусто. Не было смысла, ни цели, ни планов, ни улыбки. Ни до кого в мире не было мне больше дела. Только одному человеку мог я поверить свою печаль — человеку с порошком, моему молчаливому старому визави.

К нему я и направился. Он принял меня с распростертыми объятиями... и как бы там ни было — теперь я понимал его. Каждое слово. Каждую горькую улыбку. Все стало для меня таким понятным, само собой разумеемым.

— Поедем со мной, — предложил он. — Все мои вещи уложены, все сундуки готовы.

Этого пресыщенного, разочарованного аристократа теперь не узнать было... В нем появилось что-то новое... какое-то напряжение, ожидание. Его всегда аккуратно приглаженные седые волосы торчали теперь вихрами по-стриндберговски, а прежде вечно щурившиеся глаза широко открылись и сверкали оживлением, энергией.

— Мой долгий рабочий день кончился, — заговорил он. — Я победил, могу теперь отдохнуть, и затем — мне остается лишь напрячь свои последние силы, чтобы использовать свою победу. Поедем со мной. Слышите? Мы с вами пара. Или вы только и созданы на то, чтобы сидеть тут да потеть над какой-то триумфальной аркой или бегать по городу с горшком клейстера да созывать людей на собрания, на которых умные все равно не бывают, а глупые ничего не понимают?

Чего достигнете вы таким путем? Ровно ничего! Только сделаете себя посмешищем, которому не место в порядоч-

ном обществе. Бросьте все это, слышите! Люди глупы и глухи к доводам разума, такими и останутся, даже если бы нам удалось всех их пропустить через гимназию, как пропускают мясо сквозь колбасную машинку.

Мир становится ужасным... его необходимо исправить, переделать, это так, — но ваш метод никуда не годится. Мой гораздо практичнее.

— Какой же это? — спросил я.

Его глаза лихорадочно сверкали.

— Порошок, — сказал он. — Мой порошок. Мы оставим в покое стадо нашего милого арендатора. На пажитях мировой истории разгуливают волы и быки поинтереснее, надутые высокомерием, кровожадные. Едем! Едем вместе! Соглашайтесь! Мы будем творить мировую историю. Мы одним мановением руки будем придавать миру более приличный вид!...

Я согласился, — я был так удручен, измучен. С первой осенней бурей мы покинули купальное местечко и понеслись на пароходе к югу — к теплу, к пальмам, в неведомый, огромный мир.

VII

— Взгляните, — сказал он мне.

Мы сидели в уютном номере с зелеными панелями, в незнакомом отеле, в глубине континента. Двери были закрыты, и перед нами лежала целая кипа газет; все столбцы были заполнены сообщениями о войнах, восстаниях, тирании и нищете. Он собирал газеты во время нашей поездки и, прочитывая, делал отметки синим карандашом.

— Взгляните, сколько тут подчеркнуто имен. Большинство этих людей я знаю еще со времен моей молодости, с тех пор, когда пробуждающиеся народные массы были всколыхнуты первыми веяниями свободы и бурями мятежа. Теперь эти люди изменили делу свободы. Теперь они сами подают пример алчности, кровожадности, лезут вверх и рас-

талкивают всех локтями. Всех настоящих, талантливых, добрых, чутких они оттеснили в сторону, придушили, придавили, а сами протолкались на вершину, где ими одним за другим овладевает мания величия. Это — циники. Они уже не верят в возмездие. Им недоступно чувство доброты, ими движет только личная выгода. На этом листе я записал их имена. Спрячьте хорошенько. Мы выезжаем, немедленно.

— С кого же мы начнем?—спросил я.

— Вот с этого. С генерал-губернатора. Я знал его еще ребенком. Отец — честолюбец, мать — больная бабочка, а этот избалованный мальчишка стал одним из самых свирепых тиранов человечества.

Подумайте, если бы он проведаль про мой порошок, которым мог бы втихомолку, бескровно, — тихо и мирно — «пульверизовать» своих соперников, явных и тайных, поверьте мне: он не оставил бы в живых ни одного талантливого человека в пределах досягаемости. Теперь он сам будет номером первым... Ну, едем!

IX

Мы мчались в экспрессе. Мы приближались к столице генерал губернатора. В предместье поезд замедлил ход. Дождь лил, как из ведра.

На одной из площадей мы заметили что-то странное. Опустили окошко купе. Что же это такое?

— Это виселицы, — сказал один из наших спутников, набивая себе трубку. — Вчера повесили еще девятерых студентов. А эти — тот, что посредине, композитор — из новых, знаете ли; а рядом, длиннобородый — профессор истории.

Мой старый друг пожелтел и позеленел, как мертвец.

— Вот! — сухо сказал он и ощупал свою «пороховницу».

— Да, — так же сухо отозвался наш собеседник, и мы подкатили к вокзалу.

Мы поехали прямо в старинный дворец Карловингов, а

вечером сидели в опере, рядом с пустой пока ложей генерал-губернатора.

Итак, это должно было совершиться...

Зрительный зал представлял раздушенную, сияющую гору вееров и бриллиантов.

О, как они обмахивались!.. как улыбались — в то время, как девятеро смельчаков-студентов болтались под проливным дождем на виселицах.

Под гром приветствий генерал-губернатор занял свое место в ложе. Мания величия светилась в его взгляде, хотя ему не оставалось и двадцати минут жизни, болвану.

В антракте мой друг-граф получил аудиенцию в аванложе. Тихо и скромно скользнул он туда под махание вееров и гул голосов.

Так же тихо и скромно вышел он оттуда, сел возле меня, распространяя вокруг аромат гелиотропа. И пожал мне руку под махание вееров, гул голосов и сладостный рокот райской музыки — в честь генерал-губернатора.

— Что с ним случилось? — спросил я.

— Тсс, — шикнул граф и хихикнул. — Лежит себе в уголке на ковре. Больше никого не отправит на виселицу. В нем не осталось ничего внушающего страх, и завтра его забрет пылесос.

В ту же ночь мы покинули столицу. Мы направлялись в купальное местечко на теплом морском берегу — перевести дух после своего всемирно-исторического подвига и в тихом уединении поздравить друг друга с освобождением человечества.

Двое суток спустя мы снова сидели в отеле в нашем номере с зелеными панелями и с напряженным интересом взялись за газеты, чтобы узнать новости о раскрепощенном человечестве. Увы! мы остались на этот раз с длинным носом...

Щепотка графского порошка развела большое волнение на поверхности океана событий, но...

В столицу немедленно прибыл начальник генерального штаба и занял все улицы и присутственные места орудиями и патрулями. О! Это был колоссальный ум и нена-

сытная утроба. С горько перекошенным ртом — не то от презрения ко всему миру, не то от табачной жвачки, а, может статься, от того и другого вместе, человек, никогда не терявший самообладания — ни от капризов любовниц, ни при расстрелах толпы на площади...

Исчезновение губернатора пришлось ему как раз кстати, явилось для него настоящим благодеянием свыше. Он только того и ждал. Генерал-губернатор, видите ли, находил, что выгоднее прекратить войну, пока начальник генерального штаба не забрал чересчур большую силу. Теперь затрещали барабаны и, как снег на головы миллионов, посыпались приказы о новых призывах в войска.

— Мерси! — воскликнул граф, у которого от бешенства волосы поднялись на голове дыбом. — Про него-то я и забыл. Но погоди, милейший мой генерал! Нас ты не будешь водить за нос, пока у нас есть порошок в коробочке!

Х

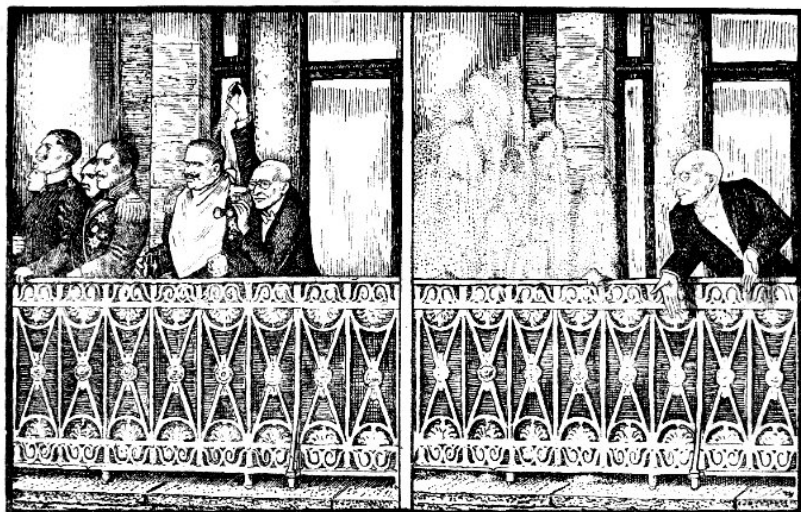
Мы отправились на театр военных действий. Всю ночь грохотали пушки, мимо нас, по грязи, под дождем двигались толпы беженцев. Впереди пылал приморский город.

Мы прибыли в главную квартиру генерального штаба. Офицеры толпились около большой стенной карты, дрожа от азарта, как игроки в Монте-Карло. Они яростно спорили о линиях укреплений, о том, сколькими жизнями можно пожертвовать ради удержания той или иной позиции — семью тысячами или только четырьмя.

Тут их позвали кушать. На столе — ароматные вина, дымящееся жаркое, а на линии огня — сплошной ужас, тела рядовых, повиснувших на колючей заградительной проволоке, между полусгнившими сапожниками и портными...

Мы с графом стояли на балконе с его двоюродным братом, полковником, когда воздух задрожал и загрохотал от далекого взрыва: это взорвали на воздух крупный форт неприятеля.

Офицеры, ликуя, кинулись к окнам, на балконы. Поспешил выйти и сам генерал-фельдмаршал с салфеткой под подбородком, оттолкнул нас в сторону и начал вглядываться вдаль, вытягиваясь и весь дрожа от напряженного любопытства. Мировой спектакль... Безумно интересно — чем дело кончится...

Ха! Ему-то не пришлось дожидаться конца.

Бесшумным, змеевидным изгибом поднятой руки граф посыпал порошком могучую потную спину.

Генерал-фельдмаршал исчез, рассыпался прахом на балконе, где стоял; был втоптан в грязь сапогами офицеров и смыт дождем вниз, по стенке фасада!

Затем исчез его сосед, потом другой, третий... все стали грязными потеками на стене.

Наконец, на балконе остались только мы с графом. Вдали продолжался адский орудийный огонь, шум и грохот, а с балкона струился в столовые крепкий запах гелиотропа...

— Чудесно! — воскликнул граф. — А-а! Наконец-то мы их всех истребили!

Да-а, как бы не так!

Восемь дней спустя мы опять благополучно сидели в своем зеленом номере отеля и с напряженным интересом следили за ходом событий, толчок которым был дан действием последнего порошка.

И, надо сознаться, у газет не было недостатка в материале. Кровь и грязь струились с их столбцов неделя за неделей.

Исчезновение всего генерального штаба целиком явилось сигналом к небывалому в истории побоищу... к кровавой ночи, когда люди уничтожали друг друга сотнями тысяч без всякого плана военных действий.

На арену мировой истории вынырнул новый феномен, епископ, которого раньше никто и не замечал: интриган, архимиллионер с феноменальным аппетитом к жизни и с беспримерным красноречием религиозного характера, прямо, как нарочно, созданный покорять и сплачивать человеческие массы.

Он проповедовал направо и налево «любовь и мир», а сам реорганизовал армию и продолжал прежнюю игру. И снова загрохотали пушки.

Граф рвал и метал.

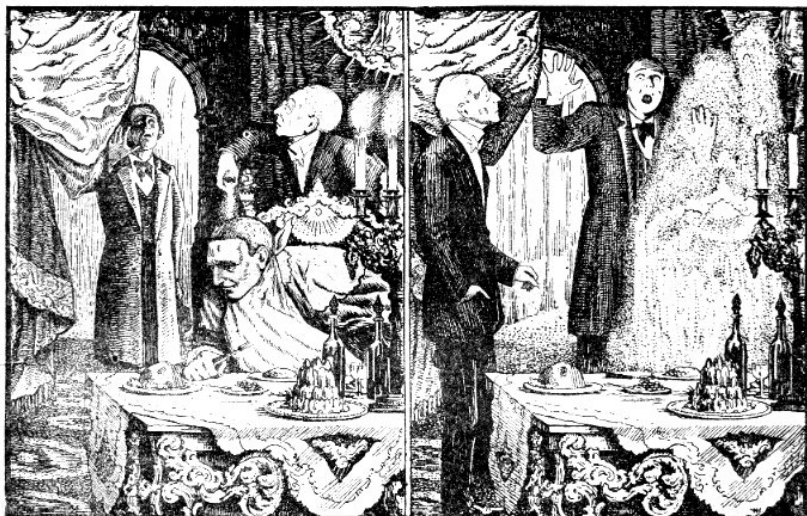
— Как будто сам сатана нанизывает на веревочку всех мерзавцев, чтобы мы их пульверизовали всех подряд!

Мы снова снялись с места. Добились аудиенции у епископа во время его завтрака и вежливенько превратили в прах его преосвященство как раз, когда он с вилок в руке блаженно потянулся за пармезаном.

— Дадут ли нам теперь, наконец, покой?! — возмущенно спросил граф, глядя, как епископ укладывается кучкой праха на собственном ковре из медвежьей шкуры.

Но нам не давали покоя.

На смену исчезнувшему епископу вынырнула целая плеяда авантюристов. Сначала один шикарный альфонс, потом парочка друзей-аферистов, имевших огромный успех во всех

кругах; потом молодая вдова ростовщика, объявившая себя современной Жанной д'Арк и совершавшая торжественные въезды в один город за другим — с маханьем пальмовыми ветвями и подстиланием ковров ей под ноги; потом еще целый ряд плутов и народных героев вперемешку, которые все, один за другим, заражались манией величия и алчностью и вели себя, как дикие звери.

Мы pulverизовали всех; странствовали по биржам, парламентам, конгрессам и превращали в прах всех попадавшихся нам ненасытей и маньяков величия, как только они грозили стать опасными. И они рассыпались прахом и укладывались у наших ног пыльными кучками, сколько ни пыжились, ни важничали за какую-нибудь минуту до этого. Мы оставляли за собой целый ряд таких пыльных кучек. Но стоило исчезнуть одному маньяку, как на смену ему вырастали двое и дрались за освободившееся место. Тогда мы убирали и этих.

Мы не знали отдыха, вечно были в дороге. Вначале мы каждый раз с некоторой торжественностью отправлялись в поход и приступали к делу уничтожения какого-нибудь нового властелина, но постепенно мы привыкли к этому. Вначале мы подолгу совещались в каждом отдельном слу-

чае, затем дело приняло более случайный характер. Одним больше, одним меньше — какую роль играет это в мировой экономике!.. Боюсь, что и мы готовы были заразиться магией величия.

Припоминаю один поздний вечер в вагоне. Поезд был переполнен беженцами после землетрясения, и нам пришлось несколько часов проехать стоя. Наконец, нам посчастливилось попасть в пустое купе, но только что мы собрались растянуться, как явился какой-то тупоумный бродяга, уселся на одну скамейку, положил ноги на противоположную и принялся с помощью указательного пальца одной руки пересчитывать медяки на ладони другой.

От него разило водкой, воняло грязью, а вихры его наверняка не были свободны от «постоя». И он все сызнова и сызнова пересчитывал свои грязные медяки.

Поистине, нелегко было видеть в этом отребье своего ближнего и с особенным удовольствием делить с ним скамейку.

— Нет, только этого еще недоставало! — с сердцем буркнул граф.

...Пуф-ф... и аромат гелиотропа вытеснил запах сивухи, а останки бродяги посыпались с лавки чистенькой стружкой праха.

Тогда граф улегся на место бродяги и вскоре погрузился в крепкий сон. Я же был слишком испуган той стадией, до которой мы дошли. Буквально «фукнуть» чужую жизнь только для того, чтобы самому поудобнее разлечься!.. Признаться, я провел всю ночь сидя, в то время как граф спокойно спал себе на освободившемся месте бродяги, который ехал бесплатно на полу, между обгорелыми спичками и апельсиновыми корками.

Как будто что-то новое, и вместе с тем старое зашевелилось на дне моего сознания.

Да, так это и было. Моя прежняя радость бытия, замерзшая в моей душе в ту ночь, когда потушили последний огонек, озарявший мои дни на одре болезни, — право, она снова пробуждалась, пускала новые весенние ростки.

День спустя мы с графом проходили по людной площади.

Цветущее девичье личико промелькнуло совсем близко от меня.

Я невольно обернулся. И на меня пахнуло такой свежестью, таким весенним здоровьем, что я бессознательно стал оборачиваться вслед всем встречным девушкам. Граф, напротив, быстро, сердито семенил вперед, не обращая внимания ни на цветы, ни на девушек.

«Он высох... — прозвучало во мне словно предостережением. — Он стар, а ты еще молод... какое счастье! молод, молод!»

Я еще следовал за ним, но предчувствовал, что мы скоро расстанемся.

И час разлуки настал — высоко в горах, в лесу, далеко от города.

На повороте дороги, между папоротниками и елями, лежала палая лошадь, раздутая, с закинутой назад ослепшей серой мордой, словно жалобно вопя разинутым ртом против жестокостей судьбы.

Брюхо лопнуло, и между зеленоватыми внутренностями кишмя кишели сероватые личинки, а кругом так и жужжали целые рои мух и других насекомых на этой отвратительной падали.

— Ого-го! — воскликнул граф, притупившиеся чувства которого приятно возбудило это омерзительное зрелище. — Вот вам все бытие. Немая, жалкая падаль — жатва для рвачей и паразитов.

И с каким-то нечленораздельным торжествующим возгласом он швырнул целую коробочку порошка в эту симфонию красок и жужжания.

Легкий свист... Кипение... Быстрый смерч... и мухи, осы, ужас и мерзость — все смешалось, взвилось вихрем пыли, которая затем улеглась смиренно и невинно серой кучкой среди папоротников и душистых ветвей.

Граф смеющимися глазами следил за явлением, дожидаясь, пока все уляжется, затихнет, а я живо повернул налево кругом и, не прощаясь, без единого слова быстро зашагал, бодрый и свободный, обратно к городу, к жизни, к ее домогательствам и шуму, к розам, и поцелуям, и молодым девушкам.

ХІІІ

Прошел год.

Я снова ходил по старым улицам, снова вошел в колею прежних обязанностей, в рамки милого, старого, твердого расписания часов... но сам обновленный, бодрый и свежий.

Я отдохнул всем своим существом, перебродил. По моим нервам пробегала новая искристая сила, мои жилы напрягались новым неутомонным задором. Мои глаза обрели новый блеск и новую зоркость. Я видел новые, свежие краски на цветах, на домах и в пестрой человеческой сутолоке.

Легко и естественно проложил я себе дорогу в круг девушек, свежим инстинктом выбрал из них настоящую... Невеста, свадьба, дом и хозяйство, все устроилось так же просто и легко, как ветка розового куста колыхнется по ветру.

Лес шумел за порогом моего жилья, в буковых вершинах куковала кукушка в такт и биению неутомонного молодого сердца. В кухне, напевая, хозяйничала моя подруга, а за окном школьного класса заливался скворец, славя солнце и жизнь.

А по вечерам... о, как легко проторил я опять тропу на народные сборища, в кружки и союзы трудящихся, куда великий, освежающий поток жизни и прогресса — вечно обновляющийся — ежедневно просачивается все больше и больше тысячью крохотных ручейков, не смотря ни на ка-

кие преграды и затруднения.

Мы устраивали большой праздник, народное гуляние с афишами, с триумфальной аркой, и сам я снова сидел на самой верхушке с молотком и гвоздями, прибывая зелень и цветы.

Был вечер, и солнце клонилось к закату.

Вдруг внизу мне послышался тоненький голосок. Я осторожно посмотрел вниз; рот у меня был набит гвоздями.

Там стоял сгорбленный старичок и поглядывал наверх.

— Как! Вы все еще торчите там наверху?—заквакал он.

Подумайте! Это был граф!

Длинные белые локоны рассыпались по воротнику его пальто, такие белые, по-ингеманновски* длинные и мягкие. О, какой маленький и усталый! Какая увядшая, пепельно-серая улыбка!.. В одной руке он держал стариковский зонтик, в другой — потертую кожаную сумочку.

О, какой это был старый, измученный человек!

Я спустился вниз. Поздоровался с ним и повел к себе в дом через садик, весь в сирени и жасминах.

Жена моя улыбалась и наливала нам кофе. Ручеек громко журчал, кукушка куковала, окна веяло вечерней прохладой...

— Разве не хорошо у нас? Чудесно ведь! — воскликнул я.

— Ничего себе, — поддразнил он, — здесь есть все, что полагается в романах.

Моя жена была так молода и простодушна, что приняла это за настоящий комплимент. Когда она вышла за чем-то, я воспользовался случаем, чтобы спросить его:

— Ну, а как дело с порошком? Скоро вам удастся истребить всех насильников?

Некоторое время он сидел, молчаливый и неподвижный, как мумия; наконец, сказал:

— Это дело безнадежное. Только истребишь одного, как на его место является десяток других. Их целые толпы ждут

* В. С. Ингеманн — датский писатель (+ 1862 г.), причисленный к национальным классикам (*Прим. пер.*).

своей очереди. Этому конца не предвидится. Пожалуй, люди вроде тех глубоководных рыб, что чувствуют себя хорошо только на определенной глубине. Стоит вытянуть их наверх, как <они> выворачиваются наизнанку от непреодолимой мании величия.

— Так значит, как же теперь с вашим лечением порошком?

— Не думаю, чтобы его стоило продолжать. И что за беда, если на свете и будет сотня-другая безумцев, страдающих манией величия! Пусть только народ сам хорошенько отбивается от них, потому что их только и можно образумить нажимом снизу... И наилучшей средой для развития разума, по-видимому, являются все-таки низы.

Я вышел на минутку загнать кур прежде, чем лиса отправится в ночной обход.

Когда я вернулся, графа в комнате не оказалось, но на встречу мне струился хорошо знакомый запах гелиотропа, а на полу серела скромная кучка пыли — трогательно маленькая, скромная.

«Гм, — подумал я, — так он исчез!»

На столе лежала записка со словами:

«Прощайте, молодой друг. Передайте привет вашей жене. Она очень мила».

ПРИМЕЧАНИЯ

В настоящий сборник, продолжающий публикацию раритетных текстов из архива издательства *Salamandra P.V.V.*, вошли научно-фантастические произведения западных писателей первых десятилетий XX века.

Все произведения публикуются по первоизданиям. Безоговорочно исправлялись очевидные опечатки; орфография и пунктуация текстов приближены к современным нормам. Все иллюстрации взяты из оригинальных изданий. Источники текстов указаны ниже. В квадратных скобках приведены редакционные врезки или предисловия. Допущенные в переводах сокращения нами не оговаривались.

В оформлении обложки использована работа А. Кубина.

Д. Остен. Конец Земли // *Вокруг света* (Л.). 1927. № 8.

[Автор, профессор в Кембридже, переносит читателя на сорок миллионов лет в будущее и рисует картину того, как произошел наиболее вероятный, с его точки зрения, конец нашей планеты. Рассказ ведется от лица переселившегося на Венеру бывшего землежителя.]

М. Верн. Вечный Адам. Пер. М. Таймановой. Илл. В. Колтунова // *Искатель*. 1972. № 2, март-апрель. Повесть была написана сыном Ж. Верна Мишелем, однако иногда ошибочно приписывается Ж. Верну.

[Повесть «Вечный Адам» была написана Жюлем Верном в последние годы жизни и опубликована в посмертном сборнике его произведений «Вчера и завтра» (1910). В творческом наследии великого фантаста эта вещь занимает особое место. Как и другие французские писатели (Г. Флобер, А. Франс), отдавая дань модной в то время теории движения истории по замкнутым циклам, Жюль Верн изображает внезапную геологическую катастрофу, в результате которой на Земле остается лишь горстка людей, вынужденных в борьбе за существование начать «все сначала».

Казалось бы, концепция пессимистическая. Так зачастую и трактуют «Вечного Адама» зарубежные исследователи. Но если вдуматься в замысел, то он куда более сложен и не укладывается в однолинейную схему. Писатель, ставя уцелевших людей в неимоверно трудные условия, доводящие их потомков до состояния дикости, вместе с тем прославляет Человека, этого «вечного Адама», который никогда не останавливается на достигнутом и неуклонно движется к своей цели — «совершенствованию познания и владычеству во вселенной».

Любопытно, что основное действие повести относится к грядущему тысячелетию, когда люди уже научились летать к планетам солнечной системы, мечтали о путешествиях к звездам и благодаря неслыханным достижениям медицины надеялись обрести физическое бессмертие. Затем происходит всемирный потоп, и по прошествии многих тысячелетий нового поступательного движения успехи цивилизации и прогресса делают возможным археологические раскопки, нахождение и расшифровку рукописи, определяющей сюжет повести. Пройдет еще какое-то время, и человечество, заново повторив пройденный путь, возместит все потери, вызванные воображаемой катастрофой.

Важно также отметить критическое отношение автора к библейскому мифу об Адаме и Еве, который истолковывается Жюлем Верном отнюдь не в религиозном смысле, а как некий поэтический символ вечного и неустанного восхождения ищущей мысли, воплощенной в Человеке, представляющем вершину биологической эволюции.

«Вечный Адам» печатался на русском языке в старом «Мире приключений» (1911, № 1, 2), но не был включен ни в одно собрание сочинений Жюль Верна.

Это малоизвестное произведение родоначальника научно-фантастического романа публикуется в новом переводе по тексту упомянутого сборника «Вчера и завтра».

Евг. Брандис]

К. У. Харрис. Последняя борьба // *В мастерской природы*. 1928. №№ 10-11.

[Предлагаемый читателям рассказ американской писательницы Клары У. Харрис раскрывает перед нами одну из биологических возможностей далекого будущего. В этом произведении смелая фантастика Уэльса счастливо переплетается с сарказмом Свифта.]

К. Фламмерион. К центру Земли! // *Всемирная панорама*. 1908. № 15, 31 июля.

К. Фламмерион. Путешествие на планету Марс // *Волны*. 1913. № 5, март.

[Статья эта принадлежит перу одного из величайших астрономов всего мира. В своей собственной обсерватории в Жювизи, близ Парижа, он уже много лет наблюдает звезды и нашу загадочную соседку, планету Марс, которую он изучил настолько, насколько это возможно при нынешнем состоянии науки. Все это придает особый интерес его статье].

Э. Перрье. Какова жизнь на Марсе? // *Волны*. 1913. № 5, март.

Г. Уэллс. Обитатели Марса // *Огонек*. 1908. № 25, 22 июня (5 июля), с нижеследующим редакционным послесловием. Иллюстрации Уильяма Лейта (Leight) взяты из оригинальной публикации: «The Things That Live on Mars» // *Cosmopolitan Magazine*. 1908. Vol. XLIV, № 4).

[Фантастическая изобретательность автора этой любопытной статьи, так ярко выразившаяся в его всесветно знаменитом романе «Борьба двух миров», исходит из положений, установленных современной наукой. Но в то время, как в своем романе Уэльс устраняет всякую критику, в приводимой нами статье он не отступает перед признанием в ограниченности человеческих познаний.

Того, что уже установлено наукой, вполне достаточно, чтобы поразить наше воображение: действительность столь же невероятна, как и самый смелый вымысел, в сущности — представляющий лишь новую комбинацию той же действительности].

А. Пярнянен. Обсерватория на Марсе. Пер. Э. Торнийнена // *Вестник знания*. 1904. № 12.

Э. Кей. Через сто лет. Пер. Р. Маркович // *Ежемесячник «Газеты-копейки»*. 1910. № 12, декабрь.

Э. де Кейзер. Двадцать веков спустя. Пер. А. Д. // *Руль* (Берлин). 1924. № 1063, 4 июня.

А. Алле. В чужой шкуре // *Синий журнал*. 1912. № 44, 26 октября.

Э. Армстронг. Эликсир жизни // *Всемирный следопыт*. 1927. № 6, с подзаг. «Юмористическая фантастика».

И. Монте. Торжество науки // *Огонек*. 1908. № 29, 20 июля (2 августа).

О. Рунг. Радио-сказочка // *Мир приключений*. 1926. № 4.

Г. Геринг. Исчезновение премьер-министра // *Мир приключений*. 1922. № 1. В предпоследнем абзаце русского текста, очевидно, по вине наборщика выпали несколько строк, восстановленных нами по английскому оригиналу. Илл. Г. Кинга взяты из английской публикации (*The Windsor Magazine*, Vol. XV, декабрь 1901 – май 1902).

В. Воррел. Город молчания // *Всеобщий журнал литературы, искусства, науки и общественной жизни*. 1911. № 10, сентябрь.

Х. Бергстедт. Человек с порошком. Пер. А. Ганзен. Илл. Н. Ушина // *Мир приключений*. 1926. № 1.

Оглавление

Д. Остен. Конец Земли	6
М. Верн. Вечный Адам	18
К. У. Харрис. Последняя борьба	62
К. Фламмарион. К центру Земли!	86
К. Фламмарион. Путешествие на планету Марс	96
Э. Перрье. Какова жизнь на Марсе?	103
Г. Уэллс. Обитатели Марса	110
А. Пянянен. Обсерватория на Марсе	124
Э. Кей. Через сто лет	132
Э. де Кейзер. Двадцать веков спустя	137
А. Алле. В чужой шкуре	143
Э. Армстронг. Эликсир жизни	149
И. Монте. Торжество науки	163
О. Рунг. Радио-сказочка	171
Г. Геринг. Исчезновение премьер-министра	183
В. Воррелл. Город молчания	198
Х. Бергстедт. Человек с порошком	205
П р и м е ч а н и я	229

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

Настоящая публикация преследует исключительно культурно-образовательные цели и не предназначена для какого-либо коммерческого воспроизведения и распространения, извлечения прибыли и т.п.

SALAMANDRA P.V.V.